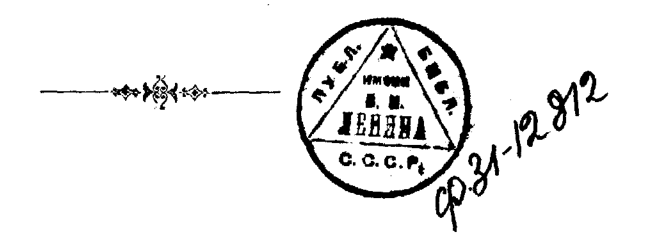
ГЕРОИНИ ОВИДІЯ.

Переводъ съ латинскаго

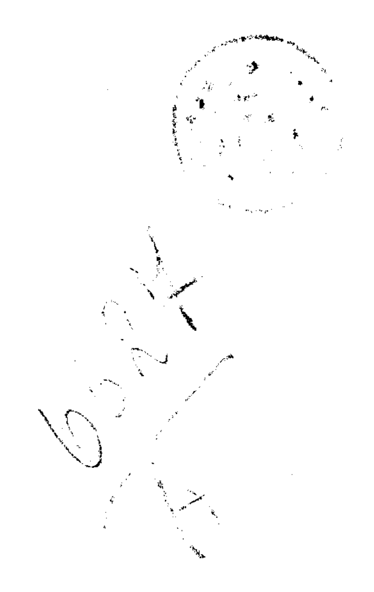
Д. Шестакова.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1902.

Печатано по опредѣленію *историко-филологическаго* **факультета** Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ *Д. Корсаковъ*.

ПАМЯТИ

графа Дмитрія Андреевича

Толстого

ПОСВЯЩАЕТЪ ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Предисловіе.

Предлагаемый переводъ „Героинь“ Овидія неровенъ въ художественномъ отношеніи. Знакомый съ подлинникомъ читатель согласится, что это неравенство перевода невольно послѣдуетъ неравенству, въ художественномъ смыслѣ, самого подлинника. Плодъ молодой и неопытной еще руки, „Героини“ являютъ всѣ признаки высокаго таланта—въ щегольскомъ по отдѣлкѣ и вкрадчивомъ по звуку стихѣ, въ обиліи и изяществѣ образовъ, въ безспорной красотѣ и поэтичности многихъ отдѣльныхъ эпизодовъ, въ выборѣ и композиціи которыхъ чувствуется уже будущій авторъ „Метаморфозъ“. Но сколько въ нихъ, рядомъ съ этимъ, холодной и ненужной риторики, сколько блѣдныхъ, растянутыхъ мѣстъ, исключительно внѣшнее совершенство которыхъ не имѣетъ въ себѣ ничего, что могло-бы воздѣйствовать сколько-нибудь возбудительнымъ образомъ на переводчика. Какъ рѣдко каждое отдѣльное стихотвореніе сборника представляетъ одно безукоризненное, художественное цѣлое.

Сюжетъ „Героинь“—такъ говорящія молодому чувству драмы любовной страсти. Героини греческой древности, покинутыя или пренебреженныя мужьями и любовниками, изливаютъ свои страданія и горести въ посланіяхъ къ коварнымъ героямъ своего романа. Нельзя сказать, чтобы самый этотъ художественный замыселъ принадлежалъ къ числу особенно счастливыхъ. Греческая старина пріучила насъ къ иного рода героинямъ. Онѣ страдаютъ, но страдаютъ молча или немногословно, и нечего

говоритъ, насколько выше и серьезнѣе драмы этого молчаливаго страданія. Не говоримъ этимъ, чтобы во многихъ мѣстахъ у Овидія не слышался волнующій и трогательный голосъ истинной страсти. Но какъ часто,—нежелательно часто, этотъ голосъ страсти смѣняется у римскаго поэта красивыми, но многословными *разсужденіями о страсти*, *резонерствомъ* надъ собственнымъ страданіемъ.

Этой черты нельзя ставить на счетъ только молодости поэта, неспособной еще съ достоинствомъ и серьезностью проникнуть въ глубину трагическаго чувства. Болѣе, быть можетъ, этой субъективной причины повинна въ томъ причина скорѣе объективная, общая у Овидія со всѣмъ ему современнымъ роскошнымъ императорскимъ Римомъ. Насколько искренняя страсть, которую хотѣлъ изобразить поэтъ, настолько же искренни его нравственныя убѣжденія, убѣжденія всего тогдашняго Рима, въ которыхъ не было ничего ни героическаго, ни въ строгомъ смыслѣ нравственнаго. И искренность этихъ убѣжденій Овидія слишкомъ часто вредитъ искренности его изображенія, мѣшаетъ единству и цѣльности художественнаго впечатлѣнія. Если передъ нами и героини греческой старины, то героини значительно модернизированныя, нравственно-пониженныя до уровня моральныхъ воззрѣній самого Овидія и родного ему римскаго общества.

Возьмемъ для примѣра Федру. Пока, въ припадкѣ мучительной страсти, она полу-мечтаетъ, полу-бредитъ о лѣсахъ и охотахъ, о служеньи любимой богинѣ Гипполита, Діанѣ, пока въ горячихъ и страстныхъ выраженіяхъ она возвышаетъ красоту своего пасынка,—дотолѣ ея посланіе, близко повторяющее соотвѣтственное мѣсто Еврипида, и искренно, и художественно, и будитъ въ читателѣ и ужасъ и состраданіе, словомъ совершенно возвышенныя и очищающія чувства. Но вотъ вдругъ насъ обдаетъ скептическимъ и легкимъ дыханіемъ современной Овидію морали. Федра сама принимается

оправдывать свое чувство, указываетъ на примѣръ людей и боговъ, на невозможность въ новыхъ условіяхъ вѣка старыхъ, чистыхъ привязанностей. Въ уста жертвы роковой страсти, жертвы, искупающей эту страсть серьезнымъ и тяжелымъ страданіемъ, вкладываются теперь тѣ легкія и все—разрѣшающія, софистическія убѣжденія, которыя у Еврипида до нѣкоторой степени выражаетъ старуха — нянька Федры. Но разлагающее вліяніе этого свѣтскаго скептицизма у Овидія чувствуется гораздо сильнѣе. Сдѣлайте еще шагъ внизъ,— и передъ вами уже не серьезная и волнующая драма, а повседневный и пошлый своей повседневностью, если такъ можно выразиться, трагическій водевиль адюльтера.

Все это прикрывается у римскаго поэта тонкимъ изяществомъ поэтическаго убора, въ который онъ одѣваетъ свои мысли и чувства. И поскольку эта внѣшняя красота еще не вовсе лишена и внутренняго достоинства,—а совсѣмъ отрицать этого въ Овидіи мы не въ правѣ,—постольку интересенъ для насъ и этотъ слабѣющій отголосокъ строгой классической красоты.

I.

Пенелопа.

Это, медлитель Улиссъ, твоей Пенелопы посланье.
Мнѣ не пиши ничего: самъ воротися ко мнѣ.
Троя пала во прахъ, ненавистная дѣвамъ Данайскимъ.
Стоилъ едва-ли того съ цѣлою Троей Пріамъ.
О, когда бы еще съ судами стремившійся къ Спартѣ
Былъ обольститель объятъ грозною бурею водъ!
Я бъ не лежала тогда, холодѣя, на ложѣ забытомъ,
Не тосковала бы, какъ медленно тянутся дни,
И, торопясь обмануть часы безконечные ночи,
Я не трудила бы рукъ надъ одинокимъ станкомъ.
Какъ изводили меня небывалыхъ опасностей страхи,
Сколько заботъ и тревогъ въ сердце влагала любовь!
То представляю я, врагъ жестокій идетъ на супруга,
То поблѣднѣю, едва Гектора мнѣ назовутъ.
Скажутъ-ли, какъ Антилохъ отъ Гектора падалъ въ сраженьѣ,
Къ новому трепету намъ поводомъ былъ Антилохъ;
Иль какъ Менетія сынъ погибъ подъ чужою бронею,—
Плакалась я, что не всѣ козни вѣнчаетъ успѣхъ;
Кровью-ль своей Тлеполемъ копье согрѣвалъ у Ликійца,—
И Тлеполема конецъ муку мою обновлялъ.
Кто-бы и какъ-бы въ бою ни палъ изъ Ахейскаго войска,

Стали меча ледянѣй дѣлалась робкая грудь.
Но непорочной любви благосклонствовалъ богъ правосудный:
Трою низвергли во прахъ, и невредимъ мой Улиссъ,
Дома Аргоса вожди. Алтари дымятся святые,
Къ отчимъ возносятъ богамъ чуждой добычу земли,
И за спасенье мужей благодарныя жертвы приносятъ
Жены,—а тѣ предъ семьей падшую Трою поютъ.
Съ трепетомъ дѣвушки имъ внимаютъ и старцы дивятся,
И съ повѣствующихъ устъ взора не сводитъ жена.
Столъ поставитъ иной и дикія битвы рисуетъ,
Цѣлый Пергамъ создаетъ въ каплѣ вина на доскѣ:
„Здѣсь бѣжалъ Симоисъ, вотъ это Сигеевы нивы,
Здѣсь возвышался дворецъ старца Пріама; вотъ тутъ
Въ бой наступалъ Эакидъ, отселѣ Улиссъ устремлялся;
Здѣсь быстроногій коней спущенныхъ Гекторъ спугнулъ“.
Все это Несторъ старикъ твоему разсказывалъ сыну,
Все, воротившись съ своихъ поисковъ, сынъ повторилъ.
Онъ разсказалъ, какъ мечомъ посѣкъ ты Долона и Реза,
Какъ былъ дремою одинъ преданъ, коварствомъ другой.
О, какъ чрезмѣрно своихъ забывая, посмѣлъ ты, безумецъ,
Въ лагерь Ѳракійскихъ борцовъ вылазкой выйти ночной,
Столькихъ заразъ бойцовъ перебить съ однимъ провожатымъ.
Но остороженъ-ли былъ, помнилъ ли раньше меня?
Дрожь пронизала мнѣ грудь, когда говорили, какъ лагерь
Дружескій ты пролетѣлъ на Исмарійскихъ коняхъ.
Что же мнѣ пользы, что вы раскидали своими руками
Весь Иліонъ и съ землей крѣпкій сравняли оплотъ,
Если живу, какъ жила, когда и Троя стояла,

Если супругъ для меня также потерянъ навѣкъ?
Срытый для прочихъ Пергамъ одной невредимъ Пенелопѣ,—
Пусть побѣдитель давно пашетъ на плѣнномъ быкѣ,
Пусть и посѣвъ, гдѣ Троя была, и богатую жатву
Тучная кровью Троянъ нива приноситъ серпамъ;
Плугъ разбиваетъ кривой—землей полускрытыя кости
Воиновъ, вьется трава выше развалинъ домовъ.
Нѣтъ, побѣдитель, тебя; не знаю, зачѣмъ ты замедлилъ,
Или гдѣ на землѣ скрылся, безжалостный, ты.
Кто бы чужою ладьей Итаки бреговъ ни коснулся,
Много распросовъ тому я про тебя задаю;
И, чтобъ тебѣ передать, когда тебя онъ увидитъ,
Въ руки ему отдаю свитокъ посланья къ тебѣ.
Мы посылали въ Пилосъ, стариннаго Нестора землю,
Сына Нелея,—и тамъ шаткая только молва.
Съ Спартой сносилися мы,—и Спарта не вѣдаетъ правды.
Гдѣ ты, въ какой ты землѣ? что же ты медлишь, Улиссъ?
Лучше бъ стояли еще сейчасъ Аполлоновы стѣны!
И на молитвы свои, бѣдная, гнѣваюсь я!
Знала бы я, гдѣ борешься ты, и войны лишь боялась,
И раздѣляла бъ свои жалобы съ множествомъ женъ.
Нынѣ, не зная, чего бояться, всего трепещу я,
И широка для моихъ скорбныхъ арена заботъ.
Всѣ опасности волнъ и всѣ опасности суши
Кажутся мнѣ за предлогъ долгихъ скитаній твоихъ.
А покуда безумно боюсь я, по вашей привычкѣ,
Можетъ быть, чуждою ты страстью плѣнился давно;
Можетъ быть, съ той говоришь, какъ жена у тебя простодушна,
Какъ постоянно она скромно за пряжей сидитъ.
Пусть обманусь я,—развѣй обвиненія эти по вѣтру,
Не оставайся вдали, если свободенъ возвратъ!
Съ вдовьяго ложа сойти отецъ понуждаетъ Икарій

И за отсрочки мои вѣчныя тяжко бранить.
Пусть, какъ угодно, бранитъ,—твоя я, твоей и останусь,
Вѣчно Улисса женой быть Пенелопа должна.
Такъ уступаетъ любви моей и моленьямъ стыдливымъ
И укрощаетъ свою волю Икарій старикъ.
Но Дулихійцы, Самосцы, высокаго дѣти Закинѳа
Алчной толпой жениховъ свататься ходятъ ко мнѣ,
И во дворцѣ у тебя царятъ, и никто не прогонитъ
Хищниковъ нашихъ богатствъ, нашихъ достатковъ, Улиссъ.
Что же Пизандра тебѣ, Полиба и злого Медонта,
Что жъ Евримаховыхъ рукъ, иль Антиноевыхъ зло,
И другихъ называть, которыхъ ты всѣхъ такъ позорно
Кровью питаешь своей, кормишь имѣньемъ своимъ".
Нищій Иръ и Меланѳій, стада для пировъ приводящій,
О безконечный позоръ!—ходятъ и грабятъ тебя.
Трое насъ беззащитныхъ,—безсильная женщина въ домѣ,
И престарѣлый Лаертъ, и молодой Телемахъ.
Да и того у меня едва не сгубили засадой,
Какъ собирался онъ плыть къ Пилосу, имъ вопреки.
Но повелите, о боги, да въ праведномъ рока теченьи
Сынъ мнѣ закроетъ глаза, сынъ же смежитъ ихъ отцу.
Съ нами погонщикъ быковъ, кормилица ветхая днями,
Третій—вѣрный пастухъ грязной свинятни твоей.
Но и Лаертъ, ужъ безсильный поднять оружье руками,
Между безстыдныхъ враговъ власти не въ силахъ сдержать.
А Телемаху придутъ,—лишь дожилъ бы!—возраста годы;
Тутъ-бы ему и найти помощь въ отцовской рукѣ.
Силы нѣтъ и во мнѣ изгнать изъ дворца ненавистныхъ...
О, воротися скорѣй, радость ты намъ и оплотъ!
Есть (и молюсь, чтобъ и былъ) твой сынъ; отъ нѣжнаго дѣтства,
Долженъ его воспитать былъ бы разумный отецъ.

Вспомни Лаерта отца: чтобъ сынъ закрылъ ему очи,
Тщится еще отдалить день свой послѣднiй старикъ.
Я жъ, при отъѣздѣ твоемъ еще молодая какъ дѣва,
Раньше, чѣмъ вспомнишь ты насъ, стану старухой сѣдой.

II.

Филлида.

Демофоонтъ, что къ своей хозяйкѣ, Родопской Филлидѣ,
Дольше, чѣмъ ей обѣщалъ, не возвращаешься ты?
Только рога у луны до полнаго круга слилися,
Бросила якорь твоя къ нашему брегу ладья.
Мѣсяцъ четырежды гасъ, четырежды вновь нарождался,
А на Сиѳонскихъ волнахъ нѣту Актейскихъ судовъ.
Если ты дни перечтешь, какъ наша любовь ихъ считала,
Раньше ль законнаго дня жалоба наша звучитъ?
Долго надѣялась я. Едва осмѣянiю вѣры
Вѣрится; лишь вопреки сердцу виню я тебя.
Сколько лгала я себѣ за тебя, примѣчала какъ часто,
Точно стремительный Нотъ бѣлые несъ паруса.
Какъ я Тезея кляла, что сына пустить онъ не хочетъ,
Но твоего корабля, можетъ быть, онъ не держалъ.
Какъ я дрожала, пока ты плылъ по теченiю Гебра,
Чтобы сѣдая волна твой не пожрала корабль.
Часто, прося у боговъ, чтобъ ты былъ здоровъ, безпощадный,
Я на святыхъ алтаряхъ ладонъ съ молитвою жгла;
Часто, видя, что вѣтеръ и небу привѣтенъ, и морю,
Я говорила въ душѣ: „если здоровъ, то придетъ“.

Вѣрное сердце о всемъ, что спѣху бываетъ помѣхой,
Думало, сколько тому я вымышляла причинъ.
Но не вернулся злодѣй! Ни боги, которыми клялся,
Не воротили тебя къ намъ, ни Филлиды любовь.
Демофоонтъ, ты вѣтрамъ признанія предалъ и парусъ:
Нѣтъ ихъ назадъ, парусовъ! правды въ признаніяхъ нѣтъ!
Чѣмъ-же грѣшна я, скажи?—одною любовью безумной.
Но послужила тебѣ эта во благо вина.
Я злодѣйка въ одномъ: тебя пріютила, злодѣя,
Но и злодѣйство мое только услуга тебѣ.
Гдѣ же ты, вѣрность и честь, и руки пожатье съ рукою,
Гдѣ ты, на лживыхъ устахъ столько звучавшій мнѣ богъ?
Гдѣ Гименей тотъ, кого обѣщалъ ты на долгіе годы,
Нашего брака съ тобой и поручитель, и вождь?
Моремъ клялся ты мнѣ, удрученнымъ волнами и вихремъ,
Часто гдѣ путь твой лежалъ, часто и будетъ лежать,
Клялся и дѣдомъ своимъ,—коль только и тотъ не измышленъ,—
Кто усмиряетъ морей вихремъ изрытую гладь,
Клялся Венерой и мнѣ нанесшими тяжкія раны
Лукомъ—доспѣхомъ ея, факеломъ жаркой любви,
И благосклонной Юноной, хранящей законное ложе,
И богини святымъ таинствомъ жгущей смолу.
Еслибъ изъ столькихъ боговъ оскорбленныхъ каждый задумалъ
Мстить за свое божество, къ мести не стало бъ тебя.
О безумье! сама я лодки чинила худыя,
Чтобы на крѣпкихъ судахъ могъ отъ меня ты бѣжать;
Весла сама я дала,—на нихъ и пустился ты въ бѣгство.
Ахъ, отъ своей же руки горькія раны терплю!
Вѣру дала я рѣчамъ, рѣкою струившимся, лживымъ,

Вѣру я роду дала и родовымъ божествамъ,
Вѣру дала я слезамъ; и въ нихъ, знать, притворство возможно,
Есть искусство и въ нихъ: только вели—побѣгутъ.
Вѣру дала и богамъ; но надо ли столько залоговъ?
Съ малою долей ихъ могъ бы ты мной завладѣть.
Горе не въ томъ, что тебѣ дала я жилище и пристань:
Только бъ остались они крайней услугой моей!
Стыдъ, что пристанище я вѣнчала супружескимъ ложемъ,
Стыдъ и позоръ, что свое тѣло тебѣ предала.
О, передъ этою ночь когда бы была и послѣдней
Ночью моею, и въ гробъ чистой Филлида легла!
Но понадѣялась я, затѣмъ что тебѣ послужила,—
Вѣдь по заслугамъ всегда вправѣ надѣяться мы.
Много ли подвига въ томъ—обмануть довѣріе дѣвы!
Нѣтъ, не такихъ простота стоила наша наградъ.
Такъ, обманули твои влюбленную женщину рѣчи,—
Боги, да будетъ твоихъ подвиговъ это вѣнцомъ!
Пусть изваянье твое поставятъ въ Эгейской столицѣ,
А предъ тобою отецъ встанетъ во славѣ своей:
Съ нимъ пораженный Скиронъ и грознаго гибель Прокруста
Встанетъ, и Синій, и тотъ злой полумужъ—полубыкъ,
И покореніе Ѳивъ, и павшіе въ битвѣ Кентавры,
И зазвучавшій предъ нимъ чернаго бога чертогъ.
Послѣ жъ того на твоемъ отмѣтятъ пускай изваяньѣ:
«Вотъ обманувшій своей кознью любовницу гость".
Знать, изъ безчисленныхъ дѣлъ и подвиговъ громкихъ отцовскихъ
Лишь о покинутой ты Критянкѣ радъ поминать.
Въ чемъ онъ повиненъ одномъ, одно тебя восхитило;
Вѣрно наслѣдуешь ты козни отцовской, злодѣй.
Та,—не завидую ей,—наслаждается лучшимъ супругомъ
И на покорныхъ хребтахъ тигровъ высоко сидитъ;

Нашего жъ брака бѣгутъ презрѣнные мною Өракійцы,
Ибо чужого своимъ я предпочла жениха.
Скажетъ иной: „Пусть теперь въ ученыя ѣдетъ Аөины;
Бранною Өракіей царь будетъ другой управлять,
Дѣло вѣнчаетъ конецъ“. О, пусть не знаетъ удачи,
Кто по исходу дѣла самыя хочетъ судить.
Если же наша волна твоею запѣнится греблей,
Вотъ позабочусь когда я о себѣ и своихъ.
Ахъ, не заботилась я, тебя мое царство не манитъ,
И не Бистонской волной тѣло омоешь свое.
Все отъѣзжавшаго тотъ очамъ мерещится образъ,
Какъ отплывающій флотъ наши тѣснилъ берега.
Смѣлъ ты меня обнимать и, къ шеѣ прильнувши подруги,
Долго и жадно къ моимъ губы свои прижимать,
И съ моими слезами сливаться слезами твоими,
Плача, что вотъ паруса вѣтеръ попутный влечетъ,
И, разставаясь со мной, послѣднее вымолвить слово:
„Съ факеломъ брачнымъ ты жди Демофоонта назадъ“!
Ждать-ли? Но ты отъѣзжалъ, чтобъ больше назадъ не вернуться!
Ждать? Но твоихъ парусовъ нашимъ не видѣть волнамъ!
Все-же однако я жду. Вернись, хоть и поздно, къ подругѣ,
Временемъ только пускай вѣрность твоя погрѣшитъ.
Боги! чего я прошу? Быть можетъ, другая супруга
Милаго держитъ и къ намъ неблагосклонная страсть;
Я ужъ забыта тобой, никакой не знаешь Филлиды,
Горе, коль спросишь меня, что за Филлида, отколь?
Демофоонтъ, это та, которая послѣ блужданій
Долгихъ открыла тебѣ Өракіи портъ и пріютъ,
И приложила свое къ твоему богатству, и много
Бѣдному денегъ дала, много сбиралася дать;
Та, что тебѣ предала широкое царство Ликурга,

Именемъ женскимъ едва руководимый народъ,
Гдѣ ледяная Родопа бѣжитъ подъ Гемомъ тѣнистымъ,
И, пробираясь межъ горъ, льется божественный Гебръ;
Та, что дѣвство тебѣ предала при птицахъ зловѣщихъ,
Поясъ невинный рукѣ лживой дозволивъ сорвать.
Свахой надъ ложемъ моимъ Тизифона мрачная выла,
Птицъ сиротливыхъ вокругъ пѣсня лилась не къ добру;
Тамъ и Аллекто была,—короткія змѣи на шеѣ,
И погребальный мерцалъ въ факелахъ зыблемыхъ свѣтъ.
Скорбная все по скаламъ, по темнымъ блуждаю вершинамъ,
И передъ взоромъ моимъ берегъ далеко лежитъ.
Свѣтъ-ли дневной откроетъ всю даль, холодныя-ль свѣтятъ
Звѣзды, хочу различить, что это въ морѣ за вихрь.
И едва вдалекѣ подплывающій парусъ замѣчу,
Думаю—это ко мнѣ добрые боги ведутъ.
Быстро на берегъ бѣгу, едва надъ водой удержуся,
Первыя волны куда зыбкое море несетъ.
Ближе и ближе бѣгутъ, труднѣй и труднѣй мнѣ держаться;
Вся помертвѣвши, рабамъ на руки падаю я.
Есть тамъ заливчикъ, слегка изогнутый узкой лукою,
Грудой обрывистой въ немъ крайнія скалы торчатъ.
Вотъ откуда въ волну хотѣла низвергнуться тѣломъ
Я, и опять захочу, если не бросишь ты лгать.
Навзничь меня принесутъ къ твоимъ побережіямъ волны,
Непогребенная вновь взорамъ предстану твоимъ.
Пусть ты жестокостью сталь превзошелъ, и себя, и желѣзо,
Все-же промолвишь: „не такъ встрѣтиться надо-бы намъ“.
Часто жажду къ ядамъ я чувствую, часто кровавой
Смертью хочу умереть, грудь поразивши мечомъ,

Или шею за то, что рукъ отдавалась невѣрныхъ
Тѣснымъ объятьямъ, хочу въ тѣсную петлю вложить.
Раннимъ концомъ искупить я чести должна поруганье,
Долго ли медлить еще въ выборѣ смерти моей?
И на могилѣ моей тебя, ненавистный, напишутъ,
Въ этихъ, въ подобныхъ-ли имъ будешь ты названъ словахъ:
„Демофоонтъ погубилъ Филлиду, любившую гостя;
Смерти причиною онъ, казнь совершила сама“.

III.

Бризеида.

Это посланье къ тебѣ отъ плѣнной летитъ Бризеиды;
Варварской трудно рукѣ съ греческимъ ладить письмомъ.
Пятна замѣтишь порой,—ихъ горькія сдѣлали слезы,
Только и въ этихъ слезахъ есть убѣдительность словъ.
Если немного винить тебя, господина и мужа,
Можно, немного виню, мужъ и владыка, тебя.
Не потому, что сейчасъ по царскому выдали слову
Дѣву, виновенъ Ахиллъ, хоть виноватъ онъ и въ томъ.
Такъ какъ, едва Еврибатъ съ Талтибіемъ вызвали дѣву,
Вмигъ Еврибату сдана вмѣстѣ съ Талтибіемъ я.
Другъ на друга они украдкою взоры бросали,
Точно хотѣли спросить:—гдѣ жъ это наша любовь?
Могъ ты меня задержать; была бы отрадой отсрочка.
Ахъ, разставалась съ тобой я безъ лобзаній, Ахиллъ.
Слезы однѣ безъ конца точила и кудри рвала я,
Грустной казалося мнѣ—снова ведутъ насъ въ полонъ.

Сколько рвалася я разъ обмануть сторожей и вернуться,
Только несмѣлую врагъ могъ-бы сейчасъ захватитъ.
Если пройти далеко—боялась я: ночью захватятъ,
И для Пріамовыхъ я стану невѣстокъ рабой.
Вынужденъ выдать ты былъ; но сколько ночей мы въ разлукѣ,
Ты жъ и не требуешь насъ, и хладнокровенъ твой гнѣвъ.
Даже Менетія сынъ, пока меня брали, тихонько
„Полно же плакать“!—сказалъ — „скоро ты будешь назадъ“.
Терпишь ты—мало того: ты бьешься, чтобъ насъ не вернули;
Бейся-жъ, Ахиллъ, и зовись нѣжнымъ любовникомъ ты.
Сынъ Теламона къ тебѣ съ Аминтора сыномъ явился,
Этотъ—твой кровный родной, вѣрный сопутникъ другой,
И Лаертидъ Одиссей, съ которымъ и я возвращалась;
Льстивыми просьбами блескъ сопровождался даровъ:
Двадцать желтыхъ какъ жаръ, изъ мѣди роскошной, кувшиновъ
И треножниковъ семь, равнаго вѣса съ красой;
Къ нимъ-приложили тебѣ и золота десять талантовъ,
И побѣждавшихъ въ бою вѣчно двѣнадцать коней;
И превосходнѣй всего,—прекрасныя дѣвы Лесбоса,
Изъ разоренныхъ палатъ взятыя въ рабство тѣла;
Съ ними, въ супруги тебѣ,—какъ будто въ женѣ ты нуждался,
Изъ Атридовыхъ трехъ дѣва на выборъ одна.
Ты ли дары принималъ, которые дать надлежало бъ,
Если-бъ цѣною даровъ насъ выкупать отъ царя?
Чѣмъ заслужила, скажи, Бризеида такого презрѣнья?
Легкое сердце, куда ты отлетѣло отъ насъ?
Или несчастныхъ гнететъ упорно печальная доля,
И веселѣй моего дѣтства не знать мнѣ часовъ?
Марсомъ разбиты твоимъ Лирнесскія зрѣла я стѣны,

Родины милой моей долей великой была;
Видѣла сверстниковъ трехъ равно и въ рожденьи, и въ смерти,
Падавшихъ вмѣстѣ,—троихъ мать и моею была;
Видѣла, какъ умиралъ, упавъ на кровавую землю,
Грудь разбивая свою окровавленную, мужъ.
Видишь, за сколько потерь въ тебѣ я нашла воздаянье:
Ты господиномъ моимъ, мужемъ и братомъ мнѣ былъ.
Матери ты божествомъ мнѣ клялся своей многоводной,
И говорилъ, что одно счастіе дѣвѣ полонъ...
Въ томъ-ли счастье, что насъ отвергаешь, даже съ приданымъ,
И со мной заодно, нашихъ сокровищъ бѣжишь?
Мало того: говорятъ, чуть завтра заря засверкаетъ,
Нотамъ туманнымъ отдать хочешь свои паруса.
Только тревожныхъ ушей несчастной коснулся тотъ ужасъ,
Разомъ дыханье и кровь грудь покидали мою.
Ты-ль отплывешь, на кого жъ меня ты, безжалостный, бросишь?
Кто-же, въ разлукѣ съ тобой, будетъ отрадой душѣ?
Раньше пускай поглотитъ земли насъ нежданная бездна,
Или горячимъ огнемъ молніи богъ опалитъ,
Чѣмъ подъ Фтіотскимъ весломъ безъ насъ засѣдѣются воды,
И за твоимъ кораблемъ стану тоскливо слѣдить.
Если-жъ угоденъ тебѣ возвратъ и родные пенаты,
Развѣ твоимъ кораблямъ слишкомъ великій я грузъ?
Плѣнницу ты повезешь, побѣдитель, не суженый дѣву:
Въ пряжѣ руно размягчать эта сумѣетъ рука.
Между Ахейскихъ матронъ красавица всѣхъ лучезарнѣй
Въ опочивальню твою будетъ жена восходить,
Свекру—достойная дочь, Эгины съ Юпитеромъ внуку;
Древній Нерей, и тебѣ внука желанная въ ней.

Я же, покорной рабой склоняясь надъ заданной пряжей,
Веретеномъ отбавлять стану отъ полныхъ корзинъ.
Лишь не тѣснила-бъ меня твоя молодая супруга,
Лишь-бы неправою къ намъ только она не была,
Лишь не позволилъ-бы ты волосъ моихъ рвать предъ тобою,
Но потихоньку шепни: „нашей и эта была“.
Или-жъ и то допусти; но только въ презрѣньи не брось насъ;
Эта тревога мою мучаетъ горькую грудь.
Что-же ты медлишь еще? Агамемнонъ покаялся въ гнѣвѣ,
Видишь—у ногъ у твоихъ Грецiя скорбно лежитъ.
Гнѣвъ побѣди и сердце свое, ты, всего побѣдитель!
Полно Данаевъ войска зоркому Гектору гнать.
Мечъ подыми, Эакидъ, но раньше меня воротивши,
И пораженныхъ тѣсни, волею Марса, враговъ.
Ради меня поднялась, пусть мною и кончится злоба;
Будь и причиной твоей горести я, и концомъ!
И не почти за позоръ склониться на женскiя просьбы:
Къ битвѣ мольбою жены былъ обращенъ и Энидъ.
Слышала я, и тебѣ извѣстно, какъ братьевъ лишившись,
Сына надежду и жизнь мать обрекла божеству.
Встали войною, но тотъ, далеко отъ браннаго строя,
Родинѣ гордой душой все отрекался помочь.
Мужа только жена склонила, счастливица, къ бою;
А у меня безъ пути робкiя льются слова.
Впрочемъ не гнѣваюсь я: себя не считаю супругой,
Хоть призывали неразъ къ ложу владыки рабу.
Плѣнница, помню, одна меня назвала госпожою;
„Полно,—воскликнула я: саномъ полонъ отягчать!“
Прахомъ однако клянусь супруга въ безвременномъ гробѣ,
Прахомъ, навѣки моей бережно чтимымъ душой,
Трехъ тѣнями бойцовъ, моихъ обожаемыхъ братьевъ,

Славно за городъ родной съ городомъ павшихъ роднымъ,
Жизнью твоей и моей, которыя мы сочетали,
Грознымъ Ахилла мечомъ, памятнымъ нашей семьѣ,
Всѣмъ я клянусь, что со мной ни разу Микенецъ на ложе
Не восходилъ; а солгу—такъ безъ пощады покинь!
Если-жъ тебя попросить: „герой мой, и ты поклянися,
Что безъ меня не видалъ нѣги?“—отвѣтишь-ли: нѣтъ?
Думаютъ,—плачетъ Ахиллъ; а лиры звенятъ у Ахилла,
И на горячей груди нѣжной подруги лежитъ.
Спроситъ иной: отчего жъ въ сраженіе выйти не хочешь?
Битва противна,—милѣй лира и ночь и любовь!
Знать, безопаснѣй лежать на ложѣ въ объятіяхъ дѣвы
И на Ѳракійскихъ струнахъ тихой рукою бряцать,
Чѣмъ руками щиты и копья съ концомъ заостреннымъ
И на помятыхъ кудряхъ тяжкій шеломъ подымать.
Не безопасный досель,—блистательный подвигъ любилъ ты,
И добытая въ бою сладостна слава была.
Или, пока лишь меня плѣнялъ, ты войной упивался,
Или съ отчизной моей слава упала твоя?
Боги, не вѣрю: пускай, могучей рукой потрясенный,
Дротикъ Пелида скорѣй Гектору сердце пронзитъ!
Мнѣ-бы, Данаи, пойти: ужъ я-бъ умолила Ахилла,
Пересыпая свои рѣчи лобзаній дождемъ.
Лучше-бы Феникса я, рѣчистаго лучше-бъ Улисса,
Тевкрова брата сильнѣй—вѣрите-ль! дѣло вела.
Что-нибудь значитъ—обвить руками знакомыми шею
И передъ взоромъ очей грудью знакомой блеснуть.
Пусть и безжалостенъ ты, и водъ холоднѣй материнскихъ,
Даже безмолвно мои слезы героя смягчатъ.

Пусть-же Пелею отцу исполнятся долгіе годы,
Пусть за тобой по слѣдамъ въ битвы вступаетъ и Пирръ,
Только попомни, Пелидъ, Бризеиду, томимую горемъ,
И промедленьемъ не жги долгимъ печальной души.
Если-жъ смѣнилась любовь въ тебѣ отвращеніемъ горькимъ,
Если велишь безъ тебя жить, повели умереть.
Да заставишь и такъ: и тѣло, и краска пропали,
Только надеждой одной слабо дышу на тебя.
Если погибнетъ и та, пойду къ супругу и братьямъ...
Это-ли доблесть твоя, сильный, жену добивать?
И для чего чрезъ другихъ?—мечомъ порази обнаженнымъ.
Хватитъ и крови, чтобъ течь изъ пораженной груди.
Тѣмъ же мечомъ порази, который, когда бъ попустила
Только богиня, пронзилъ сердце-бъ Атриду царю.
Ахъ, но не лучше-ль спасти намъ жизнь, подаренную раньше?
Далъ побѣдитель врагу,—дай и подругѣ сейчасъ!
Вышлетъ Нептуновъ Пергамъ другихъ, и съ прекраснѣйшей славой
Ихъ ты побьешь; у враговъ жертвъ къ избіенью ищи!
Мнѣ же, сбираешься-ль ты корабль свой направить гребцами,
Иль остаешься, вели царскою властью придти.

IV.

Федра.

Это спасенье, съ какимъ сама безъ тебя я разстанусь,
Сынъ Амазонки, тебѣ Критская женщина шлетъ.

Все до конца прочитай. Посланья-ли гибельно чтенье?
Да и тебѣ по душѣ что-нибудь встрѣтится въ немъ.
Тайны въ знакахъ такихъ несутся по сушѣ и морю;
Приметъ и врагъ отъ врага и прочитаетъ письмо.
Трижды пыталась съ тобой говорить я, трижды безсильно
Рѣчь обрывалась моя съ перваго звука въ устахъ.
Надо, гдѣ должно и слѣдъ, къ любви примѣшать и стыдливость;
Что постыдилась сказать, ввѣритъ писанью любовь.
И пренебречь нелегко велѣніемъ каждымъ Амура:
Царствуетъ онъ и боговъ вышнихъ ведетъ за собой.
Медлившей прежде писать сказалъ онъ: „Пиши, не страшися:
Руки жестокій предастъ, какъ побѣжденный, тебѣ“.
Пусть же сойдетъ и, мои опаляющій пламенемъ алчнымъ
Мысли, къ желаньямъ моимъ сердце преклонитъ твое.
Вѣрь, не въ безстыдствѣ души свой брачный союзъ я нарушу:
Слава,—хоть всѣхъ допроси,—наша не знаетъ пятна.
Тѣмъ тяжелѣе любовь, чѣмъ позже; горитъ мое сердце,
Сердце горитъ, и въ груди тайная рана болитъ.
Также, какъ быкъ молодой ярмомъ гнушается первымъ,
Какъ не потерпитъ узды взятый изъ стадъ жеребецъ,
Такъ непривычная грудь терзается первой любовью,
И не подъ силу душѣ тяжкое бремя нести.
Станетъ искусствомъ порокъ, испытанный съ нѣжнаго дѣтства,
Но тяжелѣе любовь чувствуемъ въ поздніе дни.
Въ жертву досталась тебѣ моя соблюденная слава:
Поровну каждый изъ насъ станетъ виновенъ теперь.
Есть наслажденье собрать плоды съ переполненныхъ вѣтокъ,

Или же тонкимъ перстомъ первую розу сорвать.
Если же ту чистоту, которую я сохранила
Свѣтлой, теперь суждено чуждымъ грѣхомъ запятнать,
Радостно все жъ сознавать, что страстью пылаю достойной:
Самой вины тяжелѣй гадкій любовникъ женѣ.
Если Юнона бы намъ уступала супруга и брата,
Знай, Гипполитъ предпочтенъ былъ бы Юпитеру мной.
Даже,—повѣришь-ли мнѣ?—ко нравамъ склоняюся чуждымъ,
И ужъ на дикаго намъ звѣря охота пойти.
Первая Федрѣ теперь богиня—съ изогнутымъ лукомъ
Делія: вкусамъ твоимъ рабски послѣдую я.
Любо бродить по лѣсамъ и, въ сѣть загоняя оленя,
По неприступнымъ хребтамъ псовъ быстроногихъ травить,
Или дрожащимъ копьемъ въ рукѣ потрясать напряженной,
Иль на зеленой травѣ тѣло слагать на покой;
Любо стократъ повернуть летучей сквозь пыль колесницей,
Строгой сбирая уздой быстрыхъ уста бѣгуновъ.
Какъ Элелеиды я, томимыя бѣшенствомъ Вакха,
Буйствую, какъ подъ холмомъ бьющія Иды въ тимпанъ,
Или жены, Дріадъ и Фавновъ двурогихъ святыней
Воспламененныя, ихъ потрясены божествомъ.
Все мнѣ разскажутъ потомъ, когда отпуститъ безумье,
И молчаливо меня мучитъ сознанье грѣха.
Можетъ быть, страстью своей мы платимъ семейному року,
И Венера со всѣхъ дани сбираетъ въ семьѣ.
Первый Европу Кронидъ,—то нашего рода начало,—
Страстно любилъ, и въ быка преображается богъ.

Мать Пазифая потомъ, отдавшися ложному звѣрю,
Въ чревѣ своемъ понесла бремя преступной любви.
И коварный Эгидъ, путеводной послѣдуя нити,
Изъ лабиринта бѣжалъ съ помощью нашей сестры.
Вотъ ужъ и я, чтобъ меня чужой не считали Миносу,
Общимъ законамъ семьи жертвой послѣдней паду.
Рокъ-же судилъ, чтобъ двоимъ одно полюбилось семейство:
Я полюбила тебя, какъ Аріадна—отца.
Двухъ обольстили сестеръ Тезей и потомокъ Тезея,
Два вы трофея должны ставить отъ нашей семьи.
Въ дни, когда ликовалъ Елевзинъ, принимая Цереру,
Лучше-бы въ Кноссѣ родномъ Федрѣ тогда пребывать:
Тутъ особливо ты мнѣ полюбился,—любила и раньше,
И до мозга костей острою страстью проникъ.
Въ бѣлой одеждѣ ты былъ, увѣнчаны кудри цвѣтами,
На золотистыхъ щекахъ алая краска стыда.
Это лицо назовутъ другія суровымъ и грубымъ,—
Нѣтъ, не суровость,—одну силу въ немъ Федра нашла.
Прочь уходите отъ насъ, о юноши въ женскихъ уборахъ,
Лучше къ мужскому лицу скромный подходитъ нарядъ.
Эта суровость твоя, кудрей безыскуственныхъ груда,
Даже и легкая пыль—прелесть на чудномъ лицѣ.
Дикаго-ль ты жеребца непокорную шею склоняешь,
Легкимъ изгибомъ ноги долго любуюся я;
Тонкое-ль мощной рукой вращаешь копье боевое,
Такъ и впивается взоръ въ дикую крѣпость руки;
Или рогатину ты съ широкою двигаешь сталью,—
Что ты ни дѣлаешь, все нашимъ отрада очамъ!
Только суровость оставь лѣсамъ и скалистымъ ущельямъ.
Гибнуть достойна-ли я ради тебя, Гипполитъ?
Развѣ-жъ отрада въ трудахъ упражняться чистой Діаны,

А у Венеры ея вырвать законную дань?
Долго не терпитъ ничто, лишенное долго покоя,
Онъ въ утомленную грудь новую силу вольетъ.
Лукъ,—и въ доспѣхѣ своей Діанѣ ты слѣдовать долженъ,—
Вѣчно натянутый лукъ скоро ослабнетъ въ конецъ.
Славенъ въ лѣсахъ былъ Кефалъ, и много отъ мощныхъ ударовъ
Падало дикихъ звѣрей передъ охотникомъ въ прахъ;
Но предавался герой добровольно влюбленной Аврорѣ;
Мудрая сходитъ къ нему, старецъ покинутъ супругъ.
Часто подъ сѣнью дубовъ Венерѣ и сыну Киниры
Брачное ложе двоимъ стлала любая трава.
Такъ и Энидъ запылалъ къ Аталантѣ Мэнальской, залогомъ
Страсти полегъ передъ ней содранной шкурою вепрь.
Нынѣ впервые и мы въ толпѣ замѣшаемся этой;
Если Венеру забыть, жалокъ и бѣденъ твой лѣсъ.
Я за тобою пойду, меня не встревожатъ глухія
Скалы, меня не спугнетъ вепря направленный клыкъ.
Двухъ океановъ валы враждуя подъ Истмъ подступаютъ,
Узкой полоскѣ земли оба тѣ моря звучатъ.
Тамъ съ тобой въ Трезенъ поселюсь, Питтеево царство,
Ужъ и теперь онъ милѣй родины Федры душѣ.
Временемъ нѣтъ, и подолгу не будетъ Нептунова сына,
И Пириѳоя уста нѣжныя держатъ его;
И предпочтенъ ужъ царемъ,—зачѣмъ отрекаться отъ правды?—
Федрѣ женѣ Пириѳой, и Пириѳой же тебѣ.
Да и не этимъ однимъ наноситъ онъ намъ оскорбленье,
Въ болѣе важныхъ дѣлахъ оба поруганы мы.
Брату разбивъ моему тяжелой дубиною кости,

Кинулъ онъ наземь; сестру бросилъ въ добычу звѣрямъ.
Первой въ сраженьи была среди боевыхъ амазонокъ
Та, что тебя родила, сына достойная мать.
Гдѣ же, ты спросишь, она? Мечомъ убита Тезея,
Даже залогомъ такимъ мать не спаслась отъ бѣды.
И не женою была, ей брачный не теплился факелъ...
А для чего? Чтобъ царемъ сынъ незаконный не сталъ.
Братьевъ прибавилъ тебѣ отъ меня, но рожденія всѣхъ ихъ
Самъ былъ причиной Тезей, вѣрь мнѣ, не я, Гипполитъ.
О, когда бы тебѣ зловредные, чудный красавецъ,
Въ самое время родовъ дѣти погибли мои!
Что же, теперь уважай родителя нѣжнаго ложе,
Хоть избѣгаетъ тебя и отрекается въявь!
Пасынокъ, къ мачехѣ ты не бойся подняться на ложе,
Не устрашай-же души страхомъ названій пустыхъ!
Святость старинная та,—нѣтъ мѣста ей въ будущемъ вѣкѣ,
Въ сельской державѣ ее только Сатурнъ наблюдалъ.
Вышній Юпитеръ святымъ наслажденіе каждое сдѣлалъ;
Взявши сестру за себя, все разрѣшилъ онъ и намъ.
Крѣпкою цѣпью лишь то родство людей сочетаетъ,
Коему узы сама матерь Венера сплела.
Трудно ли такъ? Лишь страсть затаи и молися Венерѣ,—
Каждый проступокъ прикрыть именемъ можно родства.
Пусть и замѣтятъ межъ насъ объятья—обоихъ похвалятъ,
Скажутъ: хоть мачеха, все пасынку сердцемъ близка.
Вѣдь не во мракѣ тебѣ отмыкать у суроваго мужа
Двери, или въ обманъ зоркаго стража вводить.
Какъ мы жили въ одномъ жилищѣ, и будемъ мы жить такъ,
Явно меня цѣловалъ, явно цѣлуй и теперь.

И безопасно со мной ты славу заслужишь виною,
Пусть хоть на ложѣ моемъ даже замѣтятъ тебя.
Только сомнѣнья оставь, союзъ заключи поскорѣе!
Богъ, безпощадный ко мнѣ, милостивъ будетъ къ тебѣ.
Низостью я не почту тебя умолять съ униженьемъ.
Боги, гдѣ нынѣ моя гордость и важная рѣчь!
Долго надѣялась я бороться, винѣ не поддаться...
Развѣ жъ надежное что въ страсти томительной есть?
Я покоряюсь, молю, къ колѣнамъ твоимъ простираю
Царскія руки. Ничто сердцу влюбленному стыдъ!
Я обезстыдѣла, стыдъ бѣжитъ, покидая знамена.
Сжалься надъ слабой душой! строгое сердце смири!
Пусть и Миносъ у меня родитель, морей повелитель,
Пусть у прадѣда жаръ молній сверкаетъ въ рукѣ,
И, осѣняя чело лучами острыми свѣта,
Дѣдъ на багряной оси теплое утро ведетъ...
Знатность ничто при любви. О, сжалься надъ предками тѣми,
Если не жалко меня, предковъ моихъ пожалѣй!
Критъ мнѣ въ приданое данъ, любимый Юпитеромъ островъ,
Цѣлое царство тебѣ я передамъ, Гипполитъ.
Гордое сердце смири! Могла же смирить Пазифая
Даже быка, неужель будешь свирѣпѣй быка?
Ради Венеры, молю, пожалѣй: Венера терзаетъ.
Пусть не полюбишь такой, кто бы тобой пренебрегъ,
Пусть въ ущельяхъ тебѣ незримыхъ поможетъ богиня,
Лѣсъ же высокій на казнь выгонитъ встрѣчу звѣрей,
Пусть Сатиры тебѣ и горные Паны помогутъ,
И подъ ударомъ копья падаетъ раненый вепрь;
Пусть и нимфы пошлютъ, хоть ты, говорятъ, ненавидишь
Дѣвушекъ,—свѣжій ручей жажду твою утолитъ.

Просьбы свои слезами кроплю. Молящія рѣчи
Ты прочитаешь, мои жъ слезы представь, Гипполитъ!

V.

Энона.

Что же, читай! Иль жена не велитъ молодая? Читай-же!
Знай, не Микенской рукой писано это письмо.
То Пегазида Энона, славнѣйшая въ рощахъ Фригійскихъ,
Жалобы шлетъ на тебя, другъ, за обиду твою.
Воля кого изъ боговъ помѣхою нашимъ обѣтамъ,
Или какая вина быть мнѣ мѣшаетъ твоей?
Скромно должны мы нести заслуженно выпавшій жребій,
Но съ незаслуженной намъ горько мириться бѣдой.
Не былъ великимъ Парисъ, когда насладилась съ тобою
Бракомъ я, нимфа, рѣкой славной рожденная въ свѣтъ.
Сынъ Пріамовъ теперь,—пусть правдѣ уступитъ почтенье,—
Былъ ты рабомъ, и съ рабомъ нимфа вступила я въ бракъ.
Между стадами неразъ мы покоились въ сумракѣ рощи,
И въ перемежку съ листвой ложе стлала намъ трава.
Часто, когда на травѣ, въ соломѣ мы спали глубокой,
Насъ отъ холодной росы жалкій шалашъ сохранялъ.
Кто-жъ ущелья тебѣ показывалъ полныя дичи,
Или пещеру, гдѣ звѣрь дикій дѣтенышей клалъ?
Часто тенета съ тобой сквозныя я ставила птицѣ,
Часто по долгимъ хребтамъ псовъ быстроногихъ гнала.
Врѣзано имя мое тобой и понынѣ на букахъ,
Гдѣ Энону ножомъ рѣзко Парисъ начертилъ;

И поскольку стволы, постольку растетъ мое имя.
О, выростайте, мои надписи, стройной семьей!
И на рѣчномъ берегу посѣянный тополь, красуйся,
И на щелистой корѣ надпись такую носи:
„Если Парисъ рѣшится дышать въ разлукѣ съ Эноной,
Ксанѳа волна потечетъ вспять на верховья свои“.
Ксанѳъ, воротися назадъ! бѣгите, обратныя волны!
Бросилъ Энону свою и не тоскуетъ Парисъ!
Тотъ мнѣ день предсказалъ судьбу несчастной, оттолѣ
Злая смѣнила зима свѣтлое счастье любви,
Какъ Венера съ Юноной и, скинувъ доспѣхи, нагая
Встала Минерва на судъ передъ тобою, Парисъ.
Ахъ, задрожала душа пораженная, трепетъ холодный
Въ твердыя кости проникъ, какъ ты разсказывалъ мнѣ!
Я совѣщалась,—затѣмъ, что страшно боялась,—старухи
Дряхлыя и старики—всѣ порѣшили: къ бѣдѣ!
Срублена ель, и сбиты ладьи, и флотъ изготовленъ,
Путь навощеннымъ судамъ въ синія волны открытъ.
Ты, разставаясь, рыдалъ,—посмѣй отъ рыданій отречься!
Чувства былого—любовь эта позорнѣй твоя.
Плакалъ и наши глаза ты полные видѣлъ слезами,
Грустно мы оба тогда слезы смѣшали свои.
Такъ не вьется лоза винограда по твердому вязу,
Какъ у меня на груди руки Париса сплелись.
Сколько ты разъ начиналъ пенять на вѣтеръ враждебный,
И улыбался морякъ: вѣтеръ попутный шумѣлъ.
Сколько разъ повторялъ лобзанья, со мной разставаясь,
Какъ собрался едва съ силами молвить „прости!“
Вѣтеръ слегка паруса, на твердой поникшіе мачтѣ,
Трогаетъ; взрыта весломъ пѣна сѣдая воды.
Горько я взоромъ слѣжу вдали убѣгающій парусъ,
Сколько могу, и песокъ влагою слезъ орошенъ.

Чтобъ ты вернулся скорѣй, молю Нереидъ я зеленыхъ.
Чтобы вернулся скорѣй—мнѣ же на горькую скорбь!
Ты, по молитвамъ моимъ, съ другою, коварный, вернулся!
Горе, за низкую тварь я возносила мольбы!
Въ неизмѣримую глубь взираетъ природная глыба,
Горною грудью морскимъ противоставши валамъ;
Тутъ твоего корабля я первый замѣтила парусъ,
И загорѣлась душа—прямо бѣжать по водѣ.
Медлю, а тамъ засверкалъ на верхней палубѣ пурпуръ.
Страшно мнѣ стало: не тотъ былъ у Париса нарядъ.
Ближе подходитъ, земли по вѣтру касается судно,
Съ трепетнымъ сердцемъ лицо женское я признаю.
И недовольно того,-чего ждала я въ безумьи?—
Ахъ, на груди у тебя нѣжилась мерзкая тварь!
Тутъ я терзала покровъ и грудь поражала руками,
Влажныя щеки себѣ ногтемъ жестокимъ рвала,
И мой жалобный вой наполнилъ священную Иду,
И на родную скалу слезы снесла я свои.
Такъ пусть скорбитъ и она, и плачетъ въ разлукѣ съ супругомъ,
Мнѣ причиненное зло вынесетъ пусть и сама.
Нынѣ тебѣ по душѣ, кто въ море открытое мчится
Вслѣдъ за тобою, своихъ кто покидаетъ мужей.
А какъ бѣденъ ты былъ и въ полѣ бродилъ за стадами,
Только Энона изъ всѣхъ стала женой бѣдняку.
Я не богатства хочу, дворецъ не манитъ меня царскій,
И не хочу изъ толпы стать я невѣстокъ одной.
Но Пріамъ бы не могъ отказаться мнѣ сдѣлаться тестемъ,
И для Гекубы не я низкой невѣсткой была-бъ.
Стою и жажду я быть супругой могучаго мужа:

Какъ бы къ Эноны рукамъ царственный скипетръ присталъ.
Насъ оттого-ль, что съ тобой подъ дубомъ простымъ я лежала,
Презришь?—но больше къ лицу ложе багряное мнѣ.
И наконецъ для тебя моя любовь безопасна,—
Войнъ не готовлю я вамъ, мстящихъ судовъ не веду.
А Тиндариду бѣглянку въ бою враждебномъ отнимутъ;
Этимъ приданымъ гордясь, въ спальню приходитъ твою.
Надо-ль Данаямъ ее вернуть, ты Гектора брата,
Ты Деифоба, а то Полидаманта спроси.
Мудрый чему Антеноръ, чему Пріамъ самъ научитъ,
Ты допытайся: для нихъ старость наукой была.
Развѣ не низкій залогъ—предпочесть бѣглянку отчизнѣ?
Дѣло позорно твое; правъ, ополчаяся, мужъ.
Если-бъ разумнѣй ты былъ, какъ вѣрить въ Лаконскую вѣрность,
Разъ ужъ въ объятья твои скоро склонилась жена?
Какъ и меньшой изъ Атридовъ о брачномъ поруганномъ ложѣ
Вопитъ, и душу его мучитъ любовь пришлеца,—
Также и ты закричишь. Никакимъ не поправить искусствомъ
Разъ поврежденную честь; стоитъ ей разъ отлетѣть.
Скажешь,—пылаетъ къ тебѣ? Но такъ же и мужа любила;
Сладко-ль на ложѣ пустомъ дремлетъ довѣрчивый мужъ?
Счастлива вѣрнымъ своимъ Андромаха и чистымъ супругомъ.
Я бы такой же была вѣрной супругой тебѣ.
Ты же—ты легче листковъ, когда безъ тяжелаго сока
Пересыхаютъ, и ихъ зыбкій сорветъ вѣтерокъ.

Твердости меньше въ тебѣ, чѣмъ въ самой вершинѣ колосьевъ,
Легкой, посохшей, до тла вѣчнымъ спаленной лучомъ.
Это мнѣ (вспомнила я) когда то твоя предвѣщала
И, распустивъ волоса, громко гласила сестра:
„Что ты, Энона, зачѣмъ песку сѣмена довѣряешь
И на безплодныхъ быкахъ пашешь свои берега?
Грайская телка придетъ, тебѣ, и отчизнѣ, и дому
Гибель! Зевесъ, пощади! Грайская телка придетъ.
Скройте позорный корабль, покуда не поздно, волнами!
Боги! какъ много везетъ крови Фригійской она!“
Молвила такъ, и бѣгомъ умчали безумную слуги,
А у меня волоса русые дыбомъ встаютъ.
Ахъ, какъ правдиво ты все предсказала, пророчица, бѣдной:
Вотъ ужъ на паствѣ моей Грайская телка царитъ!
Пусть и прекрасна лицомъ, а все же, развратница злая,
Брачныхъ забыла боговъ, гостемъ прельстившись, она.
Съ родины дѣву Тезей,—коль именемъ я не ошиблась,
Ужъ и не вѣдаю я, что за Тезей уманилъ.
Юноша-ль страстный ее отпустилъ невинною дѣвой?
Какъ я дознались о томъ, спросишь?—Но я влюблена.
Скажешь: насилье,—вину покрывая Елены насильемъ...
Вѣрь мнѣ, сама отдалась—столько прельщенная разъ.
А Энона чиста осталась солгавшему мужу,
Хоть по своимъ-же ты могъ нравамъ обманутымъ быть.
Дѣву сатиры неразъ, въ глубокой скрываяся рощѣ,
Дерзкой толпою нагнать буйной пытались стопой,
И рогатый свой лобъ вѣнчающій острой сосною
Фавнъ, на высокихъ хребтахъ Иды живущій святой.
Вѣрностью славный своей любилъ меня Трои создатель,
[Это ему предала дѣвство Энона свое,
Только по долгой борьбѣ. Я кудри терзала ногтями,

Злобной рукою лицо богу царапала я;
И за паденье цѣной не злата, не камней просила;
Развѣ не стыдъ торговать тѣломъ невиннымъ своимъ.
Самъ удостоилъ онъ мнѣ искусство предать врачеванья]
И къ благодатнымъ дарамъ руки мои допустилъ.
Каждой цѣлебной травы, полезнаго каждаго корня,
Гдѣ-бъ ни родился во всемъ мірѣ, мнѣ вѣдома власть.
Горе, что даже травой любви не излѣчишь безумной!
Тутъ покидаетъ меня, мудрую, мудрость моя.
Самый творецъ врачевства ходилъ за коровами въ Ферѣ,
Молвитъ преданье, и, богъ, нашею страстью сгаралъ.
Если-жъ травы отъ любви родить и земля не сумѣетъ,
Богъ не сумѣетъ,—одинъ можешь ты мнѣ пособить.
Можешь, и стою того. Надъ дѣвою сжалься достойной!
Крови, Данаевъ и войнъ я не веду за собой.
Но твоя я, съ тобой съ младенческихъ лѣтъ вѣковала
И твоею молю быть до послѣдняго дня.

VI.

Гипсипила.

Ты Ѳессалійскихъ бреговъ обратной коснулся ладьею,
Слышно, овцы золотой обогащенный руномъ.
Сколько позволишь, твое я славлю спасенье; но только
Самъ бы ты долженъ письмомъ въ этомъ увѣрить меня.
Царство мое миновать тебя, вопреки обѣщанью,
Вѣтры помимо твоей воли заставить могли.
Но письмо отослать и съ вѣтромъ можно враждебнымъ,
Я же достойна была друга поклонъ получить.
О, для чего же молва къ намъ раньше письма долетаетъ,

Какъ подъ наклоннымъ ярмомъ Марса ступали быки,
Какъ ты бросалъ сѣмена, и нива бойцовъ возростала,
И не нуждалась въ твоей, чтобы погибнуть, рукѣ;
Какъ неусыпный драконъ охранялъ руно дорогое,
Но золотистую шерсть мощной сорвалъ ты рукой.
Еслибъ о томъ я могла сказать недовѣрчивымъ: это
Самъ мнѣ Язонъ написалъ,—какъ бы гордилася я!
Что жъ горевать, что вдали любовь охладѣла супруга?
Если твоей остаюсь, слишкомъ уступчива я.
Варварка, мнѣ говорятъ, колдунья явилась съ тобою,
И на обѣщанномъ мнѣ ложѣ тобой принята.
Вѣрится сердцу легко! О, еслибы въ дерзкомъ безумьи,
Лживою мужа виной оклеветала-бы я!
Гость Өессалійскій ко мнѣ недавно съ береговъ Гэмонійскихъ
Прибылъ и только на мой сталъ онъ ногою порогъ:
„Что Эзонидъ мой?“ его спросила я; тотъ же стыдливо
Сталъ и потупилъ свои робкіе взоры къ землѣ.
Быстро вскочила я тутъ и, съ груди сорвавши тунику,
„Живъ-ли“—воскликнула—„онъ? Или жъ и мнѣ умирать?“
„Живъ“—отвѣчалъ; но его понуждала я робкаго къ клятвѣ,
Богъ лишь свидѣтель меня въ жизни твоей убѣдилъ.
[Только пришла я въ себя, о твоихъ распросила дѣяньяхъ,
Какъ мѣдноногихъ быковъ Марса ты къ пашнѣ водилъ,
Какъ сѣменами кидалъ ты зубы змѣиные въ землю,
И нежданно отъ нихъ бранный рождался отрядъ,
Какъ земнородный народъ въ сраженіи палъ обоюднымъ,
Цѣлую жизнь переживъ въ этотъ единственный день,
Какъ укрощенъ былъ драконъ. И вновь повторяла я, живъ-ли,

Живъ-ли Язонъ мой, и страхъ въ сердцѣ надежду смѣнялъ].
Лился подробный разсказъ, но въ быстромъ теченіи рѣчи
Онъ по своей простотѣ раны мои обнажалъ.
Горе, гдѣ вѣрность твоя? Гдѣ клятвы законнаго брака?
Факелъ, не смертнаго-ль ты больше достоинъ костра?
Я не украдкой съ тобой спозналась, стояла при нашемъ
Бракѣ Юнона и самъ въ свѣтлыхъ гирляндахъ Гименъ.
Нѣтъ, не Юнона, не ты, Гименъ,—Ериніія злая,
Кровью пылая, несла факелъ несчастливый мнѣ.
Что же до Миніевъ мнѣ и что до Тритоновой барки?
Что и тебѣ до моей родины, Тифисъ морякъ?
Здѣсь не рождалось овцы, сверкающей въ золотѣ шерсти,
Не престарѣлый Эетъ правилъ Лемносомъ моимъ.
Прежде надѣялась я,—то злая судьба увлекала,—
Войско чужое прогнать, женщина женской рукой.
Слишкомъ Лемнійки смльны мужей побѣждать ненавистныхъ,
Только такого бойца я—бъ остеречься должна.
Какъ увидала тебя, подъ кровлю впустила и въ сердце;
Два пролетѣло у насъ лѣта и двѣ же зимы.
Третья жатва была, когда, паруса распуская,
Съ горькимъ рыданьемъ ты мнѣ рѣчи такія держалъ:
„Срокъ, Гипсипила, отплыть; но если судьба воротиться,
Мужемъ твоимъ ухожу, мужемъ и буду твоимъ;
Что жъ ты отъ насъ понесла и въ чревѣ скрываешь тяжеломъ,
Пусть живетъ, и ему оба родители мы".
Молвилъ, и слезы ручьемъ по лживымъ катились ланитамъ.
Помню я—ты досказать рѣчи прощальной не смогъ.
За моряками вослѣдъ послѣднимъ вступаешь на Арго,

И полетѣли; надулъ вѣтеръ твои паруса.
Синія волны корабль разгребаетъ бѣглымъ движеньемъ.
На берегъ ты, на волну я устремляю глаза.
Башня, открыта кругомъ, смотрѣла въ широкое море;
Въ башню бѣгу, и лицо влажно отъ плача, и грудь.
Въ море сквозь слезы гляжу и, страстной покорные мысли,
Дальше привычной меты взоры слѣдятъ за тобой.
Сколько невинныхъ молитвъ и надеждъ, смѣнявшихся страхомъ!..
Нынѣ, когда ты спасенъ, вновь возносить ли мольбы?
Да, мольбы вознесу, а Медею молитвы покроютъ?
Сердце болитъ, и въ груди бьется и гнѣвъ, и любовь.
Жертвы-ль во храмы нести, живымъ теряя Язона?
Иль на мою же бѣду бѣдная жертва падетъ?
Много мнѣ было тревогъ, всегда трепетала я сердцемъ,
Чтобъ отъ Аргосскихъ твердынь не взялъ невѣстки отецъ.
Страшенъ Аргосъ намъ былъ, но варварка мнѣ повредила,
И неожиданный врагъ рану наноситъ мнѣ въ грудь.
Не красотою мила, не заслугами: вѣдаетъ пѣсни
И собираетъ серпомъ съ пагубныхъ жатвъ заклятымъ.
Съ бѣга луну низводить въ борьбѣ тяжелой Медея
Ищетъ, и мрачною тьмой Солнца скрываетъ коней,
Воды сжимаетъ уздой и рѣкъ порываетъ теченье,
Двигаетъ съ мѣста лѣса и оживляетъ скалу;
Бродитъ она по гробамъ, безъ пояса, косы раскинувъ,
И набираетъ костей съ теплаго пепла костровъ;
Издалека заклянетъ, изъ воска изваявши образъ,
Тонкой иглою печаль въ бѣдное сердце вонзитъ;
И ужъ не вѣдаю, что еще... Но злой ли травою,—
Нравами и красотой надо любовь добывать.
Ты ль обнимаешь ее и, въ спальнѣ одной оставаясь,
Съ ней безбоязненнымъ сномъ нѣжишься въ тихую ночь?
Знать и тебѣ, какъ воламъ, ярмо чародѣйка надѣла,

Тѣ же смиряютъ тебя чары, какъ злую змѣю.
Къ подвигамъ громкимъ твоимъ, притомъ, и спутниковъ смѣлыхъ
Жаждетъ пристать и молвѣ мужа помѣхой жена.
Такъ и помыслитъ иной: знать ядомъ Пелійскимъ отчасти
Подвигъ свершенъ,—и неразъ въ черни довѣрье найдетъ.
„Это совсѣмъ не Язонъ, а дочь Фазійца Эета
То золотое руно Фриксовой ярки сняла“.
Мать Алкимеду спроси,—ни мать, ни отецъ не похвалятъ
Этой невѣстки своей, дочери странъ ледяныхъ.
Пусть съ Танаиса себѣ, въ болотахъ Скиѳіи влажной
Ищетъ супруга, а то и на Фазидѣ родномъ!
Ахъ, Эзонидъ, Эзонидъ, весенняго вѣтра ты легче,
О, для чего же въ твоихъ вѣрности нѣту рѣчахъ?
Мужемъ моимъ уѣзжалъ—не мужемъ моимъ воротился;
Пусть возвращенному я буду, какъ раньше, женой!
Если же знатность тебя и громкое трогаетъ имя,
Я ль не Ѳоантова дочь, мнѣ-ли не предокъ Миносъ;
Бахусъ мой дѣдъ, и вѣнкомъ вѣнчанная Вакха супруга
Въ пламенныхъ топитъ лучахъ меньшихъ мерцанье свѣтилъ.
Будетъ приданымъ Лемносъ, богатая жатвами нива.
Съ этимъ богатствомъ женой могъ бы ты взять и меня.
И родила я теперь; ликуй, мой Язонъ, за обоихъ!
Сладкое бремя женѣ мужъ дорогой подарилъ.
Счастлива я и числомъ: двойное потомство Люцина,
Два залога любви мнѣ благосклонно дала.
Спросишь: въ кого родились?—живая улика Язону,
Чужды коварства они, всѣмъ остальнымъ-же въ отца.
Ужъ и гонцами за мать хотѣла дѣтей я отправить,
Но заграждалися всѣ мачехой злою пути.

Страхомъ Медея была. И мачехи хуже Медея,
Къ каждому мерзкому злу руки готовы ея.
Та, что могла раскидать по нивамъ погибшаго брата
Бѣдные члены, дѣтей развѣ моихъ пощадитъ?
И ее—то, безумецъ, Колхійскимъ отравленный ядомъ,
Ты, говорятъ, предпочелъ ложу законной жены!
Мужа позорно она познала, развратная дѣва,
Насъ же съ тобой сочеталъ факелъ невинной любви.
Преданъ Медеей отецъ,—отъ смерти спасла я Ѳоанта.
Колховъ покинула та,—я на Лемносѣ родномъ.
Тщетно! Злодѣйкѣ дана побѣда надъ чистой, проступокъ
Ей за приданое сталъ; добытъ желанный супругъ!
Я и Лемніекъ виню, Язонъ, но дивиться не стану:
Самая скорбь отдаетъ въ руки разгнѣванной мечъ.
Слушай! Когда бъ, заведенъ,—какъ надо-бы—вѣтромъ невѣрнымъ
Ты—и сопутники—къ намъ въ тихую гавань зашелъ,
И на встрѣчу къ тебѣ спустилась бы я съ близнецами,
О, не молился-ли бъ ты, чтобъ разступилась земля?
Какъ бы тогда на дѣтей ты глядѣлъ, на меня, ненавистный,
Въ кару за низкій обманъ казни бы стоилъ какой?
Я самого-бы тебя пустила тогда невредимымъ,
Не по заслугамъ твоимъ—по снисхожденью любви,
Кровью же твари свои усладила бы взоры досыта,
И отомстила-бъ за всѣхъ, кто зачарованъ былъ ей.
Я бы Медеѣ была Медеей! И если съ Олимпа
Внемлетъ молитвамъ моимъ право—карающій богъ,
Все, чѣмъ томится душа,—и хищница нашего ложа
Все пусть узнаетъ и свой перестрадаетъ законъ!
Какъ покидаютъ меня, супругу, съ двумя близнецами,
Столькихъ дѣтей потеряй вмѣстѣ съ супругомъ и ты!
Долго добычею злой не кичись, съ ней въ мукахъ разстанься,

И по вселенной по всей въ бѣгствѣ пріюта ищи!
Брату какою сестрой была и отцу несчастливцу
Дочерью, такъ же своей будь ненавистна семьѣ!
Всѣ перешедши моря и земли, на воздухъ вздымайся
И безъ богатствъ, безъ надеждъ горько блуждай, вся въ крови!
Молитъ Ѳоантова дочь объ этомъ, обманута бракомъ.
Ложе проклятое, ихъ, нѣжныхъ супруговъ, прими!

VII.

Дидона.

Такъ, предъ концомъ роковымъ, межъ влажною павши травою,
Возлѣ Мэандровыхъ водъ бѣлая лебедь поетъ.
Не потому, что смягчить тебя мольбою надѣюсь,
Я говорю, и моимъ боги враждебны рѣчамъ.
Но и заслуги, и честь, и тѣло, и чистое сердце—
Все потерявъ до конца, рѣчи терять не бѣда.
Такъ, ты рѣшился бѣжать и бѣдную бросить Дидону;
Вѣтеръ одинъ унесетъ парусъ и клятву твою.
Ты рѣшился, Эней, союзъ свой расторгнуть и якорь,
И къ Италійскимъ вѣнцамъ мчаться въ безвѣстную даль.
Новый тебя Карѳагенъ не манитъ и растущія стѣны
И подъ скипетръ тебѣ препорученная власть.
Сдѣланныхъ дѣлъ ты бѣжишь, къ обѣщающимъ трудность стремишься;
Новой ужъ хочешь искать—мало найденной земли!
Пусть обрѣтешь ты страну,—позволятъ ли въ ней воцариться?

Кто незнакомцу свои нивы на волю предастъ?
Новой любви предстоитъ добиться и новой Дидоны,
Новыя клятвы давать, чтобы опять обмануть.
Скоро-ли сможешь создать Кареагену равную крѣпость
И съ недоступныхъ твердынь царство свое озирать?
Пусть и успѣешь во всемъ, и воля твоя совершится;
Гдѣ ты такую найдешь съ страстной любовью жену?
Таю, какъ факела воскъ подъ сѣрною таетъ свѣтильней,
Ночью и днемъ предо мной образъ Энея стоитъ.
Онъ-же признательныхъ чувствъ не знаетъ, къ дарамъ безразличенъ,
И, не безумье-бъ мое, съ нимъ бы разсталася я.
Но, хоть не мыслитъ о насъ Эней, не могу ненавидѣть,
Плача, невѣрнаго я жарче и жарче люблю.
Сжалься, Венера-свекровь! Смягчи жестокаго брата,
Отрокъ Амуръ!—Пусть въ твоемъ воинствѣ бьется и онъ!
Я полюбила сперва, отъ любви отрекаться не стану,
Только бъ поддержку моимъ чувствамъ и онъ оказалъ.
Тщетный обманъ! безъ пути мнѣ этотъ мечтается образъ,
И безконечно онъ чуждъ матери сердцу своей.
Камень и горы тебя и скалъ обитатели крайнихъ—
Дубы родили на свѣтъ, или безжалостный звѣрь,
Или же море, еще доселѣ томимое вѣтромъ,
Море, въ которое плыть рвешься по грознымъ валамъ.
Что ты бѣжишь?—вѣдь зима! пусть помощь зима мнѣ окажетъ!
О, посмотри же, какъ Евръ взроетъ и гонитъ валы.
Тѣмъ, что желательно мнѣ, безъ меня ты бурямъ обязанъ,—
Вѣтеръ и волны—и тѣ сердца правѣй твоего.
И не ничтожна жъ я такъ, что ты не трепещешь, невѣрный,

Гибели, лишь-бы отъ насъ въ дальнее море уйти.
Ненависть, видно, въ тебѣ сильна и навѣкъ неизмѣнна,
Если, подальше отъ насъ, самая смерть ни во что!
Скоро уляжется вихрь; послѣднее сгладивъ волненье,
На голубыхъ скакунахъ въ морѣ промчится Тритонъ.
Если-бъ, какъ вѣтры, и ты умѣлъ измѣняться душою!
И передумаешь ты, если дубовъ не грубѣй.
Точно не вѣдаешь впрямь, что̀ море безумное можетъ?
Какъ довѣряться волнѣ, столько испытанной разъ!
Даже когда разрѣшишь канаты при ласковомъ морѣ,
Много несчастій еще ширь голубая таитъ.
Слово свое не сдержать опасно, пускаяся въ море,
Кару за низкій обманъ здѣсь вымогаетъ волна,
И особливо когда любовь оскорбляютъ: Амуровъ
Матерь нагая изъ водъ вышла Киѳеры на свѣтъ.
Какъ бы сгубившаго мнѣ не сгубить, зла не сдѣлать злодѣю,
Какъ-бы въ крушеніи врагъ влаги морской не испилъ!
Нѣтъ же, живи! такъ лучше тебя, чѣмъ смертью сгублю я.
Пусть за причину моей смерти тебя огласятъ.
Только представь-же, какъ вдругъ,—не будь предвѣщаніемъ это!—
Бурной ты схваченъ волной,—что тутъ подумаешь ты?
Передъ тобой пролетятъ и лживыя клятвы, и рѣчи,
И Дидоны конецъ ради обмана того;
И предъ очами—жены обманутой образъ предстанетъ,
Косы распущены, взоръ грустный и кровь на груди.
Сколько воскликнешь ты разъ: „всего я достоинъ! простите!“
Молній сколько въ тебя, брошенныхъ съ неба, падетъ!
Дай же короткій ты срокъ жестокости моря и сердца!
И за отсрочку въ обмѣнъ путь безопасный открытъ.
Не за тебя я боюсь: надъ юнымъ смилуйся Юломъ,
Будетъ съ него, что отецъ—смерти причина моей.

Чѣмъ-же Асканій и чѣмъ грѣшны родные Пенаты?
Пламя-ль стерпѣвшіе ихъ лики покроетъ волна?
Но и не несъ ты боговъ и—полно, злодѣй, величаться!—
Не бременили твоихъ плечъ ни отецъ, ни пенатъ.
Все и во всемъ ты налгалъ! Но рѣчью твоей обмануться
Мнѣ ужъ не первой пришлось и пострадать отъ тебя.
Если спросить, гдѣ же мать красавца осталася Юла:
Грубый покинулъ супругъ на одинокую смерть.
Это ты самъ разсказалъ,—и все жъ я тобой увлеклася.
Жги-же: все меньше грѣха будетъ жестокая казнь.
Нѣтъ и сомнѣнья во мнѣ, что боги тебя наказуютъ:
По морю ты, по землѣ бродишь седьмую зиму.
Выброшенъ моремъ ты былъ,—тебѣ я пріютъ даровала,
Только заслышавъ твое имя—престолъ отдала.
Если бы этимъ однимъ довольна была я служеньемъ,
Еслибъ осталась мертва нашего брака молва!
Тотъ былъ погибеленъ день, когда насъ къ глубокому гроту
Вдругъ неожиданный дождь чернымъ потокомъ погналъ.
Голосъ заслышала я: я думала, нимфы завыли,—
Нѣтъ, Евмениды къ моей знакъ подавали бѣдѣ.
Требуй, поруганный стыдъ, отмщенья, и тѣни Сихея,
Къ коимъ, несчастная, я съ горькимъ позоромъ сойду.
Въ мраморномъ храмѣ стоитъ изваянье святое Сихея,
Въ темную скрыто листву и въ бѣлоснѣжную шерсть.
Здѣсь, мнѣ помстилось, меня четырежды голосъ знакомый
Кликалъ и томнымъ звучалъ звукомъ: „Элисса, приди“!
Медлить не стану,—иду, иду, мой суженый милый,
Здѣсь задержало меня нашей сознанье вины.
Сжалься надъ слабой душой! коварный смутилъ обольститель,

И ненавистность вины онъ умаляетъ моей.
Мать—богиня, отецъ престарѣлый—отрадное бремя
Сына—надежду даютъ ложа законнаго мнѣ.
Если судьба согрѣшитъ, причина ошибки почтенна:
Вѣрность прибавь,—и ни въ чемъ жалкаго нѣтъ ужъ грѣха.
Такъ до послѣдняго дня и крайніе жизни предѣлы
Тотъ же преслѣдуетъ рокъ съ прежнимъ упорствомъ своимъ.
Палъ мой супругъ—у родныхъ алтарей закланная жертва,
И за злодѣйство свое взялъ всѣ сокровища братъ.
Я убѣгаю, и прахъ супруга, и родину бросивъ,
И по суровымъ путямъ гонится врагъ по слѣдамъ.
Чуждой достигнувъ страны, отъ брата избавясь, отъ моря,
Отданный нынѣ тебѣ берегъ купила тутъ я,
Городъ поставила здѣсь и широко раздвинула стѣны,
Всѣмъ порубежнымъ мѣстамъ ненависть, зависть и страхъ.
Вспыхнули войны. Войной чужестранную женщину мучатъ,
Чуть лишь оплотъ создала новаго города я.
Многимъ была по душѣ, и много, сходяся, просили
Ужъ и не знаю кого въ брачномъ чертогѣ принять.
Что же ты медлишь въ цѣпяхъ предать насъ Гетульскому Ярбѣ?
Руки свои и сама я бы тебѣ предала.
Есть и братъ,—у него могла бъ нечестивыя руки
Кровь и моя оросить, вслѣдъ за супругомъ моимъ.
Только боговъ и святыни оставь: не безчесть ихъ руками,
Вѣрь—неугоденъ богамъ отъ нечестивыхъ почетъ.
Если чтителемъ имъ, изъятымъ изъ пламени, будешь,

Каяться будутъ они, что отъ пожара бѣгли.
Можетъ быть, тяжкой меня, жестокій злодѣй, покидаешь,
И уже часть твоего тѣла скрываетъ мое.
Матери смерть раздѣлитъ тогда и несчастный ребенокъ,
И нерожденнаго ты-жъ будешь виной похоронъ;
Съ матерью вмѣстѣ своей и братъ у Юла погибнетъ,
Сплетшихся вмѣстѣ двоихъ гибель одна унесетъ.
Богъ повелѣлъ отплывать,—ахъ, лучше-бъ пристать не позволилъ,
И не вступала нога Тевкрская на берегъ нашъ!
Видно, что богъ васъ ведетъ, удручаемыхъ злобною бурей,
Видно же въ грозныхъ волнахъ богъ васъ такъ долго кружитъ!
Даже къ Пергаму возвратъ такой бы не стоилъ тревоги,
Если-бъ стоялъ онъ такимъ, какъ и при Гекторѣ былъ.
Не на родной Симоисъ—на Тибрскія волны стремишься.
Пусть на желанный сойдешь берегъ,—все будешь чужой.
Все таится та даль, отъ твоихъ кораблей ускользая;
Старцемъ едва доплывешь къ обѣтованной землѣ.
Лучше съ народомъ моимъ прими, позабывши коварство,
Груды свезенныхъ сюда Пигмаліона богатствъ.
Перенеси Иліонъ счастливѣе въ городъ Тирійскій
И заступи намъ царя съ скиптромъ священнымъ въ рукахъ.
Если ты жаждешь войны, когда пожелаетъ Асканій
Въ Марсовой битвѣ себѣ славу тріумфа достать,
Будетъ и врагъ, и врага ему предадимъ въ одолѣнье;
Будетъ и мира законъ, будутъ и битвы въ странѣ.
Матерью только молю и братскимъ доспѣхомъ—стрѣлами,
Отчихъ святыней боговъ, спутниковъ бѣгства, молю:

Побереги своего народа послѣдній остатокъ,
Марса жестокаго гнѣвъ пусть ужъ Энея щадитъ;
Сыну Асканію пусть счастливо исполнятся годы,
И въ тишинѣ отдохнутъ кости Анхиза отца!...
Сжалься надъ домомъ, молю, въ твою предающимся волю!
Есть-ли за мною вина, кромѣ безумной любви?
Я не Фтіотянка, нѣтъ, родилась не въ великихъ Микенахъ,
Противъ тебя не дрались мужъ и родитель мои.
Если стыдишься жены, зови не женой, а хозяйкой:
Только-бъ остаться твоей, всѣмъ-бы готова я быть.
Вѣдомы воды мнѣ здѣсь, въ Африканскій гремящія берегъ,
Въ опредѣленные дни путь и открытъ, и закрытъ.
Съ вѣтромъ попутнымъ сейчасъ распустишь ты парусъ по вѣтру;
Нынѣ корабль—на землѣ, легкой травою повитъ,
Время вели наблюдать Дидонѣ; поѣдешь позднѣе,—
Медлить сама не велю, хоть и захочешь, тебѣ.
Нынѣ хотятъ моряки вздохнуть, и малой отсрочки
Молитъ разбитый волной, полуисправленный флотъ.
Я за услуги, за все, чѣмъ только Эней намъ обязанъ,
И за надежду на бракъ—краткой отсрочки прошу:
Море пока смягчится и страсть, и силой привычки
Сердце свое пріучу съ твердостью горе сносить.
Если же нѣтъ, то хочу съ печальною жизнью проститься,
И безпощаденъ ко мнѣ долго не можешь ты быть.
Если-бъ тебѣ повидать, какъ это пишу я посланье:
Пишетъ рука, на груди жъ мечъ ужъ троянскій лежитъ.
Слезы, стекая съ ланитъ, по стали бѣгутъ обнаженной;

Вотъ-вотъ, замѣсто тѣхъ слезъ, кровью окрасится сталь.
Какъ хорошо подошли дары твои къ нашему року!
Какъ безъ затратъ громоздишь намъ погребальный костеръ!
И не впервые сейчасъ желѣзо проникнетъ мнѣ въ сердце:
Въ немъ ужъ таится давно горькая рана любви.
Анна, Анна сестра, наперсница злого паденья,
Скоро послѣдній ты даръ праху сестры принесешь.
И по сожженьи меня женой не пишите Сихея,
Пусть на могильной плитѣ эта останется пѣснь:
„Смерти причину и мечъ Эней предоставилъ царицѣ;
Пала Дидона, своей сердце пронзивши рукой“.

VIII.

Герміона.

Неоптолемъ Ахиллидъ, примѣромъ родителя гордый,
Правдѣ святой вопреки, держитъ меня взаперти.
Только молить я могла, чтобъ насъ не держали въ неволѣ;
Женская чѣмъ-же еще въ силѣ бороться рука?
„Что ты творишь, Эакидъ? Безъ мстителя я не останусь,
Свой господинъ“,—говорю Пирру:—„у дѣвушки есть“.
Тотъ же безчувственнѣй волнъ—кричавшую имя Ореста
Вслѣдъ за собою повлекъ въ домъ съ непокрытой косой.
Чтò-бъ тяжелѣй потерпѣть могла я по взятіи Спарты,

Если-бы варварскій скопъ греческихъ женъ похищалъ?
И Андромаху не такъ Ахейскій терзалъ побѣдитель,
Какъ у Фригійцевъ дворцы пламя Данайское жгло.
Ты-жъ, Орестъ, коль объ насъ заботится нѣжное сердце,
Не поробѣй за свое право десницу поднять!
Или, когда поведутъ изъ стойла пробитаго стадо,
Вздѣнешь доспѣхъ, за жену-жъ медлишь ты хищнику мстить?
Если-бы тесть по тебѣ сведенной жены добивался,
Такъ и донынѣ жила-бъ въ бракѣ Парисовомъ мать.
И не готовь парусовъ сбористыхъ и тысячи барокъ,
Или Данайскихъ солдатъ множества: самъ приходи!
Но и войной-бы ты могъ искать насъ, и мужу не стыдно
За дорогую жену грозной войною идти.
Помни, одинъ у меня съ тобою Атрей Пелопеевъ
Дѣдъ, и, когда бы не сталъ мужемъ, ты братомъ мнѣ былъ.
Мужъ, помоги ты женѣ! о братъ, не забудь о сестрѣ ты!
Требуютъ этихъ услугъ оба твои имена.
Дѣву тебѣ Тиндарей, почтенный годами и жизнью,
Отдалъ; надъ внукой своей дѣдъ опекунствомъ владѣлъ.
Пусть Эакиду отецъ засваталъ, не зная о нашемъ
Бракѣ; но, старшій въ семьѣ, властенъ не больше-ли дѣдъ?
И за тебя выходя, кого бъ я обидѣла бракомъ?
Если-же Пирру женой стану,—Орестъ оскорбленъ.
Знаю, отецъ Менелай любовь извинилъ-бы межъ нами:
Самъ покорился стрѣламъ бога крылатаго онъ.
То, что себѣ разрѣшилъ, и зятю простилъ-бы онъ чувство,
Намъ бы, Орестъ, пособилъ матери милой примѣръ.
Ты мнѣ, какъ матери онъ, и дѣло, которое раньше

Гость Дарданійскій свершилъ, Пирръ совершаетъ сейчасъ.
Пусть величается Пирръ безмѣрно родительской славой,—
Можешь повѣдать и ты много дѣяній отца.
Всѣми владѣлъ Танталидъ, и самымъ владѣлъ Ахиллесомъ,
Частью былъ войска Пелидъ,—тотъ надъ вождями вождемъ.
Прадѣды Пелопсъ тебѣ и Пелопса славный родитель;
Если точнѣе сочтешь, пятый съ Юпитера ты.
Есть и доблесть въ тебѣ: ты гнѣвное поднялъ оружье,
Но не поднять и не могъ,—мечъ твой направилъ отецъ.
Я бы хотѣла, чтобъ ты геройствовалъ въ подвигѣ лучшемъ,
Но для отваги твоей поводъ не выбранъ, а данъ.
Все-же ты подвигъ свершилъ: изъ вскрытаго горла Эгиста
Кровь обагрила дворецъ, гдѣ твой отецъ погибалъ.
Правда, хулитъ Эакидъ, и подвигъ въ вину превращаетъ.
Боги! и взоры мои смѣетъ, безстыдный, сносить!
Рвусь я, и гнѣвъ у меня и сердце, и взоръ возмущаетъ,
Пламенемъ тайнымъ болитъ и прожигается грудь.
Ахъ, Герміонѣ въ глаза бранитъ недостойный Ореста,
Силы-же нѣтъ наказать, грозный отсутствуетъ мечъ.
Плакать дозволено, такъ, и гнѣвъ изливаю я въ плачѣ,
И по груди у меня слезы рѣкою бѣгутъ.
Эти лишь вѣчно со мной, и вѣчно я ихъ проливаю,
И на поблекшихъ щекахъ вѣчно ихъ влажный потокъ.
Иль по судьбѣ родовой, до нашего вѣка достигшей,
Намъ, Танталидамъ, дано легкой добычею быть?
Лебедя-ль мнѣ поминать рѣчного обманчивый образъ
Или Юпитера грѣхъ подъ бѣлоснѣжнымъ перомъ?

Гдѣ два моря косой Истмійской разорваны долгой,
Тамъ на колесахъ чужихъ Гипподамія неслась.
Касторъ Амиклецъ потомъ и братъ его, Поллуксъ Амиклецъ,
Изъ Мопсопійскихъ твердынь взяли Тэнарку—сестру;
И черезъ море она жъ увезенная гостемъ Идейскимъ,
Въ бой за себя повлекла Аргоса смѣлыхъ бойцовъ.
Смутно я помню про то, но помню, какъ горькаго плача,
Страха и грозныхъ тревогъ полонъ родимый былъ домъ.
Плакался дѣдъ и Феба сестра, и парные братья,
Леда молила боговъ, Зевса звала своего;
Я же, свои растрепавъ въ ту пору недолгія косы,
Я восклицала: „меня, мама, меня не взяла!“
Не было дома отца. И вотъ Пелопидой достойной—
Неоптолему теперь стала добычей и я.
О, когда бы Пелидъ избѣгъ Аполлонова лука,
Какъ бы отецъ покаралъ дерзкія сына дѣла!
Не потерпѣлъ и тогда Ахиллъ, не стерпѣлъ бы и нынѣ,
Чтобъ о сведенной женѣ плакалъ покинутый мужъ.
Что за обида отъ насъ неправыми сдѣлала вышнихъ?
Что за созвѣздіе мнѣ, бѣдной, противность чинитъ?
Я безъ родимой росла ребенкомъ; сражался родитель;
Я при обоихъ живыхъ круглой была сиротой.
Не лепетала тебѣ я въ первые годы, родная,
Дѣтски—ласкательныхъ словъ, дѣтски—невѣрныхъ рѣчей,
Не обвивала твоей короткими ручками шеи,
Бременемъ милымъ на грудь не припадала твою;
Ты не ходила за мной, и послѣ помолвки невѣсту
Въ новую спальню не ты, мать, проводила меня.
Но возвращенную я встрѣчать тебя вышла и, право,

Матери даже лица не признавала родной.
Всѣхъ ты прекраснѣй была, и такъ я признала Елену,
Ты же справлялась у всѣхъ: „гдѣ Герміона моя?“
Счастье досталось одно,—Оресту судили въ супруги;
Но не заступится онъ,—я и того лишена!
Плѣнница Пиррова я, хоть дома отецъ побѣдитель,—
Этой-то радостью насъ Трои паденье даритъ!
И покуда Титанъ высоко несется на свѣтлыхъ
Коняхъ, свободнѣй еще кажется бѣдной полонъ.
Только жъ лишь въ спальню меня съ тоскливымъ рыданіемъ скроетъ
Тихая ночь, и сойду къ ложу печальному я,—
Сонъ не приходитъ, изъ глазъ текутъ безконечныя слезы;
Сколько умѣю, бѣгу мужа, какъ будто врага.
То отупѣю съ тоски, и, время забывши и мѣсто,
Я безъ сознанья рукой тѣла Скиросца коснусь,
Только-жъ сознаю позоръ, откинусь, едва прикоснувшись,
И оскверненными мнѣ кажутся руки тогда.
Часто не Пиррово съ устъ, Орестово имя сорвется;
Какъ предсказанію, той рада ошибкѣ душа.
Родомъ несчастнымъ теперь молю и виновникомъ рода,
Кто потрясаетъ моря, земли и царство свое,
Прахомъ отца твоего, мнѣ дяди, котораго въ гробѣ
Тихо сложила ко сну сына отважная месть:
Или ужъ мнѣ умереть и въ юности ранней погаснуть,
Иль Танталидою быть и Танталида женой.

IX.

Деянира.

Слава! Эхалію ты прибавилъ къ подвигамъ браннымъ;
Но побѣдитель зачѣмъ предъ побѣжденною палъ?

Быстро молва донеслась до стѣнъ городовъ Пелазгійскихъ,
Злая молва и твоихъ столь недостойная дѣлъ,
Будто герой мой, кого Юнона и подвиговъ долгихъ
Не укротила чреда, игомъ Іолы смиренъ.
Какъ бы былъ радъ Еврисѳей, какъ рада сестра Громовержца,
Какъ бы мачехѣ твой былъ наслажденьемъ позоръ!
Но не тому, для кого единая ночь, по преданью,
Счастьемъ была не затѣмъ, чтобы такого зачать.
Больше Юноны тебя сгубила Венера: та гнѣвомъ
Лишь возносила; къ ногамъ слабымъ повергла любовь!
О, погляди-же на міръ, смиренный карающей силой
Всюду, гдѣ землю кругомъ синій обходитъ Нерей:
Миромъ тебѣ и земля, и влага обязана моря,
Обѣ обители ты солнца наполнилъ собой.
Небо ты несъ на себѣ, готовое встрѣтить Геракла,
На раменахъ на твоихъ звѣздный Атлантъ заблисталъ.
Что-же? всю славу свою ты только снискалъ для позора,
Коль любодѣйствомъ свои подвиги вздумалъ вѣнчать?
Ахъ, о тебѣ-ль говорятъ, что твердой сдавилъ ты рукою
Змѣй, и въ пеленкахъ уже стоилъ Юпитера сынъ?
Началъ прекраснѣе ты, чѣмъ нынѣ кончаешь; конецъ твой
Ниже начала, и мужъ съ отрокомъ разнится тѣмъ.
Тысячи дикихъ звѣрей и грозный потомокъ Сѳенела
Не одолѣли тебя, такъ одолѣла любовь.
Славятъ счастливой меня, затѣмъ что жена я Гераклу,
И на крылатыхъ коняхъ свекоръ мой грозно гремитъ.
Какъ и неровнымъ быкамъ худая подъ плугомъ работа,
Также и слабой женѣ въ тягость великій супругъ.
Видъ это чести, не честь, и ноша тяжелая сердцу.

Если, какъ надо, сойтись думаешь, съ ровней сойдись.
Вѣчно далеко супругъ, и мужа извѣстнѣе странникъ,
Гонитъ чудовища онъ, гонитъ ужасныхъ звѣрей.
Я же одна, сиротой, свершивши невинныя жертвы,
Мучусь,—вотъ-вотъ упадетъ мужъ передъ дерзкимъ врагомъ;
Бьюсь со змѣями, какъ ты, со львами и съ вепрями злыми,
И троеглавые псы гонятъ за мной по слѣдамъ.
Жилы овецъ смущаютъ меня, сновидѣнья пустыя,
Знаменья, коихъ ищу ночью, въ таинственной мглѣ.
Грустная, только ловлю молвы невѣрной шептанья,
Гонитъ надежда тоску, гонитъ надежду тоска.
Мать далеко и въ тоскѣ, что богомъ могучимъ любима.
Амфитріона отца, отрока Гилла здѣсь нѣтъ.
Лишь Еврисѳея, слугу неправаго гнѣва Юноны,
Лишь продолжительный гнѣвъ чувствую вышней на насъ.
Этой-ли мало бѣды?—Любовницъ чужихъ прибавляешь;
Матерью каждой женѣ стать отъ Геракла легко.
Не помяну средь долинъ Парѳенскихъ поруганной Авги,
Или мученій твоихъ, внука Ормена, въ родахъ;
Не завиню за сестеръ тебя, за Тевтрантову шайку,
Гдѣ ни одной изъ толпы ты не оставилъ, Гераклъ.
Новую только вину—одну назову любодѣйку,
Ту, по которой и Ламъ Лидянинъ пасынокъ мнѣ.
Знаю, Мэандръ, по краямъ однимъ многократно блуждая,
Часто вращая назадъ токъ утомленной волны,
Видѣлъ монисты, на той висѣвшія шеѣ Геракла,
Коей и весь небосклонъ малою тягостью былъ.
Ты не стыдился сковать могучія въ золото руки
И въ драгоцѣнныхъ камняхъ сильные мускулы скрыть.
Въ этихъ ли, точно, рукахъ испустилъ Немейскій грабитель

Духъ, и легла на плечо лѣвое шкура его?
Митрой дерзаешь теперь прикрывать косматыя кудри.
Къ гривѣ Геракла скорѣй тополь сребристый идетъ.
И не позорно тебѣ, подобно дѣвушкѣ рѣзвой,
Поясъ Мэонскій кругомъ сильнаго стана обвить?
Иль не помянешь при томъ суроваго ликъ Діомеда,
Какъ онъ, жестокій, кормилъ тѣломъ людскимъ лошадей?
Если-бъ тебя Бузирисъ увидѣлъ въ такомъ одѣяньи,
То побѣжденному-бъ былъ ты, побѣдитель, стыдомъ.
О, совлеки же, Антей, съ могучей шеи повязку!
Иль не стыдишься, что ты передъ изнѣженнымъ палъ?
Молвятъ, что даже держалъ корзину промежъ Іонійскихъ
Дѣвушекъ ты и угрозъ милой дрожалъ госпожи.
О, не позоръ-ли, Алкидъ? Побѣдную въ тысячѣ бѣдствій
Руку героя вложивъ въ эту корзину съ шитьемъ,
Ты непривычной рукой выводишь толстую нитку
И молодой госпожѣ ровный урокъ отдаешь.
О, какъ часто, пока ты прялъ неискусной рукою,
Веретено ты ломалъ страшною силой руки.
Бѣдный, и то говорятъ: испуганный тонкою плетью,
Павши къ ногамъ госпожи, ты отъ угрозъ трепеталъ.
И знаменитыхъ побѣдъ торжественно-громкую славу
Ей пересказывалъ ты, хоть умолчать бы умнѣй:
Какъ то о лютыхъ змѣяхъ, упавшихъ съ раздавленной пастью,
Только что руку твою ихъ перевили хвосты;
Какъ Тегейскій кабанъ у сумрачныхъ рощъ Еріманта
Наземь упалъ и побилъ землю громадой своей.
Ни про десятки головъ, прибитыхъ къ ѳракійскимъ пенатамъ,
Ни про коней не молчишь, тучныхъ отъ крови людской;
Ни про тройнаго врага, Иберійскимъ богатаго стадомъ,

Про Геріона, хотя въ трехъ онъ былъ ликахъ одинъ;
И на столько жъ собакъ раздѣленнаго съ общаго тѣла
Цербера, съ грозной змѣей въ гривѣ косматыхъ волосъ;
Ни про злую змѣю, обильную тучною кровью
И отъ своихъ же утратъ жизнью богатую вновь;
Ни про того, кто межъ лѣвой руки и лѣваго бока
Тяжкою ношей повисъ, стиснувъ кровавую пасть,
Иль уповавшій вотще на ноги и тѣло двойное
Отъ Ѳессалійскихъ холмовъ изгнанный конскій табунъ.
Это-ль ты смѣешь, плащомъ одѣтый багрянымъ Сидона,
Передавать? И нарядъ не воздержалъ языка?
Боги! оружьемъ твоимъ украшена нимфа Іордана,
Дѣва знакомый трофей плѣннаго мужа несетъ.
Что жъ, возвышайся душой и славныя сказывай брани:
Мужемъ Гераклу не быть! Слабая дѣва—герой!
Столько-жъ ты ниже ея, насколько тебя, о великій,
Было славнѣй побѣдить, чѣмъ побѣжденныхъ тобой.
Ей достается теперь великая слава Геракла,
Низкой наложницѣ ты имя свое отдаешь.
Стыдъ и позоръ! на бокахъ косматаго льва добытая
Грубая шкура теперь—нѣжнаго тѣла покровъ.
Какъ ты обманутъ, герой: ужъ это не львиная кожа,
Это твоя, побѣдилъ льва ты, она-же тебя.
Женщина стрѣлы взяла, Лернейскимъ окрашены ядомъ,
Хоть и по силамъ едва тяжкую прялку поднять;
Палица въ слабой рукѣ, звѣрей укрощавшая хищныхъ,
Въ зеркалѣ весь отраженъ браннаго мужа уборъ.
Это лишь слышала я, молвѣ не хотѣлося вѣрить,
Но ужъ отъ слуховъ къ моимъ чувствамъ доходитъ печаль.
Вотъ передъ взоромъ моимъ проводятъ наложницу мужа,
И безсильна таить горькую муку душа.
И не ведутъ стороной: срединою города входитъ,
Такъ ненавистна моимъ взорамъ, добыча твоя.

Не въ безпорядкѣ у ней, какъ слѣдуетъ плѣнницѣ, косы;
Не закрываетъ лица, скорбь обличая свою,—
Пышно вступаетъ, блеститъ уборовъ золотомъ пышныхъ,
Какъ одѣвался и ты въ Фригіи дальней, Гераклъ.
Смотритъ надменно въ толпу,—вѣдь ей Геркулесъ покорился.
Точно родитель у ней живъ, и не гибла страна.
Что-же, вѣдь можешь изгнать Этолянку ты Деяниру;
Имя наложницы та сложитъ и станетъ женой;
Такъ Евритидѣ Іолѣ съ безумнымъ героемъ Алкидомъ
Бракомъ позорную связь славный Гименъ закрѣпитъ.
Умъ помутится отъ думъ, и холодъ проходитъ по тѣлу,
И на колѣно падетъ, какъ обезсилѣвъ, рука.
Съ цѣлой толпой и меня любилъ ты, но только невинно;
Не подосадуй,—была двухъ я причиною битвъ.
Плача, рога Ахелой у влажнаго брега слагаетъ,
Обезображенный лобъ въ илъ погружая рѣчной,
И въ смертоносныхъ волнахъ Евеновыхъ Нессъ умираетъ,
Полумужчина, кропя конскою кровью волну.
Но для чего говорить? Пишу я, а слухъ ужъ доходитъ,
Что обезсиленъ супругъ ядомъ рубашки моей.
Горе, что сдѣлала я? Куда увлекла меня ревность?
Что, нечестивица, ты медлишь еще умереть?
Или жъ на Этѣ крутой супругъ истерзается болью,
Ты же, виновная въ томъ, хочешь его пережить?
Если донынѣ хоть что я сдѣлала, дабы Алкида
Слыть женою, такъ будь брака залогомъ, о смерть!
Вотъ когда, Мелеагръ, во мнѣ сестру ты признаешь.
Что, нечестивица, ты медлишь еще умереть?
Проклятъ, проклятъ нашъ домъ! На тронѣ царствуетъ Агрій,
А Энея вдали скудная старость гнететъ;
Братъ мой, Тидей, по чужимъ берегамъ изгнанникомъ бродитъ,

Пламенемъ былъ роковымъ заживо пожранъ другой;
Мать поразила мечомъ и грудь, и грустное сердце.
Что, нечестивица, ты медлишь еще умереть?
Только въ одномъ поклянусь святѣйшею правдою брака:
О, не подумай, что смерть я замышляла твою.
Это Нессъ, остріемъ пронизанный въ алчное сердце,—
„Сила любовная есть,—молвилъ:—вотъ въ этой крови“.
Въ Нессовомъ ядѣ смочивъ, тебѣ я послала рубашку.
Что, нечестивица, ты медлишь еще умереть?
Такъ простите-жъ, отецъ престарѣлый и Горго родная,
Милая родина, братъ, кровли лишенный родной,
И сегодняшній день, послѣдній для нашего взора,
И,—когда-бы ты жилъ!—съ отрокомъ Гилломъ супругъ.

X.

Аріадна.

Дикіе звѣри—и тѣ гораздо тебя милосерднѣй.
Злѣе, чѣмъ ты, ни одинъ вѣры моей не попралъ.
Это посланіе съ тѣхъ береговъ, Тезей, посылаю,
Лодку откуда твою парусъ унесъ безъ меня,
Гдѣ Аріадну и ты, и сонъ мой предалъ коварный,
И насмѣялся злодѣй надъ сновидѣньемъ моимъ.
Были минуты, когда впервые хрустальной росою
Блещетъ земля, и въ листвѣ жалобно птицы поютъ.
Въ тонкой дремотѣ, сквозь сонъ, вся томная, руки къ Тезею
Я потянула—обнять, съ жаркаго ложа привставъ.
Нѣтъ никого! Я назадъ руками, и вновь простираю,
Щупаю ложе кругомъ цѣлое, нѣтъ никого!
Въ ужасѣ сонъ отлетѣлъ... Съ тревогою я подымаюсь,

Съ ложа пустого скорѣй ноги стремятся бѣжать.
Руки я сжала, и грудь зазвучала подъ звонкимъ ударомъ,
И перепутанныхъ сномъ пряди терзала я косъ.
Мѣсяцъ сіялъ. Я гляжу, чего кромѣ водъ не замѣчу-ль;
Сколько достали глаза,—берегъ одинъ предо мной.
То туда, то сюда мечусь въ безпорядочномъ бѣгѣ,
Тонетъ въ глубокомъ пескѣ, медлитъ дѣвичья нога,
И пока по всему кричала я брегу Тезея,
Вторили имя твое полыя скалы однѣ.
Я призывала стократъ, стократъ берега призывали,
Точно несчастной помочь даже природа рвалась.
Тамъ, на горѣ, гдѣ вверху кустарникъ виднѣется рѣдкій,
Полуисточенъ волной хриплой нависнулъ утесъ;
Я—на скалу,—силъ горе даетъ,—оттуда далеко
Море открытое я мѣряю взоромъ своимъ.
И вдалекѣ,—ужъ ко мнѣ и вѣтры жестокими стали,—
Вижу, стремительный Нотъ ваши надулъ паруса.
Вижу-ль, иль кажется мнѣ, что вижу,—отъ этого вида
Стала я льда холоднѣй, вся помертвѣла я вмигъ.
Долго скорбь не даетъ цѣпенѣть. Пробужденная скорбью,
Да, пробужденная, такъ громко Тезея зову:
„Въ бѣгство-ль, безчестный, спѣшишь?—кричу я,—Тезей, воротися!
О воротися! не всѣхъ лодка твоя приняла“.
Такъ я кричала, а крикъ не хваталъ,—дополняла біеньемъ,
Скорбно съ ударами въ грудь вопли сливались мои.
Если тебѣ не слыхать, чтобъ могъ ты однакожъ увидѣть,
Я распростертой рукой знаки давала тебѣ,
И на высокомъ прутѣ раскинула платъ бѣлоснѣжный,
Чтобъ позабывшимъ меня напоминать о себѣ.
Вотъ ужъ изъ глазъ ты пропалъ; и тутъ лишь я зарыдала,
Раньше-же робкимъ очамъ скорбь не давала рыдать.
Что-же вы больше могли, какъ плакать надъ бѣдною, взоры,

Чуть пересталъ уже вамъ парусъ виднѣться родной?
То я бродила одна, раскидавъ безпорядочно косы,
Точно Вакханка, когда богъ Огигійскій томитъ;
Иль, холодна, на скалѣ сидѣла, на море взирая,—
Камень сидѣніемъ былъ, камнемъ сидѣла и я.
Часто на ложе взойду, обоихъ принявшее ложе,
Но не судившее насъ вмѣстѣ двоихъ отпустить,
И слѣды осязаю твои замѣсто Тезея,
Эту постель, твоего тѣла хранившую жаръ.
Брошусь, и слезы ручьемъ польются обильнымъ на ложе,
Вскрикну: „мы оба тебя смяли,—верни-же двоихъ!
Двое сюда мы взошли,—зачѣмъ же не двое уходимъ?
Ложе коварное, гдѣ большая доля изъ насъ?"
Что предпринять? куда мнѣ бѣжать? на островѣ дикомъ
Нѣту работы людей, нѣтъ и работы воловъ.
Море кругомъ береговъ разлилось, и путемъ незнакомымъ
Здѣсь не пристанетъ корабль и ни единый морякъ.
Дай мнѣ попутчиковъ, дай и вѣтеръ попутный, и парусъ,—
Что мнѣ и въ этомъ? Пути нѣтъ мнѣ къ отцовской землѣ.
Пусть на счастливой ладьѣ пройду я спокойныя воды,
Пусть запрещаетъ вѣтрамъ царь ихъ,—изгнанница я.
Ужъ не увижу тебя, на сто городовъ подѣленный
Критъ мой, знакомая встарь отроку Зевсу страна.
Но и родитель, и имъ правосудно хранимое царство
Преданы дѣломъ моимъ,—милыя мнѣ имена.
Помнишь, чтобъ ты, побѣдивъ, въ лабиринтѣ все жъ не остался,
Я путеводную нить въ руки тебѣ предала;
Тутъ то ты намъ обѣщалъ: „Клянуся опасностью этой,
Будешь моею, пока оба на свѣтѣ живемъ".
Живы, Тезей, мы, *но я не твоя* ужъ! Ахъ, если живешь ты,

Я—погребенная злымъ мужа коварствомъ жена.
Лучше-бъ меня булавой убилъ ты, безчестный, какъ брата,
Лучше-бы смертью моей вѣрность свою разрѣшилъ.
Нынѣ-жъ не только я все, что могу претерпѣть, представляю,
Но и что предстоитъ брошенной каждой терпѣть.
Передъ очами встаютъ всѣ случаи смерти возможной,
Смерти страшнѣе самой мнѣ ожиданья ея.
Вотъ ужъ подходятъ ко мнѣ, мнѣ чудится, здѣсь или тамъ вотъ
Волки, чтобъ жадно клыки въ слабое тѣло вонзить.
Можетъ быть, желтые львы на островѣ водятся этомъ,
И кровожадному здѣсь тигру пристанище есть.
А моря, говорятъ, скрываютъ громадныхъ тюленей.
Да и отъ острыхъ мечей гдѣ оборона моя?
Только-бъ въ жестокую цѣпь, какъ плѣнницѣ, рукъ не сковали,
И раболѣпной рукѣ не дали пряжу сновать.
Боги! Миносъ мой отецъ, а мать Аполлонова дочерь,
Мнѣ не забыть, что моимъ былъ обрученнымъ Тезей.
Если на море взгляну, на земли, на берегъ далекій,
Многимъ грозитъ мнѣ земля, многимъ и воды грозятъ.
Небо осталось, но тамъ боюсь небожителей вѣчныхъ.
Ахъ, на добычу звѣрямъ дикимъ покинута я.
Пусть тутъ и жители есть,—я имъ не посмѣю повѣрить:
Горе учило меня всѣхъ опасаться чужихъ.
Если-бъ жилъ Андрогей, и жертвами это злодѣйство
Не искупала-бы ты, о Кекропидовъ земля!
И не повергнутъ былъ твоей булавой узловатой,
Силою мощный Тезей, тотъ полумужъ—полубыкъ,
И не дала бъ я тебѣ путеводныя нити къ возврату,
И, пробираясь по нимъ, ты-бъ не вернулся назадъ.
Но не дивлюсь, что тебѣ и эта досталась побѣда,

И распростершійся звѣрь Критскую землю покрылъ.
Можно-ли было пробить рогами желѣзное сердце?
И непокрытая грудь твердой бронею была,—
Въ ней принесъ ты кремень, принесъ адамантъ необорный,
Въ ней и кремня холоднѣй сердце Тезея принесъ..
Вы, безпощадные сны, зачѣмъ обезсилили дѣву?
Лучше-бы вѣчная ночь взоры закрыла мои.
Вѣтры, жестоки и вы и слишкомъ готовы къ обидѣ,
Вѣтры, дышавшіе такъ бодро на горе мое.
Злая рука, и меня, и брата убившая злобно!
Клятва, данная намъ, имя безплодное ты...
Противъ меня собрались и вѣтеръ, и сонъ, и коварство,
Три тѣ причины одну дѣву сгубили меня.
Знать, не увидѣть ужъ мнѣ и матери слезъ, умирая,
И никакая рука глазъ у меня не смежитъ.
Скорбно душа отлетитъ въ чужое, холодное небо,
Тѣла родная рука не умаститъ мнѣ въ гробу;
Къ непогребеннымъ костямъ морскія птицы слетятся...
Тѣхъ-ли заслугой своей стоила я похоронъ?
Въ гавань Кекропса взойдешь и, встрѣченный родиной милой,
Ставши высоко въ челѣ подданныхъ вѣрныхъ твоихъ,
Станешь ты сказывать имъ про гибель быка—человѣка
И про сомнительный путь въ каменномъ домѣ его;
Тутъ разскажи и про насъ, какъ насъ ты покинулъ въ пустынѣ,
Къ подвигамъ славнымъ твоимъ стоитъ причесть и меня.
Нѣтъ, не Эгей твой отецъ, и ты не Питтеевой Эѳры
Сынъ: породили тебя скалы и море, Тезей!
Боги! когда бы съ кормы высокой меня ты замѣтилъ,
Взоры смутилъ бы твои мой опечаленный видъ.
Хоть и не взоромъ сейчасъ, такъ мыслью увидѣть ты можешь,

Какъ я лѣплюсь на скалѣ, вплоть надъ невѣрной водой,
Какъ распустила свои, въ знакъ траура горькаго, косы,
И туника отъ слезъ, какъ отъ дождя, тяжела;
Тѣло какъ нива дрожитъ побитая грознымъ Бореемъ,
И подъ дрожащей рукой сжатое бьется письмо.
О, не заслугой своей,—она миновала,—молю я;
Пусть благодарности я не заслужила, Тезей,—
Казни достойна ли я? Пусть я не причина спасенья,
Но для чего-же моей смерти причиною ты?
Грустно я руки къ тебѣ простираю чрезъ дальнее море,
Руки, уставшія грудь скорбную бить и терзать;
Этихъ разсыпанныхъ косъ обилье къ тебѣ простираю,
Горько слезами молю, коихъ источникомъ ты-жъ:
Ахъ, обрати свой корабль, Тезей, воротися по вѣтру;
Если тебя не дождусь, прахъ мой съ собой забери.

XI.

Канака.

Если посланье грязнятъ мѣстами неясныя пятна,
Знай, это кровь госпожи стерла мѣстами письмо.
Правой держу я перо, а лѣвою мечъ обнаженный,
И на груди у меня свитокъ открытый лежитъ.
Вотъ Эолиды образъ, письмо посылающей брату.
Такъ я навѣрно-бъ пришлась злому отцу по душѣ.
Пусть-бы убійство мое своими онъ видѣлъ очами,
И на виновныхъ глазахъ наша свершалася казнь.
Но жестокій, стократъ своихъ безпощаднѣйшій Евровъ,
Вѣрно-бъ на раны мои взоромъ взиралъ онъ сухимъ.
Видно недаромъ пройдетъ съ жестокими вихрями знаться,
Подданныхъ нравамъ и самъ ихъ соотвѣтствуетъ царь.

Нотомъ онъ и Зефиромъ, и странъ Сиѳонскихъ Бореемъ
Правитъ, и дерзкимъ крыломъ, Евръ ненасытный, твоимъ;
Правитъ вѣтрами, но ахъ! не правитъ волненіемъ гнѣва,
Цѣлое царство его меньше порочной души.
Что-же мнѣ въ томъ, что близка именами дѣдовъ я небу,
И среди кровной родни Зевса могу называть?
Ту-же враждебную сталь, подарокъ отца погребальный,
Женской держу я рукой, вовсе не женскій снарядъ.
О, когда-бъ, Макарей, сочетавшее насъ воедино
Страсти мгновенье пришло послѣ кончины моей!
Братъ, для чего ты меня полюбилъ не братской любовью?
Что я тебѣ не была, какъ подобало, сестрой?
Но разгорѣлась и я; знакомаго раньше по слуху
Чуждаго чуяла я бога пылавшей душой.
Краска сбѣжала съ лица, худоба подернула члены,
И передъ пищей мои плотно смыкались уста.
Сонъ беззаботный прости, и ночь уже годомъ казалась,
И безъ болѣзни больнымъ стономъ вздымалася грудь.
Что со мной, не могла себѣ разъяснить я причины;
Только, не зная любви, ужъ истомилася ей.
Первая нянька бѣду почуяла старческимъ сердцемъ,
Первая нянька: „Да ты,—молвитъ,—дитя, влюблена“.
Я покраснѣла и взоръ склонила стыдливая долу,
И молчаливый мой стыдъ цѣлымъ признаніемъ былъ..
Бремя вспухало уже моего соблазненнаго чрева,
Тайная ноша гнела слабые члены свинцомъ.
Сколькихъ травъ мнѣ тогда и сколькихъ лекарствъ не носила
Нянька и смѣлою мнѣ всѣ подавала рукой,
Чтобъ изнутри, и въ этомъ одномъ отъ тебя я таилась,
Чтобы изъ чрева у насъ вырвать взростающій плодъ.
Но чрезмѣрно живучій ребенокъ противился всякимъ
Снадобьямъ, твердый покровъ бѣднаго скрылъ отъ врага.

Девять ужъ разъ возраждалась сестра прекрасная Феба,
И въ десятый Луна свѣтлыхъ пустила коней,—
Я же, не вѣдая, что причиной внезапныхъ страданій,
Новой и чуждой всего жертвою стала родовъ.
Силъ мнѣ не стало молчать... „Зачѣмъ-же вину открываешь?“
Шепчетъ и плачущей ротъ нянька сжимаетъ рукой.
Что мнѣ подѣлать въ бѣдѣ? Исторгаетъ стоны страданье,
Страхъ-же и нянька и стыдъ самый велитъ замолчать.
Стоны стараюсь сдержать и рвущійся крикъ прерываю
И принуждаю себя пить свои слезы сама.
Смерть предъ очами была, помочь отрекалась Люцина,
Тяжкой виною и смерть стала-бъ, когда-бъ умерла.
Тутъ, надо мною склонясь,—и кудри, и плащъ въ безпорядкѣ—
Грудь прижимая къ груди, тѣло согрѣлъ ты мое
И восклицаешь: „живи, сестра, о сестра дорогая,
Не умирай и въ одномъ тѣлѣ двоихъ не губи!
Силы надежда придастъ: ты брату станешь женою,
Тотъ, отъ кого родила, станетъ и мужемъ тебѣ“.
Мертвую,—вѣришь-ли мнѣ?—тѣ рѣчи меня воскресили,
И родилося дитя—бремя мое и вина.
Но погоди ликовать! Эолъ во дворцѣ возсѣдаетъ,
Надо отъ взоровъ отца скрыть преступленіе намъ.
Въ листья старуха дитя и въ бѣлыя вѣтви оливы
Тщательно скрыла и, вкругъ легкой повязкой обвивъ,
Мнимую жертву несетъ и шепчетъ святую молитву.
Тутъ и народъ, и отецъ жертвѣ дорогу даютъ.
Близко къ порогу была; но плачъ до отцовскаго слуха
Вдругъ достигаетъ,—дитя крикомъ себя выдаетъ.
Вырвалъ ребенка заразъ и лживую жертву вскрываетъ
Царь, и безумнымъ его воплемъ наполненъ дворецъ.

Также, какъ море дрожитъ подъ слабымъ дыханіемъ вѣтра,
Теплый какъ Нотъ всколыхнетъ ясени тонкую трость,
Такъ трепетали тогда мои поблѣднѣвшіе члены,
Также подъ дрожью моей ложе пошло ходенемъ.
Вотъ прибѣгаетъ и нашъ позоръ разглашаетъ онъ воплемъ,
И отъ печальныхъ ланитъ руки едва воздержалъ.
Я предъ позоромъ моимъ лишь горькія слезы точила,
Робкія рѣчи сковалъ трепетомъ страхъ ледянымъ.
Птицамъ забросить и псамъ велитъ онъ невиннаго внука
И на пустынныхъ мѣстахъ кинуть ребенка велитъ.
Тотъ, несчастный, кричалъ; казалось, онъ чувствовалъ гибель,
И, какъ умѣлъ, своего криками дѣда молилъ.
Что-жъ у меня на душѣ тутъ дѣлалось, братъ, догадайся,—
Самъ ты по чувствамъ своимъ можешь мои оцѣнить,—
Какъ у меня на глазахъ мой ворогъ къ высокому лѣсу
Сердце мое уносилъ, злымъ на съѣденье волкамъ.
Вышелъ изъ терема царь. Тутъ грудь поразила руками,
Ногти въ ланиты свои съ мукой вонзала тутъ я.
Тою порою, съ лицомъ печальнымъ, отцовскій приспѣшникъ
Входитъ, и вотъ изъ его устъ недостойная рѣчь:
„Царь посылаетъ тебѣ свой мечъ“,—и мечъ онъ вручаетъ,—
Ты, по заслугамъ, сама волю его разгадай“.
Знаю—и съ твердой душой жестокой воспользуюсь сталью,
Скрою глубоко въ груди этотъ подарокъ отца.
Этимъ ли даромъ мой бракъ, родитель, ты вздумалъ украсить?
Этимъ приданымъ, отецъ, дочь осчастливишь свою?
Прочь-же, прочь, Гименей обманутый, съ факеломъ брачнымъ,

Отъ нечестивыхъ палатъ быстрой стопою бѣги!
Вы же бросайте въ меня свой факелъ, Ериніи мрака,
Пусть запылаетъ огнемъ мой погребальный костеръ!
Съ лучшею Паркою въ бракъ вступайте, счастливыя сестры,
Но и въ разлукѣ со мной не забывайте сестры.
Что ты надѣлалъ, мой сынъ, такъ мало мгновеній прожившій?
Чѣмъ до того прогнѣвилъ дѣда, едва лишь родясь?
Если онъ могъ заслужить ту казнь, пусть сочтутъ заслужившимъ;
Но злополучный, моей терпитъ онъ кару вины.
Сынъ мой, ты матери скорбь, ты хищнаго звѣря добыча,
Горе!—растерзанный имъ въ самый рожденія день,
Сынъ мой, несчастный залогъ моего злополучнаго чувства,
Это—первый твой день, это послѣдній тебѣ.
Мнѣ не судила судьба омыть твое тѣло слезами
И на гробницу къ тебѣ срѣзанный локонъ снести;
Къ вамъ не склонялася я, цѣлуя, холодныя губки.
Дикіе звѣри мою плоть расхищаютъ и кровь.
Съ раной въ груди и сама полечу я за тѣнью ребенка,
Вамъ ужъ недолго меня бѣдною матерью звать.
Ты-же, ты, обрученный напрасно съ несчастной сестрою,
Бѣдные члены, молю, сына сбери своего,
Матери сына верни и въ общей сложи насъ гробницѣ;
Пусть, хоть и тѣсная, насъ урна обниметъ двоихъ.
Помни про насъ и живи, и раны полей мнѣ слезами,
Тѣла любившей тебя, любящій, ты не страшись.
Такъ соверши-же, молю, сестры беззаконно любимой
Волю; а я ужъ должна волю исполнить отца.

XII.

Медея.

Помню, бывало, тебѣ служила я, Колховъ царица,
Въ пору, какъ помощи ты въ нашемъ искусствѣ искалъ.
Тутъ-бы Сестры должны, прядущія смертныя судьбы,
Пряжу Медеину всю разомъ допрясть до конца.
Тутъ-бы Медея могла со славой погибнуть; оттолѣ-жъ,
Сколько ни длились мои годы, мученье одно.
Горе мнѣ, горе! Зачѣмъ, молодыми направленъ руками,
По золотое руно мчался Пелійскій корабль?
Дочь Колхиды къ чему Магнетскій увидѣла Арго?
Греческій воинъ зачѣмъ Фазиса воду испилъ?
Мнѣ для чего безъ конца понравились русые кудри,
И красота, и рѣчей лживая нѣжность твоихъ?
Или, разъ ужъ ладья чужая на берегъ песчаный
Бросила якорь и къ намъ смѣлыхъ бойцовъ донесла,
Пусть-бы и шелъ, волшебства не зная, подъ пламя дыханья,
Подъ наклоняемый рогъ неблагодарный Язонъ,
Пусть-бы посѣялъ сѣмянъ и вороговъ столько-жъ посѣялъ,
И отъ посадковъ своихъ самъ насадитель погибъ.
Сколько-бъ коварства съ тобой, злодѣй ненавистный, погибло,
Отъ головы-бы моей сколько развѣялось бѣдъ!
Есть наслажденье, когда невѣрныхъ бранишь по заслугамъ;
Имъ я упьюся, и въ немъ радость одна отъ тебя.
Къ Колхамъ велѣли тебѣ кормою пристать незнакомой,
Въ мирное царство моей родины входитъ Язонъ.

Тамъ Медея была,—чѣмъ нынѣ твоя молодая;
Сколько родитель ея, столько-жъ и мой былъ богатъ.
Этотъ—Эфирой при двухъ моряхъ, тотъ цѣлой страною
Правитъ до Скиѳскихъ снѣговъ, слѣва весь Понтъ обходя.
Гостепріимно Эетъ встрѣчаетъ юныхъ Пелазговъ,
Пестрое ложе тѣснятъ Грековъ заѣзжихъ тѣла.
Тутъ увидала тебя, тутъ я разглядѣла Язона,
Это крушеньемъ моей стало впервые душѣ.
Вижу—и гибну заразъ; огнемъ незнакомымъ пылаю,
Какъ у великихъ боговъ факелъ горитъ смоляной.
И красавецъ ты былъ, и року покорна Медея,
Свѣтлыя очи твои взоры мои завлекли.
Скоро дознался злодѣй,—и кто потаится влюбленный..
Самъ выдавая себя, рвется наружу огонь.
Тою порой задаютъ урокъ: непокорныя шеи
Дикимъ воламъ наклонить подъ необычный сошникъ.
Марсовы были быки, гроза не одними рогами,—
Страшно въ дыханьи изъ устъ жаркій огонь излеталъ;
Ноги закованы въ мѣдь, и мѣдью задернуты ноздри,
Но подъ дыханьемъ быковъ вся почернѣла и мѣдь.
Кромѣ того сѣмена для рожденья народа велѣли
Благоговѣйной рукой сѣять въ просторѣ полей,
Дабы пронзили тебя родившимся съ ними-жъ оружьемъ,
И земледѣлу своя-жъ гибельна жатва была.
Зоркаго стража глаза, не знавшіе сну подчиненья,
Тайнымъ обманомъ смежить—вотъ и послѣдній урокъ.
Кончилъ условья Эетъ. Печальные вы подымались
Съ затканныхъ пурпуромъ ложъ и отъ высокихъ столовъ.
Какъ отъ тебя далеко и брачное царство Креузы
И Креонтова дочь были въ ту пору и тесть.
Грустный уходишь, а я слѣжу за тобой со слезами,
Тихо лепечутъ уста шопотомъ легкимъ: прости!

Съ томною раной въ груди коснулась я ложа въ свѣтлицѣ,
Всю-то долгую ночь въ горькихъ слезахъ провела.
Все передъ взоромъ моимъ быки да посѣвъ нечестивый,
Все передъ взоромъ моимъ бодрствуетъ злая змѣя.
Въ сердцѣ и страхъ, и любовь; отъ страха любовь возрастаетъ.
Утро настало, ко мнѣ милая входитъ сестра
И раскидавшую косы и павшую ницъ на ланиты
Видитъ Медею, и все около въ горькихъ слезахъ.
Миніямъ молитъ помочь, но просьбой иного достигла:
То, что просила она, я Эзониду даю.
Черная роща тамъ есть отъ сосенъ и буковъ вѣтвистыхъ,
Чуть проникаютъ туда яснаго солнца лучи.
Есть тамъ,—стояла при мнѣ,—часовня Діаны, въ часовнѣ
Образъ ея золотой, варварскимъ созданъ рѣзцомъ.
Помнишь, иль съ нами забылъ и мѣстности? Здѣсь мы сошлися,
И коварную рѣчь такъ начинаетъ Язонъ:
„Судъ и рѣшенье тебѣ спасенія нашего предалъ
Рокъ; у Медеи въ рукахъ наша и гибель и жизнь.
Силы имѣть погубить—довольно, коль радостно это.
Только спасеньемъ моимъ больше прославишься ты.
Нашей бѣдою молю, которую можешь ослабить,
Дѣда молю божествомъ, весь озирающимъ міръ,
Тройственнымъ ликомъ молю и тайнымъ служеньемъ Діаны,
Славой молю остальныхъ этого рода боговъ:
О дѣвица, меня пожалѣй и моихъ пожалѣй ты,
Сдѣлай меня навсегда этой услугой твоимъ!
Если-же мужемъ избрать не станешь гнушаться Пелазга,
(Только за что-бы ко мнѣ милости столько въ богахъ),—
Раньше дыханье мое развѣется въ воздухѣ тонкомъ,

Нежели въ спальню женой вступишь Язона не ты.
Слышитъ Юнона обѣтъ, святыню хранящая брака,
И неземная, во чьемъ мраморномъ храмѣ стоимъ!“
Эти слова,—и одни-ль слова?—подкупили простую
Дѣвушку; наша рука въ руку Язона легла.
Видѣла я и слезы твои; или лживы и слезы?
Такъ во мгновенье твои рѣчи плѣнили меня.
Тутъ мѣдноногихъ быковъ не пожегши ты тѣла впрягаешь,
И, какъ велѣли, сохой *твердую землю* браздишь,
И наполняешь *поля посѣвомъ* зубовъ ядовитыхъ,
И *нарождается* тамъ воинъ съ мечомъ и щитомъ.
Даже сама я, вручивъ тѣ чары, блѣднѣя сидѣла,
Какъ увидала бойцовъ бранныхъ, встающихъ чрезъ мигъ.
Дивное чудо, когда землею рожденные братья
Между собою, тѣснясь, въ бой рукопашный сплелись.
Вотъ и недремлющій стражъ, высокой треща чешуею,
Свистъ издаетъ и, клубясь, грудью мететъ по землѣ.
Гдѣ же приданое тамъ ты видѣлъ, супругу-царевну
И разлучающій два моря широкія Истмъ?
Это не я-ли, теперь ужъ варваркою ставшая дикой,
Ставшая нищей тебѣ, ставшая вредной, Язонъ,
Жаркіе взоры тогда смежила волшебными снами
И безопасно руно, хищникъ, тебѣ предала?
Преданъ родитель Эетъ, родное покинуто царство,
Въ горькомъ изгнаніи быть жалкой рабой рѣшено.
Дѣвство досталось мое грабителю чуждому въ жертву,
Брошена добрая мать вмѣстѣ съ любимой сестрой.
Но, убѣгая, тебя не бросила, *братъ мой*, Медея;
Только вотъ тутъ у меня вдругъ задрожало перо.
Смѣла рука совершить, не смѣетъ въ письмѣ признаваться.
Пусть бы съ тобой и меня, братъ, растерзали въ куски.

Но не боялася я,—чего-жъ и бояться убійцѣ?—
Ввѣриться морю—жена и съ преступленьемъ такимъ.
Гдѣ-же вы, боги? Въ волнахъ пошлите законную кару
Мужу за дерзкій обманъ, и за довѣрчивость мнѣ.
Пусть-бы обоихъ сдавивъ разбили тогда Симплегады,
И прильнули къ твоимъ кости Медеи костямъ,
Или-жъ алчная псамъ дала на съѣденіе Сцилла.
Сциллѣ-ль еще не губить неблагодарныхъ мужей?
Такъ, изрыгая валы и столько-же снова вбирая,
Пусть бы и насъ предала та Тринакрійской волнѣ!
Нѣтъ, къ Гэмонійскимъ стѣнамъ живымъ побѣдитель вернулся
И золотое руно къ отчимъ возноситъ богамъ.
Что повторять о любви убійственной Пелія дщерей,
Или-жъ о тѣлѣ отца, жертвѣ дѣвичьей руки?
Пусть другіе винятъ, но ты—то хвалить насъ обязанъ,
Ради котораго я столько вины приняла.
Нѣтъ, ты рѣшился,—слова безсильны для праведной скорби!
Ты мнѣ рѣшился сказать: „прочь отъ Эзоновыхъ вратъ!“
Прочь я пошла изъ дворца, съ двумя сыновьями твоими,
Съ сопровождающей насъ вѣчно любовью къ тебѣ.
Только внезапно Гименъ распѣваемый нашего слуха
Вдругъ достигаетъ, огнемъ яркимъ лампады блестятъ,
И разливается флейтъ для брака для вашего пѣнье,
Сердцу Медеи грустнѣй и похоронной трубы.
Я задрожала, досель такому не вѣря злодѣйству,
Но уже сердце въ моей захолодѣло груди.
Кучей бѣгутъ и „Гименъ“ кричатъ, „Гименей“ повторяютъ.
Все приближается крикъ, все тяжелѣй на душѣ.
И отвернулись рабы, и плачутъ, и слезы скрываютъ:
Кто-бы подобной бѣды вѣстникомъ стать пожелалъ?

Мнѣ-же, что-бъ ни было тамъ, ужъ лучше не вѣдать хотѣлось;
Точно-бы знала я все, было тоскливо душѣ.
Только меньшой изъ дѣтей,—желая увидѣть, что будетъ,
Сталъ онъ на первый порогъ створчатой двери моей:
„Мама, скорѣе сюда! Язонъ отецъ открываетъ
Шествіе, весь золотой, парою правя коней“.
Вмигъ я покровъ сорвала и грудь поразила руками,
И отъ перстовъ отъ моихъ не уцѣлѣла щека.
Сердце просилось бѣжать, въ средину толпы замѣшаться,
Съ этихъ кудрей завитыхъ снять и забросить вѣнокъ.
Чуть удержалася я, чтобъ, волосы такъ растрепавши,
Громко не крикнуть: „онъ мой!“ и не вцѣпиться въ него.
Радуйся, скорбный отецъ! забытые радуйтесь Колхи!
Жертву въ могилѣ прими, брата погибшаго тѣнь!
Родина, царство и домъ утрачены; нынѣ покинулъ
Насъ и супругъ, для меня бывшій единственный всѣмъ.
Видно-жъ могла я и змѣй смирять, и быковъ разъяренныхъ,
Лишь одного не могла мужа смирить до конца,
И напускавшая пылъ жестокій волшебнымъ искусствомъ
Нынѣ безсильна сама пылкой любви избѣжать.
И заклятія я, и травы, и чары забыла;
Что мнѣ богиня и что сила Гекаты святой!
И безрадостенъ день, и, бодрствуя въ горькія ночи,
Сердцу печальному мигъ сладкаго сна не найти.
Въ силахъ была усыпить дракона, себя-же безсильна!
Каждому наши труды, видно, полезнѣй, чѣмъ намъ.
Тѣло, спасенное мной, разлучница—тварь обнимаетъ,
Ей достаются плоды нашихъ тяжелыхъ трудовъ.
И, быть можетъ, неразъ, предъ глупой кичася невѣстой,
И для пристрастныхъ ушей милый слагая разсказъ,

Нравы мои и лицо ты новой чернишь клеветою.
Пусть веселится, смѣясь нашимъ порокамъ, она!
Пусть, насмѣхаясь, лежитъ высоко на пурпурѣ Тирскомъ!
Скоро заплачетъ, и жаръ пламенемъ мой превзойдетъ!
Былъ-бы лишь ножъ, да пламени пылъ, да сокъ ядовитый,—
Неотомщеннымъ никакъ нашъ не останется врагъ.
Если-же, чудомъ, мольбы желѣзное трогаютъ сердце,
Рѣчь недостойную, вѣрь, нашей прослушай души.
Также тебя я молю, какъ часто меня умолялъ ты,
И не стыжуся къ твоимъ робко ногамъ припадать.
Если тебѣ я гадка, дѣтей-то хоть общихъ попомни,—
Станетъ невинныхъ дѣтей грубая мачеха гнать.
Дивно похожи они на отца; смущаясь ихъ видомъ,
Только на нихъ погляжу, чувствую влагу въ глазахъ!
Вышними нынѣ молю и свѣточемъ пламеннымъ дѣда,
Службой моей и дѣтьми, милымъ залогомъ любви:
Ложе верни, за него-жъ безумная бросила столько,
Съ вѣрностью слово сдержи, бѣдной заступникомъ будь.
Помощи я не прошу отъ быковъ у тебя, отъ героевъ,—
Я не молю, чтобъ змѣю злобную ты побѣдилъ:
Только Язона хочу, котораго я заслужила,
Кто предавался мнѣ самъ, съ кѣмъ я дѣтей родила.
Спросишь,—приданое гдѣ?—на полѣ мы томъ сосчитались,
Гдѣ ты распахивалъ новь, чтобы похитить руно.
Этотъ баранъ золотой, сверкающій золотомъ шерсти,
Наше приданое; ты намъ не воротишь его.
Наше приданое—жизнь твоя и твоей молодежи.
Груды Сизифовыхъ ты-ль, низкій, сбираешь богатствъ!
То, что живешь, и съ тобой невѣста великая съ тестемъ,
То, что меня обмануть можешь, все дѣло мое.

Скоро я, скоро ихъ всѣхъ... но надо-ль предсказывать кару?
Сколько безумныхъ угрозъ гнѣвъ порождаетъ въ груди!
Гнѣву послѣдую я; и, можетъ, раскаюсь въ поступкѣ...
Каюсь и нынѣ, что мужъ мною невѣрный спасенъ.
Это-жъ увидитъ ужъ богъ, мое возмущающій сердце.
Что-то великое мнѣ тайная дума сулитъ.

XIII.

Лаодамія.

Мужу „спасеніе“ шлетъ и молитъ, чтобъ цѣли достигло,
Лаодамія, дочь древняго Гэмона царствъ.
Медлишь ты, говорятъ, въ Авлидѣ при вѣтрѣ противномъ;
Гдѣ же вѣтеръ тотъ былъ, какъ ты бѣжалъ отъ меня?
Тутъ то-бы море должно противиться весламъ безсильнымъ,
Тутъ то-бы время кипѣть гибельной ярости волнъ.
Больше-бъ лобзаній тебѣ и больше дала я наказовъ,
Вѣдь еще много сказать я-бы хотѣла тебѣ.
Нѣтъ, улетѣлъ ты стремглавъ и, парусъ твой въ море манившій,
Милый однимъ морякамъ вѣтеръ свисталъ, а не мнѣ.
Вѣтеръ былъ морякамъ угоденъ, женѣ неугоденъ:
Вмигъ изъ объятій моихъ вырвался Протезилай.
Я наставленья свои обрываю, не кончивши рѣчи,
Силы едва я нашла вымолвить грустно: „прости“!
Бурно Борей налетѣлъ, схватилъ паруса и напружилъ,

И далеко отъ меня Протезилай исчезалъ.
Любо мнѣ было глядѣть, покуда возможно, на мужа
И за тобой далеко слѣдовать взоромъ своимъ.
Ужъ и тебя не могла, такъ парусъ твой видѣть могла я,
И къ дорогимъ парусамъ долго прикованъ былъ взоръ.
Но когда ужъ и ты, и парусъ исчезнулъ летучій,
И, куда ни взгляну,—море и море кругомъ,
Свѣтъ погаснулъ съ тобой, и въ мракъ густой безъ кровинки
Я повалилась безъ силъ, слабыхъ не чувствуя ногъ.
Свекоръ насилу Ификлъ, насилу Акастъ престарѣлый,
Грустная мать наконецъ свѣжей водой подняла.
Нѣжной услуга любви, но горькая сердцу услуга!
Я разсердилась, что мнѣ, бѣдной, нельзя умереть.
Только въ сознанье пришла, вернулись и муки съ сознаньемъ,
Въ чистую душу любовь къ мужу вонзилась стрѣлой.
Ужъ и не думала я давать расчесывать косы,
Радости нѣтъ—золотой тѣло одеждой покрыть.
Какъ виноградньмъ копьемъ Двурогаго тронута бога,
Я и туда, и сюда въ дикомъ безумьи мечусь.
Если-жъ сойдутся порой Филакійскія жены и скажутъ:
„Что-жъ, Лаодамія, въ свой царскій одѣнься нарядъ!“—
Нѣтъ, не женѣ щеголять въ окрашенномъ пурпуромъ платьѣ,
Мужа покуда томитъ подъ Иліономъ война.
Мнѣ-ль заплетать волоса, а шлемомъ онъ голову давитъ?
Въ новыхъ одеждахъ ходить, мужу въ тяжелой бронѣ?
Сколько могу, нищетой твоимъ подражать я невзгодамъ
Буду, и годы войны въ горькой тоскѣ проведу.
О ненавистный Парисъ, роднѣ-же на горе красавецъ,
Столько-жъ безсильный будь врагъ, сколько коварный былъ гость.

Лучше-бы ты красоту похулилъ Тэнарской хозяйки,
Или твоя красота ей не пришлась по душѣ.
Ты-жъ, за бѣглянку—жену такъ много трудовъ предпріявшій,
Сколькимъ на слезы пошелъ мстителемъ ты, Менелай!
Боги, молю васъ, отъ насъ отстраните знаменье злое,—
Пусть воротившійся мужъ жертвуетъ Зевсу доспѣхъ.
Но трепещу, чуть придутъ на память зловѣщія войны;
Катятся слезы, что снѣгъ, тающій въ жаркихъ лучахъ.
Иліонъ, Тенедосъ, Симоисъ, и Ксанѳосъ, и Ида, —
Право-же звукомъ однимъ эти страшны имена!
Ахъ, не посмѣлъ-бы украсть, когда бы не чувствовалъ силы,
У Менелая Парисъ: вѣдалъ онъ силы свои.
Такъ и пришелъ, говорятъ, красуяся золотомъ пышнымъ,
И принося на себѣ много Фригійскихъ богатствъ,
Съ войскомъ и съ флотомъ, съ какимъ жестокія войны ведутся;
Царства немалая часть шла за Парисомъ во слѣдъ.
Этимъ-то, знать, и плѣнилъ тебя онъ, сестра съ близнецами,
Ледина дочь; и для насъ это-же гибельный знакъ.
Гектора, чуждаго мнѣ, боюся; Парисъ-же хвалился,
Что кровавой рукой Гекторъ въ сраженье ведетъ.
Гектора, кто-бъ онъ ни былъ, берегись, коль тебѣ дорога я,
Въ памяти сердца на вѣкъ Гектора имя замѣть.
Но, избѣгая его, бѣжать и другихъ не смущайся,
Думай, что въ войскѣ Троянъ тысячи Гекторовъ есть,
И всегда говори, едва приготовишься къ бою:
„Такъ Лаодамія мнѣ жизнь наказала беречь“.
Если Троѣ судьба упасть отъ Аргосскаго войска,
Пусть и падетъ, только ты тѣло отъ ранъ сохрани.
73 Пусть Менелай на враговъ стремится и бьется отважно:
76 Изъ середины враговъ долженъ онъ вырвать жену.

Дѣло не въ этомъ твое, ты только для жизни сражайся,
Чтобъ воротиться потомъ къ милой на нѣжную грудь.
Вы, Дарданиды, его изъ столькихъ враговъ пощадите,
Чтобъ у него изъ груди кровь не струилась моя.
Развѣ пристойно ему со сталью сбѣгаться нагою
И на враждебныхъ бойцовъ буйную грудь устремлять?
Много онъ можетъ сильнѣй, повѣрьте, любить, чѣмъ сражаться.
Войны, достаньтесь другимъ! Протезилай мой, люби!
Я, признаюсь, отозвать хотѣла, и сердце просилось,
Но онѣмѣли уста въ страхѣ предъ знаменьемъ злымъ:
Только хотѣлъ ты изъ вратъ отцовскихъ выступить къ Троѣ,
Вдругъ и споткнулась нога,—горестный знакъ,—о порогъ.
Это примѣтила я и съ тайнымъ промолвила стономъ:
„Будь возвращенія въ томъ знаменье мужу, молю!“
Это припомню тебѣ, чтобъ ты на войнѣ поберегся,—
Милый, по вѣтру развѣй весь мой мучительный страхъ.
Также не знаю, кого неправедный рокъ назначаетъ,
Кто по Троянской землѣ первый изъ Грековъ пройдетъ.
О, несчастная та, кто первая мужа оплачетъ!
Боги, не дайте ему въ битвѣ стремительнымъ быть!
Слушай, изъ тысячи пусть корабль твой тысячнымъ будетъ
И позади остальныхъ слабую пѣнитъ волну.
Также напомню и то: послѣдній спускайся на сушу,—
То не отцовской земли берегъ, чтобъ очень спѣшить.
Вотъ возвращаясь, корабль гони парусами и греблей,
И на родномъ берегу скорой ногою вставай!
Скроется-ль радостный Фебъ, высоко-ль встаетъ надъ землею,
Ты мнѣ при свѣтѣ печаль, ты моя дума въ ночи;

Ночью сильнѣй однако, чѣмъ днемъ: ночь дѣвамъ отрадна,
Если на милой рукѣ шея покоится ихъ.
Тутъ на ложѣ пустомъ ищу я лживыхъ видѣній,—
Истинной нѣтъ у меня, ложная радость мила.
Но почему предо мной такъ блѣденъ проходитъ твой образъ,
И почему на твоихъ жалобы слышу устахъ?
Мигомъ мой сонъ отлетитъ, съ молитвой спѣшу къ изваяньямъ,
Нѣтъ алтаря, чтобъ съ него жертвенный дымъ не вставалъ;
Жгу ѳиміамъ, и слезами кроплю, и свѣтитъ подъ ними,—
Такъ обагренный виномъ пламень взвивается вверхъ.
Скоро-ли свижусь съ тобой и жадной рукой обнимая,
Я ослабѣю сама отъ своего торжества?
Скоро-ль, на ложѣ одномъ спокойно со мной сочетавшись,
Славные подвиги ты прошлой припомнишь войны?
И повѣствуя про нихъ, хоть слушать отрадно мнѣ будетъ,
Много лобзаній срывать станешь и много давать.
Сладко на нихъ и неразъ замедлятся бѣглыя рѣчи,
Но торопливѣй вослѣдъ нѣжной цезурѣ разсказъ.
Только-же вспомнится вновь и Троя, и вѣтры, и море,
Ужасъ опять побѣдитъ грозный отраду надеждъ.
Сердце и тѣмъ смущено, что вѣтры препятствуютъ флоту
Выйти, но вы по волнамъ бурнымъ хотите летѣть.
Кто-жъ и родимой земли достигнетъ по чуждому вѣтру?
Вы-же отъ родины вдаль мчитесь по грознымъ волнамъ!
Къ милому городу самъ Нептунъ не даетъ вамъ дороги.
Что-же стремитесь? Вернись каждый въ жилище свое!

Что-же стремитесь, куда? Враждебныхъ послушайте вѣтровъ:
Это не случай пустой, это запретъ божества.
Кромѣ развратницы злой, чего вы добьетесь войною?
О, поверните назадъ, если не поздно, ладьи!
Что-жъ я? Назадъ-ли зову? О нѣтъ, будь безсиленъ, призывъ мой!
Вѣтеръ попутный, повѣй имъ на спокойную гладь!
Доля завидная женъ Троянскихъ: тѣ сами увидятъ
Скорбную гибель своихъ, и недалеко ихъ врагъ.
Тамъ новобрачной рука покроетъ могучему мужу
Голову шлемомъ и дастъ варварскій въ руки доспѣхъ;
Дастъ доспѣхъ и, давая доспѣхъ, прильнетъ съ поцѣлуемъ,
И отрадна равно будетъ услуга двоимъ;
Мужа проводитъ потомъ, накажетъ скорѣй воротиться,
Скажетъ вдогонку: „доспѣхъ Зевсу назадъ принеси!“
Тотъ-же, съ собой унося совѣты недавніе милой,
Будетъ оглядчивъ въ бою, будетъ про домъ вспоминать.
Сниметъ за битвой она-жъ и щитъ, и шишакъ ему сниметъ,
И утомленный боецъ къ нѣжной приляжетъ груди.
Мы-же—въ невѣдѣньи мы; насъ трепетъ признать заставляетъ
Все, что случиться могло-бъ, уже случившимся впрямь.
Но пока на войнѣ въ иномъ ты сражаешься мірѣ,
Воскъ предо мною черты воспроизводитъ твои.
Къ этому съ ласками я, къ нему съ назначенной мужу
Рѣчью бросаюсь, его въ жаркихъ объятьяхъ держу.
Вѣрь мнѣ, не только глядѣть на этотъ возможно мнѣ образъ:
Слово лишь воску придай,—Протезилай предъ тобой.
Имъ я любуюсь; его обнимаю вмѣсто супруга,
Жалобно съ нимъ говорю, точно-бъ отвѣтить онъ могъ.

О, возвращеньемъ и тѣломъ твоимъ, моими богами,
И сочетающимъ насъ факеломъ брачной любви,
О, заклинаю и той, которою мнѣ бы сѣдою
Видѣть, которую ты въ домъ-бы принесъ, головой,—
Спутницей я-бы пошла за тобою, куда ты ни кликнешь,
Если—боюсь я, боюсь!—если въ живыхъ ты еще.
Малымъ въ послѣднихъ строкахъ совѣтомъ закончу посланье:
Побереги ты меня, побереги ты себя!

XIV.

Гипермнестра.

Шлетъ Гипермнестра письмо изъ столькихъ единому братьевъ,—
Прочіе пали толпой по преступленію женъ.
Въ домѣ сижу взаперти, тяжелой окована цѣпью,
И наказанью тому нѣжное сердце виной.
Въ томъ, что не смѣла рука пронзить твое горло желѣзомъ,
Я виновата, хвалой было-бъ къ убійству дерзнуть.
Лучше-жъ виновною быть, чѣмъ этимъ отцу полюбиться;
Каяться-ль, если рука не погружалася въ кровь?
Жги насъ, родитель, огнемъ, котораго мы не сквернили,
Факелы въ очи кидай, нашъ озарявшіе бракъ,
Или мечомъ обезглавь, не въ пору намъ отданнымъ въ руки,
Чтобы жену погубилъ мужемъ избѣгнутый рокъ,—
Но не добиться тебѣ, чтобъ наши уста, умирая,
„Каюсь“ промолвили. Нѣтъ! Чистому каяться въ чемъ?

Кайся въ злодѣйствѣ, Данай, и сестры жестокія, кайтесь,—
Этотъ пристоенъ конецъ всѣмъ нечестивымъ дѣламъ.
Ужасъ припомнить душѣ ту ночь, оскверненную кровью,
И возбраняетъ рукѣ трепетъ внезапный начать.
Эта-ль, мечталъ ты, рука исполнитъ убійство супруга.
О пролитой и не мной крови робѣю писать.
Все-жъ попытаюся я. Чуть сумерки обняли землю,
Доля послѣдняя дня, первая ночи была,
Вводятъ сестеръ—Инахидъ подъ славную кровлю Пелазга,
Вооруженныхъ къ себѣ свекоръ невѣстокъ ведетъ.
Всюду сіяютъ кругомъ *обвитыя златомъ* лампады,
На оскорбленный алтарь ладонъ безбожный кладутъ.
Кличетъ толпа: „Гименъ, Гименей!"—но бѣжитъ отъ призывовъ,
И Громовержца сестра городъ оставила свой.
Вотъ, ослабѣвъ отъ вина, подъ звучные спутниковъ клики,
Свѣжихъ вѣнками цвѣтовъ влажныя кудри покрывъ,
Весело къ спальнямъ своимъ,—и къ спальнямъ, и къ гробу несутся
И на постели падутъ тяжко—къ могильному сну.
Отяжелѣвъ отъ вина и пищи и сна, возлежали,
И беззаботно царилъ въ Аргосѣ тихій покой;—
Мнѣ-же казалось, — кругомъ умирающихъ слышатся стоны...
Стоны и слышала я, часъ роковой наступилъ.
Кровь отливаетъ, и жаръ и тѣло, и мысль оставляетъ,
Похолодѣвъ, на своемъ ложѣ я новомъ лежу.
Также, какъ легкій зефиръ колосья тонкіе зыблетъ,
Также, какъ вихрь ледяной тополя кудри крутитъ,
Также и болѣе я дрожала. Ты спалъ безмятежно:

Сокъ усыпительный былъ въ поданномъ мною винѣ.
Ужасъ развѣяло мой отца приказаніе злого;
Я подымаюсь, беру мечъ задрожавшей рукой.
Лгать я не стану тебѣ: три раза я мечъ подымала,
Трижды, неловко поднявъ мечъ, упадала рука.
Къ горлу приблизила я,—дозволь откровенно признаться,—
Къ горлу приблизила я острую сталь къ твоему.
Только и страхъ, и любовь мѣшали жестокому дѣлу,
И трепетала рука чистая казнь совершить.
Пурпуръ одеждъ растерзавъ своихъ, растерзавши и косы,
Такъ я промолвила тутъ шопотомъ легкимъ къ себѣ:
„О Гипермнестра, жестокъ отецъ твой! родителя волю
Выполни! Братьямъ вослѣдъ пусть погибаетъ и онъ.
Женщина, дѣвушка я, природой мягка и годами,
Къ слабымъ рукамъ не присталъ этотъ жестокій снарядъ.
Ну-же, покуда лежитъ, послѣдуй рѣшительнымъ сестрамъ,
Ужъ, вѣроятно, у всѣхъ мертвыми пали мужья.
Если могла-бы рука вотъ эта свершить убіенье,
Кровью своей госпожи побагровѣла-бъ она.
Казни достойны-ль они, хоть дядинымъ царствомъ владѣли,
Царствомъ, которое дать надо-же чуждымъ зятьямъ?
Даже пускай и стоятъ того; но мы въ чемъ виновны,
И за какую вину чистой мнѣ быть не даютъ?
Что мнѣ въ желѣзѣ твоемъ? Что дѣвушкѣ въ бранныхъ доспѣхахъ?
Къ этимъ рукамъ пристаетъ болѣе прялка да шерсть“.
Такъ-то я плакалась тамъ, и слезы лились за рѣчами,
И изъ очей у меня пали на тѣло твое.

Ты-жъ объятій искалъ и, сонныя двигая руки,
Чуть не поранилъ себѣ пальцевъ объ острую сталь.
Я ужъ боялась отца и рабовъ отцовскихъ, и свѣта,
И сновидѣнья твои рѣчь разгоняла моя:
„Встань-пробудися, Белидъ, изъ стольких оставшійся братьевъ!
Не поторопишься—ночь вѣчною станетъ тебѣ“.
Въ ужасѣ ты поднялся; убѣгаетъ сонная слабость.
Въ робкой дѣвичьей рукѣ видишь безжалостный мечъ.
Спрашивать сталъ ты, а я: „Бѣги, пока ночь позволяетъ.
Пользуйся мглою ночной! Въ бѣгство!—а я остаюсь“.
Утро настало,—Данай зятьевъ, отъ убійства погибшихъ,
Пересчиталъ; одного тамъ не хватало тебя.
Гнѣвный отъ этой одной утраты въ родственной смерти,
Горько жалѣлъ онъ, что кровь мало еще пролилась.
Насъ увлекаютъ отъ ногъ отцовскихъ и, за косы взявши,—
Вотъ и награда моей нѣжности,—прямо въ тюрьму.
Знать, пребываетъ съ тѣхъ поръ Юнонина злоба, съ которыхъ
Стала коровой жена, стала богиней потомъ.
Иль недостаточна казнь: замычала нѣжная дѣва,
И красотою былой бога безсильна прельстить.
Новая телка стоитъ у берега влаги родимой
И въ отцовскихъ волнахъ видитъ рога не свои;
Плакать пытались уста,—одно вырывалось мычанье.
Страшенъ и обликъ ей свой, страшенъ и голоса звукъ.
Бѣдная, что внѣ себя дивишься ты собственной тѣни?
Полно на тѣлѣ иномъ новыя ноги считать!
Ты, красота, и сестру пугавшая вышняго бога,
Вѣтками голодъ больной, дерномъ спѣшишь утолить;
Пьешь изъ потока, глядишь на свою въ изумленьи наружность,

Отъ ополчившихъ тебя жъ раны боишься роговъ.
Ты, столь недавно еще и Зевса достойная дѣва
Свѣтлымъ богатствомъ, падешь голая къ голой землѣ.
И по морямъ, по странамъ, у рѣкъ блуждаешь родимыхъ;
Море и рѣки даютъ, страны дорогу тебѣ.
Но для чего же бѣжать, по долгимъ затонамъ блуждая?
Ужъ не спастися, Іо, отъ своего-же лица!
Что-жъ, Инахида, спѣшить? Сама и бѣжишь ты, и гонишь,
Ты себѣ спутнику вождь, ты-жъ и сопутникъ вождю.
Нилъ, рукавами семью вливаясь въ открытое море,
Обликъ коровы лишь онъ сниметъ съ безумной съ тебя.
Что говорить о быломъ, которое древность сѣдая
Передаетъ? И моимъ плакать досталось годамъ.
Войны родитель ведетъ и дядя. Изъ царства, изъ дома
Насъ изгоняютъ. На край міра изгнанницамъ путь.
Тотъ, безпощадный, одинъ и трономъ, и царствомъ владѣетъ;
Съ нищимъ мы всѣ старикомъ нищею бродимъ толпой.
Братьевъ изъ цѣлой толпы ничтожная часть остается,
И по убитымъ равна, и по убійцамъ тоска.
Сколько братьевъ моихъ, и сестеръ погибнуло столько-жъ;
Грустныя слезы мои обѣ примите толпы!
Живъ ты, за это меня хранятъ для мучительной казни;
Что-же преступникъ узритъ, если винятъ за добро,
И, лишь сотая часть недавно въ толпѣ однокровной,
Бѣдная, встрѣчу я смерть, съ братомъ единымъ въ живыхъ?
Если-жъ хранишь ты, Линкей, о нѣжной сестрѣ попеченье,
И по достоинству ты цѣнишь услуги мои,

Иль помоги, иль смерти предай, отжившее жъ тѣло
Хоть потаенно покрой сверху гробницей святой,
Кости мои схорони, въ слезахъ омытыя вѣрныхъ,
И на гробницѣ моей краткую надпись оставь:
„Здѣсь Гипермнестра лежитъ: любви недостойная плата!
Брата отъ казни спасла, казнь потерпѣла сама“.
Больше хотѣлось писать; но пала подъ тягостью цѣпи
Наша рука, и прогналъ силы послѣднія страхъ.

XV

Парисъ.

Это тебѣ Пріамидъ я шлю, Ледея, „спасенье“,
Мнѣ-жъ отъ одной лишь тебя можетъ достаться оно.
Высказать, иль ненужны знакомому чувству признанья,
И сильнѣй, чѣмъ хочу, наша замѣтна любовь?
Лучше-бъ таилась она, покуда время настанетъ,
Не приносящее вразъ и наслажденье, и страхъ.
Но не умѣю таить; и кто потаиться сумѣетъ,
Ежели блескомъ своимъ самъ выдается огонь?
Если жъ однако ты ждешь, чтобъ слову я предалъ мученья:
Таю—и вотъ моего сердца извѣтная рѣчь.
Сжалься надъ слабымъ, молю, и далѣе взоромъ суровымъ
Ты не читай, но твоей взоромъ достойнымъ красы.
Сладостно сердцу и то, что принято наше посланье;
Въ сердцѣ надежда, что такъ могутъ принять и меня.
Пусть же не тщетно тебя обрекла, присудила Парису,
Матерь Амура, меня въ этотъ склонившая путь.

Ибо по волѣ боговъ,—итакъ не грѣши-же въ незнаньи,—
Здѣсь я присталъ; мнѣ въ дѣлахъ сильный предстателемъ богъ.
Правда, великой прошу, но также и должной награды:
Знай, Киѳерея въ мою спальню сулила тебя.
Ей предводимый, съ бреговъ Сигейскихъ по дальнему морю
Трудный я путь совершилъ на Ферeклійской ладьѣ;
Легкое вѣянье та-жъ послала и вѣтеръ попутный:
Въ морѣ безспорна у ней, въ морѣ родившейся, власть.
О, постоянствуй и, пылъ питая и моря, и сердца,
И вожделѣнья мои въ гавань свою донеси!
Пламя съ собой принесли, не здѣсь снискали мы пламя,
Долгой дороги моей было причиной оно-жъ.
Вовсе не буря гнала насъ злая, не промахъ въ дорогѣ,
Прямо къ Тэнарской странѣ флотъ свой направилъ Парисъ.
И не подумай, что глубь взрѣзалъ я несущимъ товары
Судномъ: богатства мои вышніе боги хранятъ.
Также не зрителемъ я являюся въ Грайскіе грады,
Много роскошнѣе есть въ царствѣ моемъ города.
Нѣтъ, за тобой, моему обреченной ложу Венерой,
И ужъ алкая давно, раньше знакомства съ тобой.
Ранѣе сердцемъ твои узрѣлъ я, не взорами очи,
Вѣстницей первой молва стала твоей красоты.
Только, повѣришь-ли намъ?—Предъ истиной слава блѣднѣетъ,
Слишкомъ скупою была къ этой молва красотѣ.
Болѣе здѣсь нахожу, чѣмъ сколько молва посулила,
Предъ красотою твоей слава безсильна твоя.
Видно, недаромъ пылалъ Тезей всевѣдущій страстью,
И показалася ты славной добычей бойцу,
Въ часъ, какъ, по нравамъ роднымъ, нагая въ маститой палестрѣ

Тѣшилась боемъ жена межъ обнаженныхъ мужей.
Слава, о хищникъ, тебѣ; но диво, что вновь возвращаешь!
Столь дорогую сильнѣй надо-бъ добычу держать.
Ранѣе эту ссѣкутъ съ кровавой голову шеи,
Чѣмъ изъ свѣтлицы моей, дивная, вырвутъ тебя.
Наши-ли руки во вѣкъ тебя-бъ отпустить пожелали,
Я-ли-бъ живой отпустилъ милую съ нѣжной груди?
Если-жъ отдать суждено, то прежде-бы что-нибудь взялъ я,
Чтобъ не безплодна совсѣмъ наша Венера была:
Или-бы дѣвство свое отдала ты, иль то, что возможно
Было-бъ похитить мужамъ, дѣвство твое сохранивъ.
Только довѣрься! Каковъ Парисъ постоянствомъ, узнаешь,
Въ пламени только костра пламя погаснетъ въ груди.
И величайшимъ тебя предпочелъ я царствамъ, какія
Намъ посулила давно Зевса сестра и жена;
Только-бы шею твою обнять мнѣ своими руками,—
Доблестью я пренебрегъ, даромъ Паллады святымъ.
Каяться-ль стану, скажу-ль, что былъ безразсуденъ мой выборъ?
Крѣпко при мнѣньи быломъ мысль остается моя.
Только надеждѣ не дай моей оказаться напрасной,
Смилуйся, столькихъ тревогъ страстныхъ достойная впрямь!
Или безродный ищу съ тобой, благородною, брака?
Вѣрь, не позорно моей станешь, Елена, женой.
Зевса съ Плеядою ты, дознавшися, въ племени нашемъ
Встрѣтишь, когда предавать предковъ молчанью иныхъ.
Азіи скипетръ отецъ, изъ всѣхъ благодатнѣйшій берегъ,
На неоглядную даль чуть обнимаетъ рукой.
Тамъ города безъ числа и кровли увидишь златыя,

Храмы тамъ, скажешь сама, стоятъ небесныхъ боговъ.
Тамъ Иліонъ обозришь и, башенъ высокихъ въ оплотѣ,
Стѣны, подъ пѣнье твоей лиры возникшія, Фебъ.
Что говорить о толпахъ тебѣ многолюдныхъ народовъ?
Чуть населенье свое сноситъ родная страна.
Кучей сбѣгутся густой на встрѣчу троянскія жены,
И фригіянокъ младыхъ наши дворы не вмѣстятъ.
О, воскликнешь неразъ: „какъ наша ничтожна Ахайя“!
Точно въ жилищѣ любомъ цѣлаго города блескъ.
Но непристойно и мнѣ кичиться надъ вашею Спартой:
Сердцу безцѣнна земля, коею ты рождена!
Но бережлива она,—ты жъ роскоши божьей достойна,
И не подходятъ мѣста эти къ такой красотѣ.
Эту-бъ красу окружить богатствомъ и роскошью пышной,
Ей подобала-бы, ей новыхъ уборовъ краса.
Вотъ предъ тобою нарядъ мужчины изъ нашего рода,—
Что же, ты мыслишь, каковъ женщинъ Дарданскихъ уборъ?
Будь милосердною лишь! И полно фригійцемъ—супругомъ
Пренебрегать, о жена изъ Терапнейскихъ полей!
Фригіи жителемъ былъ и намъ однокровнымъ, который
Нынѣ богамъ на пирахъ нектаръ мѣшаетъ съ водой.
Фригіи житель и мужъ Авроры; и все-жъ похищаетъ
Крайній вершащая путь ночи богиня того.
Фригіи житель Анхизъ, съ кѣмъ матери рѣзвыхъ Амуровъ
Сладостно ложе дѣлить тамъ, на Идейскихъ холмахъ.
И Менелай-ли, когда сравнить и лицомъ, и годами,
Передъ судомъ предъ твоимъ юность мою побѣдитъ?
Въ свекры тебѣ не дадимъ, повѣрь, отклонившаго ясный

Свѣточъ, кто робкихъ коней страхомъ погналъ отъ стола;
И не Пріаму отецъ обрызганный кровію тестя
Или нарекшій своей воды Миртои виной;
И въ Стигійской волнѣ хватаетъ не прадѣдъ Парисовъ
Яблокъ, и въ самой водѣ капли не можетъ достать.
Впрочемъ и что до того, коль ихъ ты досталась потомку,
Если Юпитеръ въ семьѣ этой неволею тесть?
О злодѣянье, и тотъ недостойный цѣлыя ночи
Держитъ тебя и въ твоихъ чудныхъ объятьяхъ лежитъ.
Мнѣ же предстанешь едва когда ужъ—за самымъ обѣдомъ,
Да и при этомъ душѣ сколько страданій и мукъ.
Нашимъ достаньтесь врагамъ такія застольныя муки,
Какъ я почасту терплю, сидя за кубкомъ вина!
Жалко, что гость я царю, когда предъ моими глазами
Этотъ простакъ обовьетъ руки вкругъ шеи твоей.
Зависть терзаетъ меня, да что и разсказывать это!—
Какъ подъ накинутымъ имъ тѣло ты грѣешь плащемъ.
Если-жъ лобзанья при мнѣ другъ другу вы нѣжно дарили,
Чашу схвачу со стола, чашей закрою глаза.
Долу склоняю свой взоръ, чуть только тѣснѣе прижмется,
И на уста не идетъ въ мукѣ напрасной кусокъ.
То застенаю неразъ; и видѣлъ тебя я, шалунья,
Какъ при стенаньи моемъ не воздержала ты смѣхъ.
Часто пытаюсь виномъ залить свое пламя, но ярче
Встанетъ, и было вино пламенемъ въ пламени мнѣ.
Чтобы не видѣть ужъ васъ, закинувши голову лягу,
Но безпрерывно мои взоры влечешь за собой.
Что-же мнѣ дѣлать, отвѣть! Мучительно видѣть мнѣ это,
Но тяжелѣе стократъ взоровъ твоихъ не видать.

Сколько лишь силы найду, таить я пытаюсь безумство,
Но выдается легко, какъ ни скрываешься, страсть.
И безъ признаній моихъ ты чувствуешь раны Париса,—
Только одной-бы тебѣ были извѣстны онѣ!
Ахъ, какъ часто, сквозь слезъ набѣгающихъ, взоръ отклонялъ я,
Чтобъ о причинѣ моихъ слезъ не выпытывалъ мужъ.
Ахъ, какъ часто любовь чужую повѣдывалъ, выпивъ,
Каждое слово къ тебѣ, только къ тебѣ относя,
И признанье свое подъ измышленнымъ именемъ дѣлалъ,—
Я, коль не вѣдаешь, тѣмъ вправду любовникомъ былъ.
Мало того, чтобъ смѣлѣй пускаться въ признанія страсти,
Я опьяненья неразъ маску при васъ надѣвалъ.
Помню я, груди твои въ широкой открылись туникѣ
И наготой моему взору сверкнули намигъ,
Груди бѣлѣй молока и чистыхъ снѣговъ, и свѣтлѣе,
Чѣмъ обнимавшій твою мать лучезарнѣйшій богъ.
Весь обомлѣлъ я тогда и,—чашу какъ разъ подымалъ я,—
Ручка витая скользитъ разомъ изъ пальцевъ моихъ.
Если дочкѣ даришь поцѣлуи, я тотчасъ съ восторгомъ
У Герміоны спѣшу съ нѣжныхъ ихъ губокъ сорвать.
То, раскидавшись, я пѣлъ старинныя страсти преданья,
То непримѣтнымъ кивкомъ тайные знаки давалъ.
Къ первымъ изъ спутницъ твоихъ, къ Клименѣ и къ Эѳрѣ, недавно
Я обратиться посмѣлъ съ ласкою льстивыхъ рѣчей.
Обѣ однако-жъ одно сказали: „боимся, боимся!“
И въ серединѣ молитвъ робкихъ бѣжали отъ насъ.
Сдѣлали-бъ боги тебя великихъ ристаній наградой,
Чтобъ побѣдитель возвелъ къ ложу тебя своему;
Какъ Схенейду пріялъ Гиппоменъ наградою бѣга,

Какъ и Фригійцу на грудь Гипподамія легла,
Какъ могучій Алкидъ рога поломалъ Ахелою,
Страстно къ объятьямъ твоимъ, о Деянира, стремясь.
Вотъ подъ условьемъ такимъ и наша-бы страсть посмѣлѣла,
Нашимъ-бы подвигамъ ты пылъ и отвагу дала.
Нынѣ-жъ осталось одно, красавица,—съ робкою мольбою,
Если дозволишь, твои ноги Парису обнять.
О, красота ты и честь близнецамъ великая братьямъ,
И, не роди тебя богъ, брака достойная съ нимъ,
Или къ Сигейскимъ брегамъ съ тобою вернуся супругой,
Или въ Тэнарской землѣ лягу, изгнанникъ, во гробъ.
Вѣрь, у меня не слегка порѣзана сверху стрѣлою
Грудь, глубоко до костей рана доходитъ моя.
И, вспоминаю, что быть убитымъ мнѣ божьей стрѣлою,
Правду святую давно мнѣ предсказала сестра.
Полно-жъ тебѣ презирать, красавица, страсть роковую,
Полно,—и боги къ мольбамъ будутъ усерднѣй твоимъ.
Много приходитъ на мысль; но, лично чтобъ намъ объясниться,
Ночью безмолвной прими гостя на ложе свое.
Или же брачную ты оскорбить стыдишься Венеру
И осквернить чистоту ложа законнаго правъ?
О, простодушная ты, о глупая, чуть не сказалъ я,
Развѣ съ такой красотой можно невинною быть?
Иль красоту измѣнить, иль сердца должна ты суровость,
Вѣчно великій идетъ споръ красоты съ чистотой.
Милы Юпитеру тѣ и милы Венерѣ проступки,
Не черезъ нихъ-ли тебѣ сталъ и Юпитеръ отцомъ?
Да и едва-ли, когда есть въ сѣмени нрава зачатки,
Леды съ Юпитеромъ дочь можетъ невинною быть.
Впрочемъ, невинной и будь, но въ Трою со мной удалившись.
Пусть лишь одинъ остаюсь я преступленьемъ твоимъ.

Нынѣ тотъ грѣхъ совершимъ, который исправится бракомъ,
Если не тщетный дала матерь Венера обѣтъ.
Но вѣдь не тоже-ль и мужъ велитъ намъ, не словомъ, такъ дѣломъ,
Онъ отъѣзжаетъ, любви гостя не хочетъ мѣшать.
Времени царь не имѣлъ, чтобъ Критское царство увидѣть,
Раньше удобнѣй! О вотъ дивный по хитрости мужъ!
Онъ, уходя, говорилъ: „Еще поручить остается,
Чтобъ объ Идейскомъ за насъ гостѣ заботилась ты“.
Ты порученье, клянусь, забыла отбывшаго мужа,
Нѣтъ и малѣйшей въ тебѣ думы о гостѣ твоемъ.
Или, ты думаешь, онъ, человѣкъ безъ сердца, Елена,
Въ силахъ достойно сознать этой дары красоты?
Нѣтъ, и не вѣдаетъ онъ; и, еслибъ великимъ считалъ онъ
Счастье свое, такъ его-бъ ввѣрить чужому не смѣлъ.
Если-жъ ни голосъ тебя, ни пылъ мой увлечь не умѣетъ,
То снисхожденье его насъ заставляетъ сойтись:
Или мы будемъ глупцы, его самого превосходнѣй,
Если надежное столь время безплодно пройдетъ.
Вводитъ любовника онъ едва не своими руками,
Пользуйся-жъ ты простотой и порученьемъ его.
Въ долгія ночи одна лежишь на пустой ты постели,
Также лежу одинокъ я на постели пустой.
Общія радости насъ пускай сочетаютъ обоихъ;
Полдня блистательнѣй намъ станетъ желанная ночь.
Тутъ я тебѣ поклянусь какими угодно богами,
Брака священный союзъ клятвой тебѣ закрѣплю.
Тутъ я, коль только моей нелживо души упованье,
Смѣло добьюся, чтобъ ты въ царство мое прибыла.
Если-же стыдно, чтобъ вслѣдъ за мной не считали бѣжавшей,

Самъ преступленья того буду виновникомъ я.
Слѣдую братьевъ твоихъ дѣянью, дѣянью Эгида,—
И къ убѣжденью примѣръ ближе не можетъ и быть.
Тѣ двоихъ Левкиппидъ, Тезей-же тебя похищаетъ,
Пусть же четвертымъ меня станутъ примѣромъ считать.
Флотъ Троянскій со мной, людьми и снарядомъ богатый,
Легкій готовятъ ужъ путь вѣтеръ ему и весло.
Ты царицей пойдешь великой по градамъ Дарданскимъ,
И за богиню тебя новую встрѣтитъ народъ;
Гдѣ лишь направишь стопы, огни корицей запахнутъ,
И по кровавой землѣ мертвыя жертвы падутъ.
Встрѣтятъ дарами отецъ и братья и съ матерью сестры,
Всѣ Иліонки почтятъ, цѣлая Троя тебя.
Ахъ, и малую часть грядущаго чуть открываю.
Больше получишь, чѣмъ здѣсь наше посланье сулитъ.
И не страшися, что вслѣдъ за нами жестокія войны
Вспыхнутъ, что Греція вся силы свои соберетъ.
Скольких похитили женъ,—кого-жъ добывали войною?
Вѣрь мнѣ, пустые одни страхи волнуютъ тебя.
Такъ Аквилонъ повелѣлъ, и взяли Ориѳію дѣву,—
Что-же? Не тронутъ войной берегъ Бистоніи былъ.
Въ новой ладьѣ Фазійку Язонъ увезъ Пагазейскій,
Колховъ рука не вредитъ и Ѳессалійской землѣ.
Такъ похититель и твой, Тезей, Миноиду похитилъ,
Но не сзываетъ Миносъ Критянъ къ войнѣ никакой.
Знать, опасенье всегда сильнѣе опасности самой;
Любо бояться подчасъ,—но ужъ позорно дрожать.
Если желаешь, представь, что грозно война разгорится,—
Силы вѣдь есть и во мнѣ, стрѣлы разятъ и мои.
И Азіатская рать не менѣе родины вашей,
Столько бойцовъ у нея, столько и бранныхъ коней.
И не сильнѣе въ груди Менелая Атрида отвага,
Чѣмъ у Париса, въ бою я-ли ему уступлю?
Отрокъ едва, воротилъ я скотъ уведенный, побивши

Вороговъ, и потому имя свое получилъ;
Отрокъ едва, молодежь въ бою побѣдилъ разнородномъ,
Иліонея средь нихъ и Деифоба сразивъ.
И не подумай, что я въ бою рукопашномъ лишь страшенъ:
Прямо въ желанную цѣль наша вонзится стрѣла.
Эти-ли мужу придашь дѣянія юности ранней,
Иль ополчишь ты его славнымъ искусствомъ моимъ?
Если-жъ и всѣмъ одѣлишь, не дашь ему Гектора въ братья,
Онъ-же въ сраженьяхъ одинъ равенъ бойцамъ безъ числа.
Силы не знаешь моей, моимъ обманулась ты видомъ,
Гдѣ тебѣ вѣдать, съ какимъ ты обручишься борцомъ.
Знай-же, совсѣмъ за тебя войны не поднимутъ тревожной,
Или-жъ уступитъ мечамъ нашимъ Дорійская рать.
Я-ль недостойнымъ сочту поднять за такую супругу
Мечъ свой? Великая насъ двинетъ награда на бой!
Ты же, когда за тебя вселенная вся въ состязанье
Вступитъ, навѣки предашь имя потомству свое.
Только надѣйся смѣлѣй и, выйдя отсюда съ богами,
Съ полною вѣрою жди всѣхъ обреченныхъ даровъ.

XVI.

Елена.

Нынѣ, когда мнѣ глаза твое оскорбило посланье,
Не отвѣчать ничего я за тщеславье сочла.
Ты-ли дерзаешь, пришлецъ, оскверняя святыню пріюта,
Вѣрность законной жены на искушенье склонять?

Видно тебя для того проплывшаго бурное море
Берегъ Тэнарскій пріялъ въ мирную пристань свою,
И хоть изъ чуждаго ты и дальняго племени прибылъ,
Не заградилъ предъ тобой царскій дворецъ нашъ дверей,
Чтобы услугѣ такой наградою стала обида?
Кѣмъ-же вступалъ ты тогда, гостемъ иль ворогомъ къ намъ?
О, безъ сомнѣнья, при всей справедливости жалобы нашей,
Грубой ее назоветъ, глупою твой приговоръ.
Пусть и глупая я, но только стыда не забуду,
Только бы жизни моей дни протекли безъ пятна.
Если не сумраченъ взоръ у насъ и лицо не надменно,
Если сижу не кичась, строгихъ не хмуря бровей,
Слава однако свѣтла; досель безъ вины прожила я,
И любовника нѣтъ, кто похвалился-бы мной.
Тѣмъ удивленье сильнѣй, откуда такая надежда,
И почему на мое ложе разсчитывалъ ты.
Иль оттого, что герой Нептуновъ нанесъ намъ насилье,
Разъ увлеченную—вновь мыслилъ увлечь ты легко?
Я бы виновна была, когда-бы меня обольстили,
Но въ похищеньи одно было моимъ—не желать.
И преступленьемъ плода желаннаго онъ не добился,
Только смущенье и страхъ я потерпѣла тогда.
Развѣ лобзанья два-три сорвалъ онъ борьбой воспаленный,
Большаго-жъ онъ ничего не получилъ отъ меня.
Ты-же, въ безстыдствѣ своемъ, на томъ помириться не хочешь;
Боги благіе! ничѣмъ не былъ съ тобою онъ схожъ.
Чистой меня воротилъ, и скромность вину умалила,
И очевидно въ своемъ каялся юноша злѣ.
Каялся онъ для того-ль, чтобъ слѣдомъ Парисъ появился,

Чтобъ оставалось всегда имя мое на устахъ?
Но не сержусь я, и кто на страстнаго гнѣваться станетъ?
Лишь непритворна бъ была жаркая эта любовь!
Да, сомнѣваюсь и въ томъ. Не то, что довѣрія въ сердцѣ
Нѣтъ, и невѣдома мнѣ близко своя красота;
Но вѣдь довѣрчивость намъ, извѣстно, погибельна женамъ;
Въ вашихъ признаньяхъ всегда чести и вѣрности нѣтъ.
Правда, другія грѣшатъ, и въ рѣдкость стыдливыя жены,
Но почему-жъ моему имени въ рѣдкость не быть?
Мать-же если моя тебѣ показалась достойной,
Чтобы примѣромъ такимъ вмигъ убѣдить и меня,
То въ проступкѣ ея, обманутой образомъ ложнымъ,
Только ошибка. Перомъ скрылся любовникъ отъ глазъ.
Я же, когда согрѣшу, я вѣдаю все; никакого
Нѣтъ заблужденья, чтобъ грѣхъ низкой вины затѣнить.
Пала со славою мать и грѣхъ искупила виновнымъ;
Что жъ за Юпитеръ моей счастіемъ станетъ вины?
Родомъ и предками ты и царскою славой кичишься.
Но благородствомъ своимъ славны довольно и мы.
Пусть умолчу я про то, что прадѣдомъ свекру Юпитеръ,
Пусть Тиндарея и всю Пелопса славу забыть,—
Мнѣ Юпитеръ отецъ отъ обманутой лебедемъ Леды,
Лживую птицу тепло съ вѣрой пріявшей на грудь.
Громко теперь разглашай начала Фригійскаго рода,
Или Пріама отца съ Лаомедонтомъ своимъ.
Да и не вѣрится имъ... Но тотъ, кто великою славой
Пятый въ семействѣ твоемъ, первый тотъ въ родѣ за мной.
И хоть и вѣрю твоей могучей надъ царствомъ державѣ,
Но не слабѣйшими я здѣшнія царства почту.
Если богатствами вы сильнѣе и множествомъ войска,
То несомнѣнно за то въ варварской росъ ты странѣ.

Столько великихъ даровъ твое обѣщаетъ посланье,
Что и самихъ-бы богинь ими ты могъ соблазнить.
Только, когда захочу границы стыда преступить я,
Лучшей причиной ты самъ будешь безумной вины.
Или на вѣкъ сохраню свою незапятнанной славу,
Или скорѣй за тобой, не за дарами пойду.
Нѣтъ къ нимъ презрѣнья во мнѣ, но сердцу желаннѣй подарки,
Коимъ дарящій ихъ самъ столько цѣны придаетъ.
Слаще, что любишь меня, что столькихъ тревогъ я причиной,
Что черезъ столько морей къ намъ ты надежду донесъ.
Также и то, что теперь, негодный, ты за обѣдомъ,
Дѣлаешь, хоть и стремлюсь скрыться, замѣтила я:
То поглядишь на меня очами безумными, дерзкій,
И настоятельность ихъ чуть переноситъ мой взоръ,
То вздохнешь тяжело, а то ближайшій къ намъ кубокъ
Схватишь, и съ той стороны выпьешь, гдѣ выпила я.
Сколько я видѣла разъ: ты тайные знаки рукою,
Или рѣчистой почти бровью ко мнѣ подавалъ;
Часто пугалася я, чтобъ мужъ не замѣтилъ тѣхъ знаковъ,
Отъ неприкрытыхъ ничѣмъ вся раскраснѣюсь кивковъ.
Часто, понизивъ едва, а то не понизивши голосъ,
„Экій безстыдный!“ скажу, и не лгала я, Парисъ.
А въ кругу на столѣ прочла я подъ именемъ нашимъ
По разведеннымъ виномъ буквамъ и слово: „люблю“.
Я не хотѣла тому повѣрить, хоть глазъ не ошибся...
Ахъ, научилась и я нынче подобнымъ рѣчамъ!
Нѣжностямъ этимъ, когда-бъ я только грѣшить захотѣла,
Я-бъ уступила; онѣ взяли-бы сердце въ полонъ.
И красота у тебя, сознаюся, рѣдкая; можетъ
Дѣва любая желать въ эти объятья упасть.

Лучше-жъ другая пускай безгрѣшно счастливицей станетъ,
Чѣмъ предъ любовью чужой наша стыдливость падетъ.
Въ этомъ примѣрѣ сознай, что есть и красавцамъ предѣлы,
Что отъ желанной любви доблестно мысль удержать.
Юношей сколько—тебѣ желаннаго страстно желали,
Чуткихъ душой! одному-ль очи достались тебѣ?
Видишь не болѣе ты, но только смѣлѣе дерзаешь,
Вовсе не страсти въ тебѣ больше, но меньше стыда.
Лучше-бъ гораздо тогда на лодкѣ присталъ ты крылатой,
Какъ еще тысячи къ намъ свататься шли жениховъ,—
Если-бъ тогда ты предсталъ, изъ тысячи былъ-бы ты первымъ,
И извиненье суду далъ-бы и мужъ моему.
Но приходишь къ чужимъ и къ забраннымъ радостямъ поздно;
Медлило сердце твое, милой другой завладѣлъ.
Правда, хотѣла-бъ я быть твоею троянской супругой,
Но Менелаю жена вольною волею я.
Полно-жъ, молю, волновать признаньями слабое сердце;
Той, кого, сказывалъ ты, столько ты любишь, не мучь.
Дай обреченное намъ судьбою сберечь назначенье
И не срывай со стыдомъ нашей трофей чистоты.
Но Венера дала обѣщанье, и въ долахъ высокой
Иды три въ наготѣ стали богини на судъ;
Царствомъ дарила одна, другая военною славой,
Третья сказала: „женой дамъ Тиндариду тебѣ“.
Вѣрить я смѣю едва, что боги небесное тѣло,
Боги свою красоту предали смертнымъ на судъ.
Пусть и случилось все то, но вымыселъ лживый иное,
Будто въ награду за судъ вышними я названа.
И не настолько во мнѣ кичливости тѣломъ, чтобъ вѣрить,

Будто богиня меня лучшимъ почла изъ даровъ.
Будетъ моей красотѣ во взорахъ людскихъ одобренья.
Эта Венеры хвала—слишкомъ завидная честь.
Впрочемъ зачѣмъ отрицать? Похваламъ я радуюсь этимъ,
Какъ отвергать на словахъ сердцу желанную вѣсть!
И не сердись, что тебѣ такъ мало рѣшаюсь я вѣрить:
Къ этимъ великимъ дѣламъ медленно вѣра растетъ.
Первой отрадою мнѣ, что я полюбилась Венерѣ;
Дальше, что высшимъ почелъ ты воздаяньемъ меня,
И ни Паллады въ тотъ мигъ, ни свѣтлую славу Юноны
Не захотѣлъ предпочесть славѣ моей красоты.
Я, видно, доблесть твоя, твое благородное царство!
Я-бы желѣзной была, чувствамъ не рада такимъ.
И не желѣзная я, повѣрь, но любить отбиваюсь
Мужа, которому врядъ сдѣлаться можно моимъ.
Что-же зыбучій песокъ кривымъ распахивать плугомъ,
И за надеждой бѣжать, коей и мѣсто не въ прокъ.
Въ тайной неопытна я любви, ни одною уловкой,
Боги свидѣтели мнѣ!—вѣрный не высмѣянъ мужъ.
Нынѣ-же, рѣчи свои ввѣряя безмолвному свитку,
Новую службу велю нашимъ посланьямъ служить.
Счастливы, въ комъ уже есть привычка! А я по незнанью
Подозрѣваю, что путь труденъ и тяжекъ къ грѣху.
Въ тягость и самый намъ страхъ; ужъ нынѣ смущаюсь, и мнится,
Точно на наше лицо всѣ устремились глаза.
Мнится нелживое мнѣ: ужъ слышны въ народѣ шептанья,
Кое-какія слова Эѳра доноситъ ко мнѣ.
Ахъ, таися, Парисъ, когда отступить не желаешь,
И для чего отступать? Можешь таиться легко.
Тѣшься, но тайну храни; побольше, но все не безмѣрно
Воли досталося намъ, что Менелая здѣсь нѣтъ.
И далеко супругъ отъѣхалъ гонимый нуждою,

И въ неожиданный путь важное дѣло вело.
Или почудилось мнѣ? но, ѣхать-ли, онъ сомнѣвался,
Я-же: „Возможно скорѣй къ намъ возвращайся назадъ“.
Радуясь добрымъ словамъ, цѣлуя меня, повторялъ онъ:
„Домъ и имѣнье и гость будутъ заботой твоей“.
Чуть удержала я смѣхъ; покуда со смѣхомъ боролась,
Только однимъ и могла я отвѣчать: „хорошо“.
Правда, на Критъ распустилъ онъ парусъ при вѣтрѣ попутномъ,
Только не все почитай слишкомъ дозволеннымъ ты.
Пусть и въ отсутствіи мужъ—онъ даже въ отсутствіи зорокъ;
Ты не слыхалъ, каковы долгія руки царей?
Въ тягость и слава женѣ: вѣдь чѣмъ постояннѣе ваши
Насъ восхваляютъ уста, тѣмъ онъ законнѣй дрожитъ.
Слава отрадна сейчасъ, но та-же и пагубна слава;
Выгоднѣй было-бъ стократъ съ громкой разстаться молвой.
И не дивись, что съ тобой, отъѣхавъ, меня покидаетъ,—
Нравамъ и жизни моей цѣлой довѣрился онъ;
Если дрожитъ красоты, то вѣритъ онъ жизни,—и разомъ
Честность безпечнымъ творитъ, робкимъ творитъ красота.
Ты наставляешь, чтобъ дни, подаренные намъ, не пропали,
Чтобы полезною намъ мужа была простота.
Ахъ, и хочу, и боюсь. Доселѣ рѣшительной воли
Нѣтъ у меня, и душа въ шаткомъ сомнѣньи дрожитъ.
Знаю, далеко супругъ, и ты безъ жены почиваешь,
Я восхищаюсь твоей, ты-же моей красотой,
И продолжительна ночь, и вотъ ужъ *сходимся въ словѣ*,
И на несчастье мое, льстивъ ты, и въ домѣ одномъ.
И погибнуть, когда не все на вину подзываетъ,
Только не знаю какой страхъ замедляетъ меня.
Тщетно меня убѣждать, всего ты достигнешь насильемъ,

Силою глупость мою скоро-бъ ты могъ побороть.
И потерпѣвшимъ самимъ полезна порою обида,—
Вѣришь-ли, рада-бъ была я принужденною быть.
Только, покуда слаба любовь, ужъ лучше бороться:
Капли воды пролитой легкій погасятъ огонь.
И ненадежна любовь въ пришельцахъ, и бродитъ какъ сами;
Лишь понадѣйся, что нѣтъ чувства сильнѣй, улетитъ.
И Гипсипила тому примѣръ, и Миносова дѣва:
У недозволенныхъ ложъ обѣ осмѣяны зло.
Также любимую ты, невѣрный, многіе годы,
Какъ говорили, Парисъ, бросилъ Энону свою.
Не отрицаешь и самъ, и все распросить о Парисѣ,
Если не вѣдаешь ты, мы постарались давно.
Да и захочешь, къ тому-жъ—въ любви постояннымъ остаться,
Все ты не сможешь: раскрытъ парусъ Фригійцами твой.
Съ нами пока говоришь, готовяся къ ночи желанной,
Къ родинѣ кажущій путь вѣтеръ задуетъ тебѣ.
Полныя новыхъ утѣхъ на самой покинешь срединѣ
Радости, вѣтеръ чрезъ мигъ нашу развѣетъ любовь.
Или съ тобою бѣжать и, славный Пергамъ обозрѣвши,
Лаомедонту и мнѣ сильному правнукой стать?
Но не могу презирать летучей молвы оглашенья,
Дабы вселенную всю нашъ переполнилъ позоръ.
Что-же Спарта про насъ и цѣлая скажетъ Ахайя,
Прочія что племена, съ Троею вмѣстѣ твоей?
Какъ Пріамъ обо мнѣ помыслитъ, супруга Пріама,
Братьевъ Париса толпа и Дарданійскихъ матронъ?
Да и самъ ты едва-ль на мою понадѣешься вѣрность,
Собственный станетъ примѣръ вѣчно тебя угнетать.
Кто-бы ни прибылъ потомъ пришлецъ въ Иліонскую пристань,
Всякъ опасеній тебѣ станетъ предлогомъ, Парисъ.

И въ раздраженьи не разъ и самъ мнѣ „развратница“ скажешь,
Точно забудешь, что есть въ нашей винѣ и твоя.
Будешь грѣха моего и карою вразъ, и виною.
Раньше пускай у меня очи засыплетъ земля!
Намъ Иліонскихъ богатствъ и пышныхъ нарядовъ восторги,
И посуленныхъ даровъ много обильнѣе намъ.
Въ пурпуръ, знать, облекутъ меня и въ ткань дорогую,
И драгоцѣнно-тяжелъ будетъ уборъ золотой.
Сжалься надъ слабой душой! Дары твои столько не стоятъ.
Диво, но что-то меня держитъ въ родимой землѣ.
Кто въ оскорбленіи намъ поможетъ на брегѣ Фригійскомъ?
Братьевъ откуда найду, помощь родителя я?
Всѣ обѣщанья давалъ Язонъ коварный Медеѣ,
Но отъ Эзоновыхъ вратъ все-же прогнали ее.
Нѣтъ Эета отца, къ кому воротиться презрѣнной,
Матери Идіи нѣтъ и Халкіопы сестры.
Правда, того не боюсь; но развѣ боялась Медея?
Часто надеждѣ своя-жъ станетъ обманомъ мечта.
Развѣ не всѣмъ кораблямъ, которые нынѣ бросаетъ
Въ морѣ открытомъ, была въ пристани влага тиха?
Страшенъ и факелъ душѣ, который рождала кровавый
Передъ родами твоя мать, какъ почудилось ей;
И предвѣщаній боюсь пророковъ, которые, слышно,
Молвили, будто спалитъ Трою Пелазговъ огонь.
Пусть благосклонна къ тебѣ Киѳерея, пріявши побѣду,
И по суду твоему двойственный славный трофей;
Но боюся другихъ,—коль только ты вправду хвалился,
Тѣхъ, проигравшихъ вдвоемъ дѣло предъ смертнымъ судомъ.
Знаю, что вспыхнетъ война, когда за тобою поѣду,
И побредетъ чрезъ мечи бѣдная наша любовь.

Или съ Кентаврами въ бой жестокій заставила выйти
Атракіянка родныхъ Гипподамія мужей,
А Менелай, ты мечталъ, помедлитъ въ праведномъ гнѣвѣ,
И мои близнецы—братья, и дѣдъ Тиндарей?
Пусть и тщеславишься ты и громкія славишь побѣды,
Не отвѣчаетъ рѣчамъ этимъ наружность твоя.
Вижу, приличнѣй любви, чѣмъ битвѣ Парисово тѣло.
Войны оставь храбрецамъ, самъ же любозникомъ будь!
Гектора славишь,—ему-жъ вели за Париса сражаться.
Стоитъ иная война вѣчныхъ усилій твоихъ.
Ими, когда-бъ я была умнѣй и хоть мало смѣлѣе,
Я-бъ насладилась; изъ дѣвъ всякая умная то-жъ!
Или, стыдъ отложивъ, быть можетъ, и я наслажуся
И, побѣжденная, все—руки и сердце предамъ.
Просишь, чтобъ тайно о томъ съ тобой мы условились лично.
Вѣдаю, хочешь чего, что ты бесѣдой зовешь.
Но непомѣрно спѣшишь, и жатва твоя не доспѣла,
И промедленье само въ пользу желаньямъ твоимъ.
Полно-жъ! И тайной мечтѣ сообщница, эта бумага
Отъ утомленья въ перстахъ долгій кончаетъ свой трудъ.
Прочее мы чрезъ подругъ доскажемъ Климену и Эѳру,
Вѣрныхъ сопутницъ моихъ, вѣрныхъ совѣтницъ моихъ.

XVII.

Леандръ.

Шлетъ Абидосецъ поклонъ, который снести-бы хотѣлось,
Если-бъ опала волна, Сестская дѣва, къ тебѣ.
Если къ намъ боги добры и къ нашей любви благосклонны,

То съ неохотой въ очахъ это посланье прочтешь.
Но не добры: для чего мои замедляютъ желанья
И по знакомой волнѣ не позволяютъ летѣть?
Видишь сама: небеса чернѣе смолы, и бушуютъ
Воды подъ вѣтромъ, едва полымъ доступны ладьямъ.
Только единый смѣльчакъ, тотъ самый, который вручаетъ
Наше посланье тебѣ, держитъ изъ пристани путь.
Самъ я стремился за нимъ, но только, когда разрѣшалъ онъ
Цѣпь у кормы, на виду весь предстоялъ Абидосъ.
Я, какъ дотолѣ, сейчасъ не могъ отъ родителей скрыться,
Та, что желаемъ таить, не потаилась-бы страсть.
Я повторялъ при письмѣ: „ступайте, счастливыя строки!
Вотъ простираетъ она руку прекрасную къ вамъ.
И, быть можетъ, прильнувъ, коснутся васъ милыя губки,
Зубъ бѣлоснѣжный пока будетъ печатку срывать“.
Шепотомъ эти слова себѣ я промолвилъ тихонько,
Прочее все говоритъ съ этой бумагой рука.
Лучше-бъ желалъ я, чтобъ та, чѣмъ только писать, поплыла-бы
И по привольнымъ волнамъ бережно насъ понесла.
Правда, пригоднѣй она запѣнивать тихое море,
Но и пригодна служить вѣстницей страсти моей.
Ночь ужъ седьмая пошла,—и года мнѣ долѣе время,—
Какъ разъяренной волной бурное море кипитъ.
Если видѣлъ я сонъ, смягчающій сердце во всѣ тѣ
Ночи, пусть долго еще моря безумствуетъ гнѣвъ!
Сидя на голой скалѣ, взираю на берегъ твой грустно,
И куда не могу тѣломъ, хоть мыслью несусь.
Даже свѣтильникъ, вдали на вышкѣ мерцающій башни,
То-ли примѣтитъ, а то думаетъ видѣть мой взоръ.
Трижды одежды свои слагалъ я на берегъ песчаный,
Трижды пытался нагой тягостный путь совершить,
Но предпріятьямъ младымъ мѣшало тревожное море,

И затопляло пловцу бурною влагой уста.
Ты-же, изъ лютыхъ вѣтровъ изъ всѣхъ необузданный самый,
Полно со мной заводить съ явною цѣлью борьбу!
Знаешь-ли, ты надо мной, Борей, не надъ моремъ яришься.
Что-бы ты сдѣлалъ, когда-бъ страсти не вѣдалъ и самъ?
Такъ, хоть и холоденъ ты, а все-же, злодѣй, отречешься-ль,
Что когда-то пылалъ страстнымъ къ Актейкѣ огнемъ?
Если-бъ восторги сорвать летѣвшему кто-либо заперъ
Доступъ въ воздушный эѳиръ, какъ-бы помучился ты!
Сжалься, молю, и слабѣе волнуй ты воздухъ зыбучій,—
Да не велитъ Гиппотадъ злого тебѣ ничего!
Тщетно прошу, на моленья мои лишь глухо бормочетъ
И потрясаемыхъ водъ вовсе не хочетъ сдержать.
О, подари мнѣ теперь, Дедалъ, отважныя крылья,
Хоть и по близости здѣсь берегъ Икара лежитъ!
Будь что ни будетъ, стерплю, лишь только бы въ воздухъ вздыматься
Тѣлу, которое въ глубь водъ осѣдало неразъ.
Тою порою, пока и вѣтеръ, и море враждебны,
Первое время любви я вспоминаю душой.
Ночь наступала тогда, — и вспомнить о томъ наслажденье,—
Какъ изъ отцовскихъ дверей страстный я въ путь поспѣшалъ.
Медлить не сталъ я,—заразъ съ одеждой сложивъ опасенье,
Гибкія руки бросалъ въ море прозрачное я.
Трепетнымъ свѣтомъ луна едва на дорогу свѣтила,
Точно заботливый мой спутникъ на трудномъ пути.
Къ ней поднимая глаза: „Помилуй, богиня",—сказалъ я,—
Чистая, ты вспомяни Латмоса камни душой.

Ендиміонъ не велитъ тебѣ оставаться суровой.
Взоры, молю, преклони къ тайной Леандра любви!
Смертнаго жаждала ты, богиня, съ небесъ опускаясь,—
Истину молвить не грѣхъ. Я за богиней гонюсь.
Пусть умолчу я про нравъ, достойный небеснаго сердца,—
Только богинямъ судьба столько даритъ красоты.
Ближе ея не найти къ красѣ и твоей, и Венеры;
Если не вѣришь словамъ нашимъ, сама погляди!
Также, какъ свѣтишься ты въ лучахъ серебристая чистыхъ,
И передъ пыломъ твоимъ блѣдны созвѣздія всѣ,
Такъ и она красотой другихъ превосходитъ красавицъ.
Коль сомнѣваешься, слѣпъ, Цинтія, взоръ у тебя".
Эти промолвивъ слова иль точно подобныя этимъ,
Я въ уступающихъ мнѣ ночью стремился волнахъ.
Тихо лучилась волна луны отражаемой ликомъ,
И молчаливая ночь блескомъ сіяла дневнымъ.
И ни звука кругомъ, ни шороха слухъ не разслышалъ,
Только журчанье воды, тѣломъ разбитой живымъ.
Лишь альціоны однѣ, любимаго помня Цеикса,
Что-то печальное мнѣ нѣжно, казалось, поютъ.
Вотъ ужъ съ усталыми я у плечъ обоихъ руками
Съ силою на высоту вдругъ возношуся волны,
И разглядѣвъ вдалекѣ свѣтильникъ: „мой это,—воскликнулъ,—
Свѣточъ, на тѣхъ берегахъ мой дожидается свѣтъ".
И къ утомленнымъ рукамъ вернулись нежданныя силы,
И показалася мнѣ мягче, чѣмъ раньше, волна.
Холода дабы не могъ я чувствовать въ безднѣ студеной,
Пламенемъ страстную грудь мнѣ согрѣваетъ любовь.
Чѣмъ я скорѣй подхожу, и ближе становится берегъ,
Чѣмъ остается проплыть меньше, тѣмъ радостнѣй путь.
А когда разглядѣть меня уже можешь, отваги
Видомъ своимъ придаешь и подкрѣпляешь меня.

Тутъ уже плаваньемъ я стараюсь понравиться милой
И на глазахъ у тебя взмахами волны дѣлю.
Силою нянька тебя не пускаетъ къ морю спуститься,—
Это я самъ разглядѣлъ, ты не сказалась про то,—
И не добилася все-жъ, хотя задержать и старалась,
Чтобы подъ первой волной ты не смочила ноги.
Встрѣченъ объятіемъ я, въ счастливыхъ сливаюсь лобзаньяхъ.
Боги благіе! для нихъ стоило море проплыть...
Плащъ съ своего ты плеча снимая, меня покрываешь,
И осушаешь волну смоченныхъ моремъ волосъ.
Ночь остальное, да мы, да башня сообщница знаетъ
И показующій путь мнѣ черезъ воды маякъ.
О, не скорѣе сочтешь той ночи желанной восторги,
Чѣмъ Геллеспонтовыхъ водъ травы морскія сочтешь.
Чѣмъ короче намъ срокъ давался для тайныхъ свиданій,
Тѣмъ мы пеклися сильнѣй, чтобъ не безплодно протекъ.
Вотъ ужъ Тиѳона жена сбиралася тѣни ночныя
Гнать и, предтеча Зари, въ небѣ возсталъ Люциферъ;
Съ быстрою страстію мы срываемъ безъ счета лобзанья
И сожалѣемъ, что такъ кратки ночные часы.
Долго промедливши такъ,—по горькому няньки совѣту
Башню покинувъ, спѣшу на берегъ я ледяной.
Плача, расходимся мы: я въ дѣвичье море пускаюсь,
Все озираясь, пока можно, на радость мою.
Вѣришь-ли правдѣ моей: сюда прибывая, пловецъ я,
А возвращаюсь точь въ точь жертва крушенья назадъ.
И повѣрь и тому,—къ тебѣ такъ удобна дорога,
А возвращаясь назадъ, тяжко—медлителенъ токъ.
И безъ отрады вернусь домой,—кто могъ-бы повѣрить?
И безъ отрады живу въ городѣ нынѣ родномъ.
Ахъ, для чего, сочетавъ сердца, насъ волной разлучаютъ,
Сердце едино, земля-жъ все не одна для двоихъ?

Въ Сестѣ-бы жить мнѣ твоемъ, иль въ нашемъ тебѣ Абидосѣ,
Городъ мнѣ твой по душѣ, нашъ по душѣ-же тебѣ.
И для чего я томлюсь, лишь только томится и море?
Боги, въ причинѣ-ль пустой—въ вѣтрѣ помѣха моя?
Скоро про нашу любовь узнаютъ кривые дельфины,
И неизвѣстнымъ себя рыбамъ считать не могу.
Ужъ до конца пройдена стезя знакомаго моря,
Точно вотъ также, какъ путь сотней прибитый колесъ.
Плакался ранѣе я, что это одна мнѣ дорога,
Нынѣ тоскую, что вихрь даже и той не даетъ.
Грозной громадою волнъ Аѳамантово море сѣдѣетъ,
Чуть безопасенъ стоитъ въ гавани самой челнокъ.
Вѣрно, впервые, когда по дѣвѣ затопленной море
Имя пріяло свое, было такимъ-же оно.
Геллы довольно концомъ твоя обезславлена мѣстность,
И чтобъ меня пощадить, имя ты носишь грѣха!
Фриксу завидую я, кого сквозь печальныя воды
Въ золотѣ пышномъ руна здравымъ овца донесла.
Мнѣ-же не надо послугъ, не надо ни стада, ни судна,
Лишь-бы позволили сѣчь тѣломъ морскую волну.
Что мнѣ въ искусствахъ иныхъ, лишь плавать была-бы возможность;
Самъ корабельная снасть, кормчій я самъ и гребецъ.
Не за Геликой мой путь и Тиру знакомою Арктосъ;
Нѣтъ, на созвѣздья толпы наша не смотритъ любовь.
Пусть Андромеду другой и славную смотритъ Корону
И Паррасійской звѣзды свѣточъ у полюса льдовъ.
То, что любили Персей и съ Либеромъ вышній Юпитеръ,
Знаменьемъ я не хочу въ трудной дорогѣ считать.
Есть иная звѣзда, гораздо надежнѣе этихъ,
Ей предводима, во мракъ наша не канетъ любовь.
Къ ней обращая свой взоръ, до Колховъ, до крайняго Понта,

И по дорогѣ сосны я Ѳессалійской пройду;
Въ плаваньи-бъ я побѣдилъ молодого тогда Палемона,
И превращеннаго вмигъ въ бога волшебной травой.
Руки неразъ у меня отъ взмаховъ замрутъ непрестанныхъ
И черезъ силу скользятъ въ неизмѣримыхъ волнахъ.
Только-же стоитъ сказать: „за трудъ дорогою наградой
Скоро вамъ, скоро воздамъ—милую шею обнять“,—
Мигомъ окрѣпнутъ онѣ и къ чудной наградѣ стремятся,
Какъ изъ Элидскихъ оградъ быстро пустившійся конь.
Значитъ, я самъ берегу палящее сердце мнѣ пламя
И за тобою, небесъ дѣва достойная, мчусь.
Такъ, ты достойна небесъ, но дольше земною останься,
Или-жъ и мнѣ покажи путь до всевышнихъ боговъ.
Здѣсь ты, но бѣдный никакъ къ тебѣ не достигнетъ влюбленный;
Съ горькою думой моей море волнуется вразъ.
Что-же мнѣ пользы, что насъ не ширь разлучаетъ морская?
Развѣ не меньше помѣхъ въ узкомъ проливѣ для насъ?
Право, готовъ я желать, чтобъ всей раздѣленный вселенной,
Съ милой моей потерялъ я и надежды вдали.
Чѣмъ-же ты ближе ко мнѣ, тѣмъ ближнее тягостнѣй пламя,
Только не вѣчно успѣхъ, вѣчно надежда со мной.
Милой едва не рукой,—въ такомъ мы сосѣдствѣ,—касаюсь,
Часто-жъ едва не до слезъ это волнуетъ меня.
Это все то, что желать поймать убѣгающихъ яблокъ,
Иль ускользающій токъ жадно губами ловить.
Видно, тебя никогда, коль море не хочетъ, не видѣть,
Видно, счастливымъ ужъ быть мнѣ въ непогоду нельзя!
И когда ничего сильнѣе нѣтъ вѣтра и моря,
Въ вѣтрѣ и въ морѣ моимъ всѣмъ быть надеждамъ навѣкъ?
Лѣто однако пока. А что, какъ взволнуетъ Плеяда
Море, Медвѣдицы стражъ иль Амальтеи коза?

Или не вѣдаю я, насколько я дерзокъ, иль въ море
Даже тогда повлечетъ неосторожная страсть.
И не подумай, что мнѣ сулитъ невозможное—время:
Вѣрныхъ обѣтовъ залогъ скоро представлю тебѣ.
Нѣсколько только ночей еще поволнуются воды,
И по враждебнымъ волнамъ я попытаюсь проплыть.
Или достанется мнѣ счастливая здравому дерзость,
Или погибель концомъ будетъ тревожной любви.
Лишь объ одномъ помолюсь, чтобъ выброшенъ на берегъ былъ я,
Чтобъ сокрушенному быть въ гавани тѣлу твоей.
Знаю, поплачешь, почтишь мое объятіемъ тѣло,
„Я причиной его гибели,—молвишь,—была“.
Или-жъ испугана ты глубоко пророчествомъ нашимъ,
И ненавистно письмо въ этихъ строкахъ для тебя?
Плакаться полно, молчу. Но пусть и море забудетъ
Гнѣвъ свой, съ моею мольбой соедини ты свою.
Только-бъ недолгаго мнѣ затишья, пока проплыву я;
Только достигну твоей пристани, буря крѣпчай!
Тамъ удобная есть для нашего судна стоянка,
И ни въ единой водѣ лучше ладьѣ не стоять!
Тамъ запирай ты меня, Борей, гдѣ любо помедлить,
Тамъ я лѣнивымъ пловцомъ, тамъ осторожнымъ очнусь,
Тамъ ужъ упрековъ отъ насъ глухая волна не услышитъ,
И не заплачу, что путь труденъ сквозь воды пловцу.
Тамъ удержите меня, и вѣтры, и нѣжныя руки;
Двѣ причины, меня долго замедлите тамъ!
Лишь непогода велитъ, я веслами сдѣлаю руки,
Только всегда на виду свѣтъ сохраняй маяка.
Тою порой за меня письмо проночуетъ съ тобою,
Вслѣдъ за которымъ стремлюсь сколько возможно спѣшить.

XVIII.

Геро.

Этотъ поклонъ, на словахъ который, Леандръ, посылаешь,
Чтобъ и на дѣлѣ могла я получить, приходи!
Дологъ каждый намъ срокъ, которымъ замедлена радость;
Сжалься надъ слабой душой, я съ нетерпѣньемъ люблю.
Равнымъ пылаемъ огнемъ, но силой съ тобой неравна я:
Видно, гораздо сильнѣй твердаго мужа душа.
Какъ и тѣло, у дѣвъ изнѣженныхъ сердце безсильно;
Вся я разслабну, прибавь малаго времени срокъ.
То охотою вы, то сельской веселой работой
Въ разнообразныхъ трудахъ долгій проводите срокъ.
Или васъ форумъ займетъ, иль жертвы маститой палестрѣ,
Или-жъ уздой жеребцамъ рѣзвымъ сгибаете бѣгъ;
Тутъ пернатыхъ силкомъ, тамъ тащите рыбу удою,
И размываетъ вино поздніе ночи часы.
Я-жъ далека отъ того, и, если-бъ слабѣе пылала,
Все не осталося мнѣ кромѣ любви ничего.
То, что осталось, творю. Тебя-же, единая радость,
Больше, чѣмъ сколько могу выразить словомъ, люблю.
Или съ милою я шепчуся нянькой о другѣ,
Диву даваясь, съ чего твой замедляется путь;
Или на море гляжу, томимое бѣшенымъ вѣтромъ
И порицаю въ словахъ воды почти что твоихъ;
Или-жъ, отпустятъ чуть-чуть жестокости тяжкія волны,
Плачусь, что можетъ Леандръ, но не желаетъ прибыть,
И средь жалобъ бѣгутъ изъ взоровъ тоскующихъ слезы;
Ветхой наперсницы ихъ слабая сушитъ рука.
И не разъ на брегахъ твои я слѣды наблюдаю,
Точно песокъ сохранитъ каждый отмѣченный шагъ.
Чтобы спросить о тебѣ и писать, дознаюсь я, который
Отъ Абидоса доплылъ или плыветъ въ Абидосъ.

Что пересказывать, какъ твои я цѣлую одежды,
Кои слагаешь, спѣша переплывать Геллеспонтъ?
Только жъ погаснетъ заря, и ночи часъ дружелюбный,
День отогнавъ, вознесетъ ясныя звѣзды свои,
Тотчасъ встаетъ высоко на кровлѣ недремлющій свѣточъ,
Свѣточъ, примѣта и знакъ другу въ знакомомъ пути.
И крученую нить выводя на прялкѣ кружащей,
Женскимъ искусствомъ спѣшимъ медленный срокъ скоротать.
Что говорю той порой въ часы столь долгіе, спросишь?
Только Леандра въ моихъ имя безсмѣнно устахъ.
„Милый сейчасъ изъ дому пошелъ, какъ думаешь, няня?
Или родные не спятъ, и опасается онъ?
Вотъ ужъ одежду теперь съ плечей онъ, вѣрно, слагаетъ,
Вотъ умащаетъ его члены Паллады елей“...
Точно киваетъ она : не то, что свиданье заботитъ,
Нѣтъ, подползая, трясетъ старую голову сонъ.
Только мгновенье прошло:—„ужъ вѣрно плыветъ онъ“, промолвлю:
„И, разбивая волну, гибкія руки блестятъ“.
Только немного пройду я нитки, къ станку прикоснувшись,—
Можетъ, ужъ ты посреди моря стремишься, спрошу.
То озираемъ мы даль, то молимся голосомъ робкимъ,
Легкій чтобъ путь ниспослалъ вѣтеръ попутный тебѣ.
А невѣрный нашъ слухъ всѣ звуки ловитъ, мы каждый
Шорохъ готовы принять за приближенье твое.
Такъ половина пройдетъ большая обманутой ночи,
И незамѣтно смежитъ слабые взоры дрема.
Хоть и неволей, а все со мной почиваешь, обманщикъ,
Все ты приходишь, хоть самъ и не желаешь придти.
То мнѣ приснится, вотъ—вотъ ужъ ты плывёшь передъ нами,
То вдругъ мокрой рукой плечи мои обовьешь;
То, какъ всегда, я даю покровы на влажные члены,
То, прижимаясь къ тебѣ, грудью согрѣю я грудь;

Да и мало-ль про что языкъ безмолвствуетъ скромный,
Что наслажденье творить, а пересказывать стыдъ.
Ахъ, кратковременны вы и лживы у бѣдной, восторги;
Вмѣстѣ съ видѣніемъ сна ты исчезаешь изъ глазъ.
Такъ сойдемся-жъ съ тобой, влюбленные страстные, крѣпче,
Вы не останьтесь чужды, радости, правдѣ живой!
Вотъ ужъ которую ночь зачѣмъ я одна холодѣю?
Робкій пловецъ, отчего долго тебя не видать?
Море, то правда твоя, пловцу переплыть невозможно,
Только вчерашнюю ночь вѣтеръ слабѣе дышалъ.
Что пропустилъ ты ее? Къ чему небывалые страхи?
Столько удобный зачѣмъ путь безполезно пропалъ?
Пусть и не вдолгѣ проплыть такая же будетъ возможность,
Эта милѣе стократъ, ибо скорѣе она.
Но измѣняется вмигъ весь видъ воздымаемой бездны,
Въ меньшее время неразъ, если спѣшить, доплывешь.
Здѣсь-же захваченный, ты не будешь ужъ плакаться больше,
Въ нѣжныхъ объятьяхъ моихъ буря тебѣ не страшна.
Тутъ беззаботно ужъ я услышу шумящіе вѣтры,
И не взмолюсь, для чего нѣтъ на водахъ тишины.
Что-же случилось теперь, съ чего ты пугливѣе къ морю
И презираемыхъ водъ раньше боишься сейчасъ?
Помню, ты насъ достигалъ, когда и сурово, и грозно
Море не меньше, а то чуть лишь поменьше неслось;
Я-же кричала тебѣ: „Отважнымъ останься настолько,
Чтобы не плакаться мнѣ, бѣдной, за храбрость твою.
Эта-жъ откуда боязнь, куда отлетѣла отвага?
Гдѣ ты, великій пловецъ, столь презиравшій волну?
Впрочемъ будь лучше такимъ, чѣмъ раньше какимъ представлялся,
И по спокойнымъ водамъ путь безопасный пройди.
Только останься, какъ встарь, и только люби насъ, какъ пишешь,
Только-бы страстный огонь пепломъ холоднымъ не сталъ.

Я не столько вѣтровъ боюсь, замедляющихъ счастье,
Лишь бы, какъ вѣтеръ, твоя не забродила любовь,
Лишь-бы меня не забылъ, расчетъ не превысилъ-бы страсти,
Не показалась-бы я слабой наградой за трудъ.
А порою страшусь, чтобъ родина насъ не сгубила,—
Вдругъ Абидосцу найдутъ въ бракѣ неровней Геро.
Все однако могу снести терпѣливо, когда-бы
Мнѣ не познать, что нейдешь, новой любовью прельстясь,
Что вкругъ шеи твоей чужія руки ложатся,
И другая любовь—нашей конецъ и предѣлъ.
Боги! скорѣй умереть, чѣмъ этой сразишь насъ виною,
Пусть преступленью тому наша предшествуетъ смерть.
Не потому, что даешь мнѣ признаки будущей скорби,
Я говорю, не молвой новой встревожена я;
Но всего я боюсь. И кто-же безпеченъ влюбленный?
И опасаться сильнѣй намъ отдаленье велитъ.
Счастіе наше, когда позволитъ присутствіе друга
Правыя вѣдать вины, ложныхъ дрожать не даетъ.
Столько-жъ отъ ложныхъ обидъ волненья, какъ въ явныхъ обмана;
И равносильно язвятъ два заблужденія грудь.
О, когда-же придешь! Иль только родитель и вѣтеръ,
Но не жена, не жена дома держала тебя!
Если-жъ услышу про то, умру я, повѣрь, отъ печали,
Такъ и грѣши, коль моей смерти желаешь, Леандръ.
Но не станешь грѣшить; оставьте, напрасные страхи!
Вижу, дорогѣ твоей завистъ препятствуетъ бурь.
Боги, какая волна гремитъ на горе о берегъ,
Какъ, одѣваясь во тьму тучи, скрывается день!
Или то горькая мать выходитъ Геллы на берегъ
И окропляетъ росой плача погибшую дочь;
Или-же море, по ней ненавистное имя пріявши,
Мачехи чувствуетъ гнѣвъ, ставшей богиней морской?

Не благосклонна сейчасъ та мѣстность къ дѣвушкамъ нѣжнымъ,
Гелла погибнула здѣсь, здѣсь погибаю и я.
Только припомни, Нептунъ, страстей твоихъ жаркое пламя,
Ты никакую любовь вѣтромъ не долженъ стѣснять,
Коль съ Амимоной Тиро, великая славной красою,—
Не пустыя однѣ сказки грѣха твоего,
И Гекатэона дочь, Калика, и свѣтъ—Альціона,
И не вплетавшая змѣй въ косы Медуза свои,
И съ Лаодикой златой пріятая въ небо Целено,
И другія, кого помнятся мнѣ имена.
Этихъ и многихъ иныхъ, Нептунъ, воспѣваютъ поэты,
Нѣжную грудь на твою съ лаской склоняющихъ грудь.
О, для чего-же, стократъ любви извѣдавши силу,
Столько привычный намъ путь вихремъ ты бурнымъ замкнулъ?
Смилуйся, гнѣвный, и въ бой съ широкимъ вступай океаномъ;
Двѣ раздѣляетъ земли узкая эта волна.
Мощному мощные лишь кидать суда подобаетъ
Иль безпощадно топить цѣлые флоты въ волнахъ.
Богу морскому позоръ тревожить пловца молодого,
Даже стоячихъ болотъ этотъ не стоитъ трофей.
И благороденъ Леандръ, и славенъ рожденьемъ, но родъ свой
Не отъ Улисса ведетъ, ворога злого тебѣ.
Будь милосердъ, и двоихъ сохрани: плыветъ онъ, но въ тѣхъ-же
Тѣло Леандра волнахъ, и укованье Геро.
Чу, затрещала свѣча,—при свѣтѣ ея мы писали,—
Чу, затрещала и намъ счастья примѣту даетъ.
Вотъ и нянька вино въ счастливое капаетъ пламя,
Молвила: „Завтра умножь наше число“! и пила.
Наше умножь ты число, проплывъ покоренныя волны,

Другъ, глубоко и до дна въ сердце пріемлемый мной!
Въ лагерь родной воротись, бѣглецъ взаимнаго чувства!
Полно ложиться среди ложа пустого Геро!
Что-же бояться тебѣ? Венера поможетъ отвагѣ,
Моремъ рожденная путь гладью разстелетъ морской.
Часто влечетъ и меня пуститься въ широкое море,
Только надежнѣе здѣсь море мужамъ искони:
Вѣдь отчего-же, когда здѣсь Фриксъ переѣхалъ съ сестрою,
Женщина только дала имя широкимъ волнамъ?
Или пугаешься ты, что времени нѣтъ воротиться,
Или не въ силахъ снести трудность дороги двойной?
Такъ съ обѣихъ сторонъ сойдемся среди океана
И поцѣлуи сорвемъ быстро въ глубокихъ волнахъ,
И возвратимся потомъ къ родимому городу каждый.
Этого мало, но все болѣе, чѣмъ ничего!
Или стыдливость оставь—для тайной любви понужденье,
Или молвѣ уступи робкую нашу любовь.
Въ сердцѣ стыдливость и страсть, двѣ разныя борятся силы;
Какъ быть, не знаю: одна чище, другая милѣй.
Только когда-то вступилъ Язонъ Пагазейскій въ Колхиду,
Мигомъ Фазійку увезъ на быстроходной ладьѣ;
Только когда-то достигъ до Спарты любовникъ Идейскій,
Мигомъ съ добычей своей онъ воротился назадъ.
Такъ-же ты часто меня достигаешь, какъ часто кидаешь;
Чуть лишь опасно пройти въ лодкѣ, бросаешься вплавь.
Только, юноша мой, побѣдитель водъ возмущенныхъ,
И презирая волну, все-жъ опасайся ея.
Созданы строгимъ трудомъ, суда потопляются моремъ;
Или, мечтаешь, твои руки сильнѣе весла?
Плавать ты жаждешь, Леандръ, чего и морякъ побоится,—
Это послѣдній исходъ, если разбиты суда.
Бѣдная, я не хочу убѣдить, къ чему убѣждаю,—
Будь, умоляю, смѣлѣй самъ наставленій моихъ!
Лишь-бы достигъ ты сюда, стократъ потрясенныя моремъ

Руки усталыя къ намъ вскинуть опять на плеча.
Только, едва повернусь я въ сторону синяго моря,
Чѣмъ-то полна ледянымъ снова тревожная грудь.
И смущаетъ еще вчерашней видѣніе ночи,
Хоть и склоняли ее къ милости жертвы мои.
Ужъ наступала заря, уже догорала лампада,
Часъ приближался, когда видимъ правдивые сны.
Прялка свалилась тогда изъ рукъ, побѣжденныхъ дремою,
И на подушку своей я прилегла головой.
Тутъ плывущаго я дельфина въ вѣтряномъ морѣ
Вдругъ увидала,—и такъ ясно представился онъ.
Вижу, въ зыбучій песокъ его опрокинула буря,
Бѣднаго разомъ волна тутъ оставляла и жизнь.
Будь что ни будетъ, боюсь! Надъ снами не смѣйся моими,
Только спокойнымъ волнамъ быстрыя руки ввѣряй.
Если не жалко себя, надъ дѣвою сжалься любимой,
Только съ тобою живымъ будетъ жива и она.
Близко затишья мы ждемъ, когда разбиваются волны,—
Тутъ безмятежныхъ дорогъ полною грудью ищи.
Тою порою, пока для плаванья нѣтъ намъ дороги,
Пусть умиряетъ письмо долгіе, горькіе дни.

XIX.

Аконтій.

Полно дрожать! повторять влюбленному клятвы не станешь,
Будетъ довольно, что ты разъ обѣщалася мнѣ.
Только читай, и сойдетъ истома съ этого тѣла,
Тѣла, болѣзни моей, хоть не болѣю ничѣмъ.
Что за стыдливость въ очахъ, и, точно во храмѣ Діаны,
Я представляю, горятъ нѣжныя щеки огнемъ.

Брачной любви и вѣрности я, не грѣха домогаюсь,
Такъ, какъ законный супругъ, а не любовникъ, люблю.
Только попомни слова, которыя сорванный съ вѣтки,
Мною закинутый плодъ въ чистыя руки принесъ.
Тамъ увидишь свое обѣщанье, которое лучше-бъ,
Дѣва, запомнить тебѣ, а не богинѣ въ тотъ часъ.
Такъ, и сейчасъ я боюсь, но та-же боязнь непрестанно
Силъ прилагаетъ, больнѣй сталъ въ ожиданьи огонь.
Страсть никогда не была ничтожной, а нынѣ, за днями
И за надеждой, тобой данной, еще возрасла.
Ты мнѣ надежду дала, и мое повѣрило чувство;—
Видитъ богиня, не слѣдъ въ томъ запираться тебѣ.
Та предстояла и такъ твои замѣтила рѣчи,
И, казалось, встряхнувъ кудри, отвѣтила намъ.
Сказывай даже, что ты обманута нашею ложью,
Лишь-бы причиною лжи нашей считалась любовь.
Что добывалъ мой обманъ? Съ одною съ тобой сочетаться.
То-же, за что ты винишь, насъ оправдаетъ легко.
Не по природѣ я такъ, не опытомъ столько коваренъ,
Изобрѣтательнымъ ты дѣлаешь, дѣва, меня.
Если и сдѣлалъ я что, то мною составленной клятвой
Насъ сочетаетъ съ тобой въ ковахъ искусный Амуръ.
Имъ продиктованы, имъ въ моемъ обрученіи рѣчи,
Былъ адвокатомъ въ моемъ тонкомъ коварствѣ Амуръ.
Дѣйствіе это зови обманомъ, коварнымъ зови насъ,
Если коварство, когда хочешь любимой владѣть.
Вотъ и вторично пишу и шлю молящія рѣчи,
Вотъ и вторичный обманъ, жалуйся снова на насъ!
Если любовью гублю, губителемъ вѣчно пребуду;
Хоть стерегись, за тобой чтобъ не гнались, погонюсь.
Часто мечами мужья возлюбленныхъ дѣвъ похищали;
Мнѣ-ли посланье мое скромное станетъ виной?
Дали-бы боги, чтобъ могъ узловъ наложить я побольше,

Чтобы свободна ни въ чемъ вѣрность твоя не была.
Много коварствъ предстоитъ; внизу холма мы трудимся,
А неизвѣданнымъ что пламя оставитъ любви?
Хоть сомнѣвайся, добыть возможно-ли,—все-же добуду.
Вѣдомъ небеснымъ исходъ, только достанешься мнѣ.
Части сѣтей избѣжишь, но всѣхъ сѣтей не избѣгнешь,
Больше, чѣмъ вѣришь, тебѣ ихъ разставляетъ Амуръ.
Если коварства не въ прокъ окажутся, схватимъ оружье,
И на влюбленной груди, дѣва, тебя понесу.
Я порицать не хочу Парисова славнаго дѣла,
И никого, кто другой сдѣлаться мужемъ хотѣлъ.
Также и мы... но молчу. Пусть смерть воздаяньемъ хищенью
Будетъ; но лучше ужъ смерть, чѣмъ не добиться тебя.
Если-бъ ты меньше была прекрасна, скромнѣе-бъ искали,
Сила твоей красоты нудитъ отважными быть.
Ты въ томъ виной и глаза твои, предъ которыми гаснутъ
Яркія звѣзды, глаза, мой возбудившія пылъ,
Въ этомъ виной волоса золотые и бѣлая шея,
Руки, какими, молю, шею мою обойми,
Скромность и чистота безъ дикости глупой во взорахъ,
Ноги, какія едва-ль есть у Ѳетиды самой.
Прочее если-бъ я могъ похвалить, то былъ-бы счастливецъ,
И безъ сомнѣнія все равно созданье себѣ.
Этой твоей красотой смущенный, дивиться-ли, если
Я пожелалъ и залогъ слова съ тебя получить.
И наконецъ, лишь-бы ты себя плѣненной признала,
Пусть и засадой моей дѣву возьму я въ полонъ.
Гнѣвъ я готовъ потерпѣть, была-бъ за терпѣнье награда.
Или плода не добыть должнаго этимъ грѣхомъ?
Взялъ Бризеиду Ахиллъ, Теламонъ захватилъ Гезіону;
Обѣ съ охотой пошли за побѣдившими ихъ.

Что-жъ, обвиняй и меня, пускай и разгнѣвана будешь,
Лишь-бы разгнѣванной мнѣ милою дѣвой владѣть.
Мы-же вводящіе въ гнѣвъ, смягчимъ твое гнѣвное сердце,
Лишь-бы хоть малую намъ дали возможность молить,
Лишь-бы позволили стать предъ взоромъ твоимъ со слезами,
Лишь-бы позволили рѣчь къ этимъ добавить слезамъ,
И на подобье рабовъ, дрожащихъ бичей безпощадныхъ,
Съ робкой мольбой простирать руки къ колѣнамъ твоимъ.
Власти не знаешь своей: зови, не вини за глазами,
И по правамъ госпожи намъ ужъ явиться вели.
Волосы можешь терзать мои повелительной дланью
И своею рукой наши ланиты чернить.
Все потерплю до конца, и только стану бояться,
Чтобы о тѣло мое ты не зашибла руки.
Только въ оковы не куй меня и въ тяжелыя цѣпи:
Крѣпки оковы любви, мнѣ отъ любви не бѣжать.
Только-жъ насытится гнѣвъ, поскольку душа пожелаетъ,
Молвишь сама ты въ душѣ; „какъ терпѣливъ онъ въ любви!“
Молвишь сама ты въ душѣ, замѣтивши наше терпѣнье:
„Столько покорный слуга, пусть услужаетъ онъ мнѣ“.
Нынѣ заочно винятъ несчастнаго, правое даже
Дѣло погибнетъ, когда близко защитника нѣтъ.
Воля твоя, пусть вина и это посланіе наше,
Все-же должна ты винить только меня одного.
Но недостойна со мной обмана и Делія; если
Мнѣ не желаешь воздать долга, богинѣ воздай.
Видѣли взоры ея румянецъ обманутой дѣвы,
Памятнымъ слухомъ вняла всѣмъ обѣщаньямъ твоимъ.
Знаменью сбыться не дай! Но кто кровожаднѣй богини,
Если свое божество зритъ оскорбленнымъ она.
Вепрь Калидона примѣръ; мы знаемъ, насколько и вепря
Жестокосердѣй была къ сыну суровая мать.

И примѣръ Актэонъ, когда-то сочтенный за звѣря
Псами, съ которыми самъ смерти звѣрей предавалъ;
И горделивая мать, скалою одѣвшая тѣло,
И до сегодня въ слезахъ на Мигдонійской землѣ.
Ахъ, Кидиппа, боюсь, боюсь и слово промолвить,
Не показаться-бъ лжецомъ ради корысти своей;
Надо-жъ однако сказать. Затѣмъ-то, повѣрь мнѣ, больная
Въ самые брачные дни часто ты нынѣ лежишь.
Это богини дѣла, ея-же за клятву старанья,
Ищетъ здоровую честь въ тѣлѣ здоровомъ она.
Вотъ оттого-то, едва, коварная, хочешь подняться,
Такъ исправляетъ сейчасъ то согрѣшенье она.
Полно-жъ тебѣ навлекать безжалостной гнѣвныя стрѣлы,
Можетъ смягчиться еще, если дозволишь, она.
Полно, молю, сокрушать горячкою нѣжные члены,
Эту храни красоту для наслажденій моихъ,
Эти взоры храни, для нашей рожденные страсти,
И въ бѣлоснѣжной щекѣ алую краску румянъ.
Ворогу, каждому, кто не хочетъ, чтобъ нашей ты стала,
Мука достанься, какъ намъ при нездоровьи твоемъ.
Тутъ сокрушаюсь равно и бракомъ твоимъ, и болѣзнью,
И не могу порѣшить: что ненавистнѣе мнѣ?
Тою порою томлюсь, что я тѣхъ страданій причина,
Что коварство мое такъ сокрушаетъ тебя.
Пусть-же на голову мнѣ падутъ преступленія милой,
Нынѣ молюсь, пусть моей карой спасется она.
Но чтобы вѣдать о томъ, что дѣлаешь, часто къ порогу
Съ горькою мукой въ душѣ я приближаюсь тайкомъ;
Тайно настигну раба, а то служанку, и справлюсь,
Какъ былъ полезенъ тебѣ сонъ, и питаніе какъ.
Бѣдный, зачѣмъ же не я служу докторовъ предписаньямъ,
Трогаю руки твои и при постели сижу?

И пока вдалекѣ отъ тебя я томлюся, несчастный,
Можетъ, съ тобою другой, тотъ, нежелательный мнѣ.
Руки трогаетъ онъ твои и сидитъ при болящей,
Онъ, ненавистный богамъ вышнимъ и съ вышними мнѣ;
И своею рукой дрожащую щупая вену,
Пользуясь этимъ, неразъ бѣлой коснется руки;
То потрогаетъ грудь, а то и съ лобзаньемъ приникнетъ.
Эта награда полнѣй, выше услуги его.
Кто-же дозволилъ тебѣ собирать на жатвѣ на нашей,
Иль къ упованьямъ чужимъ кто показалъ тебѣ путь?
Грудь эта, помни, моя: мои поцѣлуи воруешь!
Прочь отъ обѣщанныхъ мнѣ членовъ, безумная длань!
Руки подальше, злодѣй! ты суженой нашей коснулся!
Также позднѣй поступи — будешь предъ ней любодѣй.
Лучше свободной ищи, которой другой не присвоилъ.
Если не вѣдаешь, свой есть у нея господинъ.
Если не вѣруешь мнѣ, прочти хоть писаніе клятвы;
Думаешь, лжива она;—пусть прочитаетъ сама.
Выйди изъ спальни чужой!—тебѣ я, тебѣ говорю я.
Что же ты дѣлаешь здѣсь? Прочь, несвободна кровать.
Пусть имѣешь и ты вторичную брачную клятву,
Развѣ твое потому дѣло равно моему?
Мнѣ заручилась; отецъ съ тобой обручилъ, и, хоть близокъ
Къ дѣвѣ, но все-же къ себѣ ближе родителя та.
Дѣву родитель обрекъ, но милому дѣва клялася:
Призвалъ въ свидѣтели тотъ смертныхъ, богиню—она.
Стать онъ боится лжецомъ, стать дѣва боится преступной.
Есть-ли сомнѣнье, какой ужасъ страшнѣй изъ двоихъ?
И наконецъ, чтобы могъ сравнить ты опасность обоихъ,
То погляди на конецъ: дѣва больна, тотъ здоровъ.
Съ столь-же неравной и мы вступаемъ душой въ состязанье,

Не одинаковы въ насъ ни упованье, ни страхъ.
Ты безопасно идешь; мнѣ смерти больнѣй наказанье.
То я люблю, что еще можетъ быть будешь любить.
Если забота въ тебѣ о правдѣ, о правѣ была-бы,
Долженъ-бы самъ отступить ты передъ страстью моей.
Нынѣ, когда тотъ злодѣй за дѣло неправое споритъ,
Спросишь, Кидиппа, къ чему сводится наше письмо?
Онъ въ томъ виной, что лежишь, что такъ ненавистна Діанѣ;
Этого, будь ты умнѣй, то не пускай на порогъ.
Ради него-то ты жизнь подвергаешь опасности страшной,
Лучше-жъ пускай за тебя самъ онъ, виновный, падетъ.
Если-жъ отвергнешь его, разлюбишь гонимаго небомъ,
Здравою станешь и ты, здравымъ останусь и я.
Полно-жъ бояться! Скорѣй достигни живого спасенья,
Разумомъ только познай силу обѣтовъ своихъ.
Знай, не закланье быковъ небесныхъ боговъ утѣшаетъ,
Но соблюденная впрямь и безъ свидѣтеля честь.
Чтобъ исцѣлиться, иной потерпитъ огонь и желѣзо,
Грустную помощь другимъ горькій оказывалъ сокъ.
Ты не нуждаешься въ томъ: лишь клятву блюсти постарайся,
Разомъ себя сохрани, честное слово и насъ.
Прошлымъ проступкамъ найдешь извиненье въ невѣдѣньи, дѣва,
Сердце забыло твое клятвы прочтенной слова.
Нынѣ и рѣчи мои, и муки тебя наставляютъ,
Эти страданья,—едва хочешь меня обмануть.
Пусть и спасешься отъ нихъ, но какъ-же въ родахъ ты попросишь,
Чтобъ свѣтоносную длань та протянула тебѣ?
Станетъ внимать, но, давно извѣстное вновь повторяя,
Спроситъ богиня, съ какимъ мужемъ раждаешь сейчасъ.
Станешь обѣты давать,—но знаетъ, что лживы обѣты;

Клясться начнешь,—но боговъ разъ обманула ужъ ты.
Дѣло теперь не во мнѣ; иною томлюся тревогой,
Лишь о спасеньи твоемъ мукой терзается грудь.
Что-жъ надъ сомнѣньемъ твоимъ родители плакались робко,
И для чего про вину ты потаила свою?
Полно, зачѣмъ имъ не знать? Во всемъ хоть родимой откройся,
Нѣтъ-же позора никакъ въ дѣлѣ, Кидиппа, твоемъ.
Все по порядку раскрой, какъ ты познакомилась съ нами,
Стрѣлы несущей свои жертвы тогда вознося;
Какъ, увидавши тебя нежданно, (замѣтно-ль то было?)
Всталъ я недвижно, къ твоимъ членамъ свой взоръ приковавъ,
И беззавѣтно тобой любуясь, свой пылъ обличая,
Наземь съ плеча уронилъ паллій развернутый свой.
Послѣ, не вѣдаю какъ, крылатое яблоко пало,
Клятвы съ собой принося въ хитрыхъ и тонкихъ словахъ;
Ты, прочитавши съ него въ присутствіи чистой Діаны,
Зрѣвшимъ на насъ божествомъ клятву связала свою.
И чтобы ей не забыть о смыслѣ записанной рѣчи,
Клятву, прочтенную встарь, снова теперь повтори.
„Выйди, молю, за того, съ кѣмъ боги связуютъ благіе,
Чьей поклялася ты стать, будь онъ и зятемъ моимъ.
Кто-бы онъ ни былъ, люби, затѣмъ что любимъ онъ Діаной“.
Такъ-бы сказала тогда, еслибъ довѣдалась, мать,
Пусть и расспроситъ она: и кто и каковъ я, узнавши,
Все согласится, что вамъ поданъ богиней совѣтъ.
Островъ, когда-то для нимфъ Корикскихъ любимымъ пріютомъ
Бывшій, по имени Косъ, моремъ Эгейскимъ облитъ,—
Вотъ отчизна моя. И если именъ благородныхъ

Ищете, низкіе-ль мнѣ дѣды рожденье даютъ?
Есть и богатство при насъ, и чистаго нрава безгрѣшность,
И превосходнѣй всего, насъ сочетаетъ любовь.
Ты-бы гналась за такимъ супругомъ, и вовсе не клявшись,
А поклялась-такъ должна-бъ и не такого принять.
Эта велѣла во снѣ намъ писать охотница Феба,
Это велѣлъ на яву къ дѣвѣ писать Купидонъ;
Стрѣлы Крылатаго, знай, давно ужъ меня погубили,
Стрѣлы другой, берегись, не погубили-бъ тебя.
Наше спасенье въ одномъ. Меня и себя пожалѣй ты,
Что-же ты медлишь заразъ помощъ двоимъ оказать?
Если-же сбудется такъ, и брачныя трубы зальются,
И обагрится Делосъ кровью обѣщанныхъ жертвъ,
Я вознесу золотой счастливаго яблока образъ,
И причину на немъ въ парѣ стиховъ запишу:
„Образомъ этимъ плода ручается нынѣ Аконтій,—
То, что записано здѣсь, все совершилося впрямь".
Долго письмомъ не хочу измучивать слабаго тѣла,
И привычнымъ концомъ я заключаю: прощай!

XX.

Кидиппа.

Я побоялась и все прочла молчаливо посланье,
Чтобъ не заклялись какимъ богомъ въ незнаньи уста.
Снова-бы взялъ ты меня, когда по твоимъ-же признаньямъ,
Ты-бы не вѣдалъ, что разъ будетъ обѣтовъ моихъ.
Я не хотѣла читать; но если тебя не щадить намъ,
Могъ-бы въ богинѣ еще стать безпощаднѣе гнѣвъ.

Я-ли не дѣлала все, не жгла ѳиміамъ предъ Діаной,—
Правдѣ самой вопреки все благосклонна къ тебѣ.
Думаешь ты—за тебя отмщаетъ памятнымъ гнѣвомъ;
И Гипполита едва такъ берегла своего!
Дѣвѣ, не лучше-ли-бъ ей лѣтамъ благосклонствовать дѣвы,
Коихъ немного, боюсь, мнѣ предоставитъ прожить.

(XV).

Сапфо.

Слушай: сейчасъ-ли, письмо прилежной руки увидавши,
Ты не замедлилъ его взоромъ за наше признать,
Или, когда-бъ не прочелъ ты имени автора Сапфо,
Ты-бы не зналъ, отъ кого краткое это письмо?
Можетъ быть, спросишь и то, къ чему-же въ двухстишіяхъ пѣсня,
Если привычнѣе я къ строю лирическихъ строфъ.
Горестна наша любовь, элегіи горестна пѣсня,
И не подходитъ къ слезамъ нѣжная лира моимъ.
Сердце пылаетъ, точь въ точь, въ огнѣ необузданныхъ Евровъ,
Жатвъ опаленныхъ полно, тучное поле горитъ.
Дальнія пашни Фаонъ проходитъ Тифоевой Этны;
Пламеннѣй Этны самой страсть сожигаетъ меня.
И не помогутъ ужъ мнѣ тѣ пѣсни, какія на стройныхъ
Я сочетала струнахъ, вольнаго сердца плоды.
Ужъ не веселье душѣ—Меѳимны и Пирры дѣвицы
И на Лесбосѣ родномъ дѣвушекъ прочихъ толпа.
Ужъ Анакторія мнѣ презрѣнна и блѣдная Цидно,
Такъ ужъ, какъ встарь, не мила взорамъ Аттида моимъ,

Да и сотня другихъ, въ быломъ не безгрѣшно любимыхъ.
Гадкій, одинъ завладѣлъ ты достояніемъ всѣхъ.
Есть у тебя красота и склонные годы къ забавамъ,
О красота—для моихъ взоровъ погибель и смерть!
Лиру возьми и колчанъ,—и станешь прямымъ Аполлономъ;
Кудри рогами прикрой,—Бахусомъ будешь прямымъ.
Дафну Фебъ полюбилъ, и Бахусъ-Кносскую дѣву,
Хоть незнакомы лады лиры ни той, ни другой.
Мнѣ-жъ Пегазиды мои диктуютъ прелестныя пѣсни,
И по вселенной по всей имя пѣвицы гремитъ.
И не больше Алкей, отчизной и лирой товарищъ,
Славы достигнулъ, хотя онъ величавѣй поетъ.
Если-же мнѣ въ красотѣ отказала злая природа,
Геніемъ я возмѣщу всѣ недостатки лица.
Ростомъ мала я, но всѣ наполнило страны—пѣвицы
Имя, и мѣрятъ меня мѣрою славы моей.
Пусть не бѣла я лицомъ, любилъ-же Персей Андромеду,
Дочерь Кефея, подъ цвѣтъ смуглую нивамъ роднымъ.
Бѣлыхъ голубокъ неразъ и съ пестрыми страсть сочетаетъ,
Птицѣ зеленой мила горленки темной любовь.
Если-жъ ищешь одной достойной тебѣ красотою,
Суженой нѣтъ по тебѣ, суженой нѣтъ по тебѣ.
Наши читая стихи, прекрасной меня находилъ ты,
Клялся—одна я пою такъ, что красивой кажусь.
Помню, я пѣла тебѣ,—вѣдь все влюбленныя помнятъ,—
А съ распѣвающихъ устъ ты поцѣлуи срывалъ.
Ты расхваливалъ ихъ, и всѣмъ я нравилась другу,
Но особливо, когда дѣло свершалось любви.
Тутъ несравненно тебя манили рѣзвыя ласки,
Быстрыхъ движеній игра, смѣлая шутка рѣчей,
И, когда у двоихъ сливались въ одно наслажденья,

Долгой истомы часы въ нашихъ усталыхъ тѣлахъ.
Новой добычей теперь манятъ Сицилійскія дѣвы.
Что мнѣ въ Лесбосѣ родномъ! Стать Сицилійкой хочу!
Только вы бѣглеца отпустите нашего къ дому,
Жены Низійской земли, дѣвы Низійской земли,
Не польститесь и вы на нѣжныя, лживыя рѣчи.
Что напѣваетъ онъ вамъ, ранѣе мнѣ напѣвалъ.
Мать Эрицина, и ты холмовъ Сиканскихъ царица,
Сжалься, пѣвицу свою,—ибо твоя я,—спаси!
Или безжалостный рокъ хранитъ изначальную силу
И пребываетъ въ своемъ бѣгѣ жестокимъ вовѣкъ?
Шесть мнѣ исполнилось лѣтъ съ рожденья, и матери тѣло
Пало въ безвременный гробъ, слезы испивши мои.
Бѣдный братъ запылалъ, побѣждаемый страстью къ продажной
Дѣвѣ, и съ горькимъ стыдомъ вразъ разоренье понесъ.
Нищій, проворнымъ весломъ обходитъ онъ синія воды,
Горько потерянныхъ имъ горестно ищетъ богатствъ,
И ненавидитъ меня за много благихъ наставленій,—
Это мнѣ вольность дала, это сердечная рѣчь.
И, какъ будто-бы нѣтъ душѣ безконечной печали,
Тяжкой заботѣ вѣнецъ дочка малютка моя.
Ты послѣдней присталъ причиною жалобамъ нашимъ.
Вѣтра попутнаго нѣтъ въ плаваньѣ нашей ладьѣ.
Видишь, по шеѣ лежатъ небрежно разбросаны косы,
Камень прозрачный моей не украшаетъ руки,
Бѣдный на тѣлѣ покровъ, никакого золота въ косахъ,
Не умащаетъ вода дальней Аравіи косъ.
Ради кого щеголять, кому полюбиться стараться?
Поводъ единый моей роскоши, ты далеко.
Нѣжное сердце въ груди, мучительны легкія стрѣлы,
Вѣчно причина во мнѣ вѣчной найдется любви.

То-ли въ рожденьи такой законъ положили мнѣ Сестры,
И не дана для моей жизни суровая нить,
То-ли занятья во нравъ вошли, и въ урокахъ искусства
Талія мягкое мнѣ сердце вложила въ груди.
Диво-ли, если меня и пуха перваго возрастъ
Столько завлекъ, и лѣта, милыя даже мужамъ.
Я трепетала, чтобъ ты не похитила друга, Аврора,
Вмѣсто Кефала,—не будь первой добычи, взяла-бъ!
Если-бы только его узрѣла всезрящая Феба,
То приказала-бъ во снѣ долгомъ Фаону лежать.
И въ небеса вознесла-бъ Венера въ своей колесницѣ,
Только и Марсу ея онъ полюбиться-бы могъ.
Юноша вскорѣ, уже не мальчикъ, о возрастъ прелестный,
О красота и твоихъ слава великая дней,
Къ намъ воротись и на грудь склонися, красавецъ, на нашу.
Ужъ не молю, чтобъ любилъ: только любить разрѣши!
Пишемъ, а наши глаза въ слезахъ орошаются быстрыхъ:
Видишь, какъ много легло пятенъ на этихъ строкахъ.
Если ужъ такъ порѣшилъ уѣхать, скромнѣе-бы ѣхалъ,
Хоть-бы одно мнѣ сказалъ: „Добрая Сапфо, прощай"!
Не понесъ ты ни слезъ съ собою, ни нашихъ лобзаній,
Да и не думала я, какъ доведется страдать.
Только со мною твое одно лишь—обида; залоговъ
Милой ты не взялъ съ собой, чтобы запомнить о ней.
Я не давала тебѣ совѣтовъ; а впрочемъ дала-бы
Развѣ одинъ: чтобъ меня ты не хотѣлъ позабыть.
Нѣжнымъ Амуромъ клянусь, вовѣкъ не кидающимъ сердца,
И божествомъ девяти музъ, покровительницъ намъ:
Только, не помню ужъ кто, сказалъ намъ: „уходитъ твой милый",
Ни говорить не могли долго, ни плакать уста.

Не было слезъ на глазахъ, и слово къ устамъ не просилось,
Оцѣпенѣла душа въ холодѣ вся ледяномъ.
Послѣ смягчилася боль, и, грудь ударяя руками,
Я не стыдилась завыть, пряди волосъ растрепавъ,
Точно какъ нѣжная мать, когда почившаго сына
Прахъ бездыханный несетъ на погребальный костеръ.
Радостенъ братъ мой Хараксъ и нашею тѣшится скорбью,
И на глазахъ у меня ходитъ и бродитъ кругомъ,
И, чтобъ позорна моей казалася грусти причина,
„Что-же тоскуетъ? Вѣдь есть дочь у нея"—говоритъ.
Но не сольется въ одно и стыдъ, и любовь; все народу
Видимо было, и грудь я растерзала при немъ.
Ты мнѣ забота, Фаонъ; тебя сновидѣнья приводятъ,
И сновидѣнья свѣтлѣй сердцу прекраснаго дня.
Тамъ я тебя нахожу, хоть ты и въ странахъ отдаленныхъ,
Только недолги и вы, лживыя радости сна!
Часто привидятся мнѣ твои на шеѣ объятья,
Или приснится, что я шею твою обвила.
То поцѣлуи ловлю, какіе ввѣрялъ языку ты
И горячо такъ умѣлъ и принимать, и дарить.
Съ нѣжностью тою порой подобныя истиннымъ рѣчи
Тихо шепчу я, уста бодрствуютъ въ чувствахъ моихъ.
Далѣе стыдъ не велитъ повѣдать, но все довершаю.
Сладко душѣ и со мной снова ты точно, Фаонъ.
А когда-же Титанъ восходитъ и все озаряетъ,
Плачу, что радостныхъ сновъ скоро душа лишена.
Въ рощу, въ пещеру бѣгу, какъ будто помогутъ пещеры,
Сладкимъ восторгамъ любви нашей знакомыя встарь,
И безъ сознанья туда, какъ будто томимая буйной
Силой Эрихто, несусь, гриву волосъ раскидавъ.
Видятъ пещеру глаза, неровнымъ повисшую туфомъ,
Что Мигдонійскимъ для глазъ мраморомъ раньше сверкалъ.

Снова тотъ лѣсъ нахожу, который такъ часто дарилъ намъ
Ложе любви и густой тѣнью листовъ осѣнялъ.
Только нигдѣ не найти господина лѣса и сердца.
Скудной пустыней бреду; онъ былъ пустынѣ красой.
Дерна знакомаго мнѣ примѣчу помятыя травы
И наклоненный отъ тѣлъ нашихъ коверъ муравы.
Лягу, касаясь земли, въ ту сторону, гдѣ возлежалъ ты;
Милая прежде трава слезы впиваетъ мои.
И представляется мнѣ, что самыя вѣтви тоскуютъ,
Листья склонивъ, и кругомъ нѣжныхъ не слышится птицъ,
Только печальная мать, супругу не мстившая свято,
Давліи птица поетъ, Итисъ Исмарскій, тебя.
Итиса птица поетъ, а Сапфо—любви одинокой
Муки, и тихо кругомъ спитъ молчаливая ночь.
Есть свѣтловодный вблизи и много прозрачнѣй кристалла
Чтимый ручей, божество въ немъ полагаетъ народъ;
Сверху лотосъ надъ нимъ разстилаетъ влажныя вѣтви,
Дерево съ лѣсъ, и земля въ зелени нѣжной травы.
Только склонила я тамъ отъ плача усталое тѣло,
Вдругъ передъ взоромъ моимъ стала наяда одна,
Стала и молвила мнѣ: „неравной ты страстью сгораешь.
Знать, къ Амвракійской странѣ надо тебѣ поспѣшать.
Фебъ отъ воздушныхъ высотъ все море широкое видитъ;
Море Актейскимъ народъ или Левкадскимъ зоветъ.
Здѣсь-то Девкаліонъ, пылавшій пламенемъ къ Пиррѣ,
Ринулся, и невредимъ тѣло въ волну погрузилъ.
Вмигъ измѣнилась любовь и кротко коснулася сердца
Павшему, вмигъ отряхнулъ пламень свой Девкаліонъ.
Въ мѣстности этой таковъ законъ. Поскорѣе бѣги-же
Къ выси Левкады и внизъ смѣло пади со скалы“.
Тамъ говоритъ и пропала она. Дрожа, поднимаюсь

И на тяжелыхъ щекахъ слезъ не могу задержать.
Милая нимфа, иду, бѣгу на показанный камень.
Ты-же, безумная страсть, трепетъ души побѣди!
Что-бы ни сталось, милѣй, чѣмъ нынѣ... О вѣтеръ, прими насъ,
Въ тѣлѣ несчастномъ большой тягости ты не найдешь.
Ты-же, нѣжный Амуръ, простри подъ упавшею крылья,
Чтобъ не *винили въ моей* смерти Левкадской волны.
Фебу цѣвницу потомъ вознесу, намъ общую жертву,
И подъ цѣвницей, внизу, два начертаю стиха:
„Сапфо съ молитвой, о Фебъ, тебѣ возложила цѣвницу;
Лира любезна тебѣ, лира любезна и мнѣ“.
Но для чего-же на брегъ Актійскій несчастную гонишь,
Если и самъ обратить можешь стопы свои вспять?
Ты-бы мнѣ сдѣлаться могъ цѣлительнѣй влаги Левкадской;
И красотой, и добромъ будешь ты Фебомъ моимъ.
Или ты силы найдешь, о водъ *холоднѣй и* утесовъ,
Если погибну, моей смерти виновникомъ слыть?
Ахъ, насколько-бъ милѣй могла сочетаться съ тобою
Грудь у меня, чѣмъ со скалъ ринуться долу въ волну.
Вотъ-же та грудь предъ тобой, которую часто хвалилъ ты
И геніальной неразъ, милый Фаонъ, величалъ.
Тутъ-бы рѣчистою быть! Но горе—погибель искусству,
И подъ бѣдою моей весь пропадаетъ талантъ.
И не отвѣтствуютъ мнѣ старинныя въ пѣніи силы,
Плектръ отъ тоски молчаливъ, лира нѣмѣетъ съ тоски.
Толпы Лесбіекъ морскихъ, и дѣвы, и мужнія жены,
На Эолійскихъ струнахъ славныя мной имена,
Дѣвы Лесбоса, въ любви безславьемъ покрывшія Сапфо,
Полно на звуки моей лиры сбѣгаться толпой.
Все-то похитилъ Фаонъ, что ранѣе васъ услаждало...
Бѣдная, бѣдная, я чуть не промолвила: „мой“...

Дѣвы, верните его, и ваша вернется пѣвица,
Генію онъ придаетъ силы, и гаситъ ихъ онъ.
Что я достигну мольбой? Растрогано-ль гордое сердце,
Иль безпощадно, и вихрь тщетную рѣчь унесетъ?
Рѣчи мои разнося, твои-бы принесъ паруса онъ!
Это-бъ и сдѣлалъ, когда-бъ былъ ты, медлитель, умнѣй.
Или придешь, и твоимъ кораблямъ обѣтныя жертвы
Ты приготовилъ? Но что-жь грудь ожиданьемъ томишь?
Якорь сорви, и моря откроетъ рожденная моремъ,
Вѣтеръ дорогу пошлетъ, только свой якорь сорви.
Самъ Купидонъ направитъ корабль, присѣвъ надъ кормою,
Самъ молодою рукой дастъ и сберетъ паруса.
Если-жъ отраднѣе вдаль бѣжать отъ Пелазговой Сапфо,
Хоть не найдешь и причинъ, изъ-за чего-бы бѣжать,—
Пусть несчастной хоть то посланье жестокое скажетъ,
Чтобы въ Левкадскихъ волнахъ смертнаго рока искать.

Примѣчанія.

Посланіе I.

Стихъ 5. Этотъ и слѣдующій стихи относятся къ Парису.

Ст. 15. Антилохъ—сынъ Нестора (ср. ст. 63).

Ст. 17. Сынъ Менетія—Патроклъ, вышедшій въ сраженіе въ вооруженіи Ахилла.

19. Два Гомеровскихъ героя носили имя Тлеполема: сынъ Геркулеса, царь Родосскій, и сынъ Дамастора, убитый Патрокломъ.

33. Симоисъ—небольшая рѣка въ Троѣ, впадавшая въ болѣе значительную, Скамандръ. Сигей—мысъ, на которомъ, по преданію, похоронены Ахиллъ и Патроклъ.

35. Эакидъ—внукъ Эака, Ахиллъ.

46. Исмарійскіе кони—кони Өракійскаго царя Реза, убитаго въ ночной вылазкѣ Одиссеемъ и Діомедомъ; Исмаръ—въ странѣ Өракійскаго племени Киконовъ.

67. Аполлоновы стѣны—стѣны Трои,—„подъ пѣнье твоей лиры возникшія, Фебъ“ (посл. XV 180).

87. Дулихій, Самосъ, Закинөъ — сосѣдніе съ Итакой острова.

91—92. Все имена жениховъ Пенелопы, извѣстныя изъ „Одиссеи“.

Посланіе II.

У Аполлодора (epit. Vat. 6, 16. ed. Wagner, 1894) читаемъ: „Демофоонтъ пристаетъ съ немногими судами къ Ѳракійцамъ Бизальтамъ, и дочь царя, Филлида, влюбившись въ него, сочетается съ нимъ (*συνευνάζεται*) по волѣ отца съ приданымъ—царствомъ. Онъ, желая вернуться на родину и получивъ много просьбъ остаться, уѣзжаетъ съ клятвой воротиться; а Филлида провожаетъ его до такъ называемыхъ Девяти Дорогъ и даетъ ему ларецъ, сказавъ, что это святыня матери Реи, и не велѣвъ его открывать, развѣ въ случаѣ, если онъ не захочетъ къ ней вернуться. Демофоонтъ, прибывъ на Кипръ, поселяется тамъ. И когда прошло назначенное время, Филлида, проклявъ Демофоонта, налагаетъ на себя руки; Демофоонтъ-же, открывъ ларецъ, поражается паническимъ страхомъ и сѣвъ на коня, безпорядочно гонитъ и гибнетъ; конь упалъ и всадникъ свалился на мечъ“.

Стихъ 1. Родопа—гора во Ѳракіи, тепер. Деспоти-Дагъ.

Ст. 6. Сиѳонскій—Ѳракійскій, по Сиѳону, сыну Нептуна, царю Ѳракійскаго Херсонеса.—Актэ—старинное названіе Аттики, царемъ которой былъ отецъ Демофоонта, Тезей (ср. стихъ 13).

Ст. 15. Гебръ—рѣка во Ѳракіи, въ древности извѣстная своей ледяной водой.

37. Дѣдъ Демофоонта—Эгей, по которому названо Эгейское море.

42. Разумѣется мать—Церера, искони почитаемая въ Аттикѣ.

69. Скиронъ — морской разбойникъ, грабившій между Мегарой и Аттикой (Метаморфозы VII 444). О другомъ легендарномъ грабителѣ, Прокрустѣ, вошедшемъ въ пословицу о „Прокрустовомъ ложѣ“, ср. тамъ-же ст. 438. Будущія темы „Метаморфозъ“, вообще, часто попадаются уже въ молодыхъ произведеніяхъ поэта.

70. Синій или Синисъ—по самому имени (родственно съ σίνω)—олицетвореніе пагубы, разбоя, по преданію, разбойникъ большихъ дорогъ на Коринѳскомъ перешейкѣ; убитъ Тезеемъ,—этимъ Георгіемъ побѣдоносцемъ греческой старины. Дальше намекъ на извѣстнаго Минотавра.

72. Черный богъ—богъ ада, преисподней.

76. Покинутая Тезеемъ критянка—Аріадна, которой ниже посвящено отдѣльное стихотвореніе.

79. Покинутая Тезеемъ, Аріадна сдѣлалась супругой бога—Бахуса.

90. Бистоны—одно изъ Ѳракійскихъ племенъ; здѣсь, какъ часто у поэтовъ, часть вмѣсто цѣлаго.

111. Ликургъ—баснословный царь Ѳракіи.

115. Смотря по направленію полета, появленіе птицъ считалось или благопріятнымъ, или зловѣщимъ.

117. Тизифона—одна изъ фурій, мстящая за убійство. Какъ образъ, повторяется и у новыхъ поэтовъ, напримѣръ въ „Музѣ“ Фета (1887 г.):

Ты хочешь проклинать, рыдая и стеня,
Бичей подыскивать къ закону?
Поэтъ, остановись: не призывай меня,—
Зови изъ бездны Тизифону!

119. Аллекто—имя другой фуріи.

Посланіе III.

Бризеида—плѣнница Ахилла, одна изъ пассивныхъ участницъ въ распрѣ между нимъ и Агамемнономъ, въ началѣ „Иліады“.

9. Еврибатъ и Талтибій—вѣстники Агамемнона въ „Иліадѣ“.

23. Сынъ Менетія—Патроклъ, ближайшій другъ Ахилла.

27. Сынъ Теламона—Аяксъ. Аминторъ—отецъ Феникса, сопутствовавшаго Ахиллу на Троянскую войну.

45. Лирнесъ—городъ въ Мизіи, родина Бризеиды.

53. Мать Ахилла,—Ѳетида, богиня моря.

65. Фтія—родной городъ Ахилла, въ странѣ Мирмидоновъ.

73. Генеалогія Ахилла: одна изъ двадцати дочерей рѣчнаго бога Азопа, Эгина, похищена Зевсомъ и родитъ отъ него Эака, отца Пелея и дѣда Ахилла.

74. Нерей—„водяной дѣдъ" Иліады I 538; какъ отецъ Ѳетиды, дѣдъ Ахилла съ материнской стороны.

92. Энидъ—сынъ Энея, Мелеагръ. Когда онъ былъ мальчикомъ, богини судьбы, Мэры, предсказали его матери, что онъ умретъ лишь въ томъ случаѣ, если сгоритъ головня, пылавшая въ это время на очагѣ. Мать Мелеагра, Алѳея, взяла и спрятала эту головню. Когда Мелеагръ выросъ, отецъ его, принося жертвы, забылъ одну Артемиду. Въ возмездіе богиня послала чудовищнаго вепря опустошить страну. На охоту за чудовищемъ собралось много героевъ, въ томъ числѣ и Мелеагръ, и братья Алѳеи, и героиня Аталанта. Первую рану нанесла звѣрю Аталанта, послѣднюю и смертельную—Мелеагръ. Шкуру вепря, трофей побѣды, Мелеагръ отдалъ Аталантѣ. Но братья Алѳеи нашли это несправедливымъ и отняли трофей у Аталанты. Тогда Мелеагръ въ гнѣвѣ убилъ своихъ дядей и этимъ самъ подписалъ себѣ смертный приговоръ: въ скорби по погибшимъ братьямъ, Алѳея сожгла головню, отъ которой зависѣла жизнь Мелеагра, и послѣдній вдругъ умеръ. „Другіе,—добавляетъ библіотека Аполлодора, откуда заимствуется этотъ разсказъ:—„другіе говорятъ, что Мелеагръ умеръ не такъ, но, когда братья Алѳеи поспорили изъ—за добычи, опираясь на то, что звѣря первый поразилъ одинъ изъ нихъ, началась изъ-за этого война. Когда затѣмъ Мелеагръ вышелъ въ поле и убилъ нѣсколькихъ братьевъ Алѳеи, та прокляла его, а онъ въ гнѣвѣ остался дома. И когда враги приближались уже къ стѣнамъ, Мелеагръ насилу-то вышелъ въ поле по

просьбамъ жены, и убивъ остальныхъ братьевъ Алѳеи, умеръ съ оружіемъ въ рукахъ".

109. Микенецъ—микенскій царь Агамемнонъ, главнокомандующій соединенными греческими войсками подъ Троей.

130. Тевкровъ братъ—Аяксъ, сынъ Теламона, самый могучій изъ греческихъ героевъ, осаждавшихъ Трою.

136. Пирръ—сынъ Ахилла.

147. Извѣстна сцена Иліады, гдѣ только Аѳина своимъ появленіемъ мѣшаетъ Ахиллу поднять мечъ противъ Агамемнона.

151. Пергамъ (тоже, что Троя) называется Нептуновымъ, потому что, вмѣстѣ съ другимъ богомъ, Аполлономъ, Нептунъ участвовалъ въ построеніи города.

Посланіе IV.

47. Элелеиды—одно изъ прозвищъ Вакханокъ, отъ праздничнаго клика ἐλελεῦ.

48. На холмахъ фригійской Иды совершались тайныя служенія богинѣ Кибелѣ.

49. Дріады—нимфы лѣса. Фавны—божества—покровители лѣса и стада.

55. Европа, финикійская царевна, похищенная влюбленнымъ въ нее Зевсомъ подъ видомъ быка, была матерью Миноса, отца Федры.

59. Эгидъ—сынъ Эгея, Тезей.

60. Нашей сестры—т. е. Аріадны.

93. Кефалъ—сынъ фокидскаго царя Дейона, похищенный влюбленной въ него богиней Зари.

95. По Гомеровскому гимну, Заря вымолила вѣчную жизнь своему мужу, Тиѳону, но забыла выпросить для него у Зевса и вѣчную молодость.

97. Кинира—отецъ красавца Адониса.

99. Энидъ—Мелеагръ. Ср. примѣч. къ III 92.

107. Трезенъ—древній городъ Арголиды, у Сароническаго залива, теперь въ развалинахъ у деревушки Дамала. Питтей—дѣдъ Тезея.

109. По одному преданію, Эгей былъ только названнымъ отцомъ Тезея, а фактически отцомъ его былъ Нептунъ.

110. Пириѳой—царевичъ Лапиѳовъ, *другъ* Тезея—въ античномъ смыслѣ этого слова.

115. Во время бѣгства Тезея съ Аріадной съ Крита, убитъ былъ имъ, чтобы отвлечь преслѣдованіе, братъ Аріадны и Федры.

117. Мать Гипполита—Гипполита же (или Антіопа), царица амазонокъ.

119. По разсказу Аполлодора,—когда Тезей захотѣлъ взять вторую жену, Федру, первая его жена, амазонка, хотѣла оружіемъ отстоять свои супружескія права и отомстить мужу за вѣроломство. Но въ бою она пала,—нѣкоторые говорятъ, отъ руки самого Тезея (epit. Vatic. I 17).

132. Въ баснословныя времена Италія, по преданію, была мирнымъ земледѣльческимъ государствомъ бога и царя Сатурна.

Посланіе V.

Энона—фригійская нимфа, дочь рѣчного бога, соблазненная Троянскимъ царевичемъ Парисомъ и вѣроломно брошенная имъ. Преданіе о ней не часто повторяется у классическихъ писателей.

2. Не микенской рукой—т. е. не рукой врага (микенскій царь Агамемнонъ).

3. Пегазида—рѣчная нимфа (отъ πηγή—источникъ).

12. Рожденію Париса предшествовали зловѣщіе сны; потому онъ былъ брошенъ на Идѣ и воспитанъ пастухами.

30. Ксанѳъ—рѣка въ области Трои.

35. Въ награду за первенство красоты, присужденное Парисомъ Венерѣ, богиня обѣщала ему въ жены спартанскую царицу Елену.

91. Тиндариду—Елену, по отцу Тиндарею.

94. Деифобъ, Полидамантъ — извѣстныя изъ „Иліады“ имена братьевъ Париса.

95. Антеноръ, знатный троянецъ, совѣтовалъ помириться съ греками и выдать имъ виновницу войны, Елену.

101. Меньшой изъ Атридовъ—Менелай, царь Спарты, мужъ Елены.

114. Сестра Париса—пророчица Кассандра.

139. Трои создатель—Аполлонъ. Послѣдующіе стихи, кончая 145-ымъ, справедливо считаются не соотвѣтствующими окружающему тексту и, слѣдовательно, едва ли Овидіевыми.

151. Въ первыхъ стихахъ Еврипидовой „Алкестиды“ Аполлонъ передаетъ причины своей рабской жизни у Адмета, царя Ѳессалійскаго города Феръ: Зевсъ убилъ молніей сына Аполлона, Асклепія (бога врачевства), Аполлонъ разгнѣванный умертвилъ „работниковъ небеснаго огня“ Циклоповъ. Въ возмездье за это Зевсъ послалъ его служить Адмету.

Посланіе VI.

Гипсипила—дочь Ѳоанта, царица женскаго царства на Лемносѣ. Когда женщины убивали тамъ всѣхъ мужчинъ, она спасла своего отца; влюбившись въ Язона, предводителя Аргонавтовъ, приняла и его въ свое женское царство, со всѣми его спутниками. Отправившись въ дальнѣйшее плаваніе за золотымъ руномъ съ обѣщаніемъ вернуться, Язонъ обманулъ Гипсипилу.

19. Варварка—колдунья—Медея, о чемъ ср. ниже въ посвященномъ ей отдѣльномъ посланіи.

99. Энидъ—Мелеаг… …ліи.

107. Трезенъ—др… …ться под-
скаго залива, теперь … …псипи-
Питтей—дѣдъ Тезея. … …л.).

109. По одном… …му
отцомъ Тезея, а ф…

110. Пиріо…
тичномъ смыслѣ… …,

115. Во … …тону,
убитъ былъ и… … головы
и Федры. … —мѣсту ея

117. М…
рица амаз…

119. … …священное отдѣльное
взять в…
ла ору… … восковымъ изображеніемъ
мужу … …зображено, напримѣръ, въ од-
рятъ…

…Язону при добываніи золотого руна,
ла … …сь, изображается и въ посланіи „Медея“.
С … …ой ярки—потому что на золоторунной овцѣ
…ъ море въ Колхиду Фриксъ, сынъ беотійскаго
…та, бѣжавшій отъ происковъ мачехи, Ино.
… Аріадна, превращенная въ созвѣздіе.

…21. Люцина — богиня родовъ, выводящая ребенка на
…тъ Божій (lux).

Посланіе VII.

2. Мэандръ-рѣка во Фригіи въ малой Азіи, описанная такими же чертами и у Виргилія.

42. Евръ—юго-восточный вѣтеръ.

75. Юлъ—сынъ Энея; другое его имя Асканій.

78. Эней, при разрушеніи и пожарѣ Трои, вынесъ изъ огня на своихъ плечахъ и *старика—отца, и боговъ родного дома*—пенатовъ.

84. У Виргилія гибель жены Энея, Креузы, объяснена болѣе благосклонно для ея мужа,—скорѣе какъ воля боговъ, воля судьбы, назначавшей Энею иное царство и иной бракъ.

97. Сихей—первый мужъ Дидоны.

102. Элисса—другое имя Дидоны, встрѣчается и въ „Энеидѣ".

125 Царь африканскихъ гетуловъ, Ярба,—одинъ изъ искателей руки Дидоны.

140. Тевкры—Троянцы, по имени древнѣйшаго троянскаго царя Тевкра.

150. Пигмаліонъ—Тирскій царь, братъ Дидоны.

165. Фтія—родина Ахиллеса; Микены—столица Агамемнона.

Посланіе VIII.

Герміона—дочь Менелая и Елены, обрученная за своего двоюроднаго брата, Ореста, и похищенная сыномъ Ахиллеса, Неоптолемомъ (иначе Пирромъ).

7. Эакидъ—потомокъ Эака, т. е. Пирръ.

21. Тесть—т. е. Менелай, мужъ Елены и отецъ Герміоны.

42. Гость Дарданійскій—т. е. Парисъ.

45. Танталидъ—потомокъ Тантала, Агамемнонъ.

49. Гнѣвное поднялъ оружье—противъ матери, Клитемнестры, измѣнившей мужу, Агамемнону, и противъ ея любовника, Эгиста.

67. Намекъ на любовь Юпитера, подъ образомъ лебедя, и Леды, матери Елены.

70. Гипподамія, дочь Эномая, царя Пизскаго, обѣщана была отцомъ въ супружество только тому, который перего-

нитъ его въ бѣгѣ на колесницѣ. Хитростью побѣдилъ и сдѣлался мужемъ царевны—Пелопсъ.

71. Касторъ и Поллуксъ—близнецы братья Елены. Всѣ трое—родомъ изъ Амиклъ, города старой Лаконіи.

72. Мопсопія—старинное прозвище Аттики, царства Тезея, который первый влюбился въ Елену и похитилъ ее.

73. Гость Идейскій—Парисъ, по горѣ Идѣ, на которой онъ воспитанъ былъ пастухами.

83. Лукъ, изъ котораго былъ смертельно раненъ Ахиллъ, по преданію, направленъ самимъ божественнымъ покровителемъ Трои, Аполлономъ.

105. Титанъ—солнце (ср. у Анакреона: „посмотри, Титана—солнца въ полномъ блескѣ колесница").

112. Скиросъ—одинъ изъ Цикладскихъ островов, родина Деидаміи, матери Пирра.

Посланіе IX.

Деянира—жена Геркулеса, имъ покинутая и, въ отомщеніе, пославшая мужу отравленную рубашку.

1. Эхалія—городъ на островѣ Евбеѣ, разрушенный Геркулесомъ, который при этомъ влюбился въ мѣстную царевну Іолу.

7. Еврисѳей—царь Микенскій, которому служилъ Геркулесъ, по волѣ Юноны.

9. Намекъ на Юпитера, по преданію считавшагося отцомъ Геркулеса.

14. Нерей, богъ Океана, здѣсь вмѣсто самого океана.

21. Еще когда Геркулесъ лежалъ въ колыбели, двѣ змѣи вползли въ нее, и были задушены сильной рукой ребенка.

25. Сѳенелъ—отецъ Еврисѳея, упоминавшагося выше.

39. Здѣсь разумѣются гаданія по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ.

43. Мать—т. е. мать Геркулеса, родившая его отъ Зевса.

44. Амфитріонъ—отецъ (de jure) Геркулеса, Гиллъ—сынъ его отъ Деяниры.

49. Авга—дочь Алея изъ Тегеи въ Аркадіи, родившая отъ Геркулеса сына, Телефа. Пареeній—гора на границѣ Аркадіи.

50. Внука Ормена—Астидамія, родившая отъ Геркулеса Ктезиппа (Библіотека Аполлодора).

51. Теврантова шайка—пятьдесятъ внучекъ Тевеанта, дочерей Өеспія (въ Беотіи), родившихъ отъ Геркулеса пятьдесятъ сыновей.

54. Ламъ—сынъ Геркулеса отъ лидійской царицы Омфалы.

61. Немейскій грабитель—извѣстный Немейскій левъ, убійство котораго было одной изъ 12 задачъ, назначенныхъ Геркулесу Еврисөеемъ.

66. Мэонія—тоже что Лидія.

67. Баснословный царь Өракійскій, Діомедъ, скармливалъ своихъ плѣнныхъ своимъ лошадямъ; убитъ Геркулесомъ.

69. Старинный царь Египта, Бузирисъ, приносилъ всѣхъ чужестранцевъ въ жертву богамъ.

71. Антей—богатырь—царь Ливіи, убивавшій своихъ гостей въ единоборствѣ; Геркулесъ же замѣтилъ, что каждое прикосновеніе къ матери—землѣ придавало новыя силы Антею, поднялъ его на воздухъ и въ этомъ положеніи убилъ его. Пословица объ Антеѣ, черпающемъ силы на груди матери земли, очень широко извѣстна.

87. Тегея—городъ въ Аркадіи, Ериманөъ гора тамъ-же, гдѣ Геркулесъ умертвилъ страшнаго кабана, опустошавшаго окрестности.

89. Относится, какъ и слѣдующій стихъ, къ тому же Діомеду, царю Өракійскому. Внѣшность его жилища, такимъ образомъ, представлена здѣсь точно также, какъ въ русскихъ

былинахъ представляется жилище Соловья—разбойника.

91. „Тройнымъ“ Иберійскій (Испанскій) царь Геріонъ названъ потому, что по преданію онъ былъ трехтѣлый, троеликій. Геркулесъ увелъ у него любимое стадо.

94. Церберъ—адскій песъ, стражъ входа въ преисподнюю.

95. Лернейская гидра, которой, чѣмъ больше рубили головъ, тѣмъ болѣе наростало новыхъ.

97. Относится къ Немейскому льву, о которомъ выше.

100. Кентавры—миѳическія существа, съ половиной тѣла человѣческой, половиной конской.

103. Іорданъ—отецъ Омфалы.

115. Лерна—озеро неподалеку отъ пелопонесскаго Аргоса, гдѣ Геркулесъ убилъ многоголовую гидру и ядомъ ея смочилъ свои стрѣлы.

133. Евритъ—отецъ Іолы.

139. Ахелой—богъ рѣки того же имени (теперь Аспропотамо), соперникъ Геркулеса въ любви къ Деянирѣ.

141. Евенъ—рѣка, въ водахъ которой одинъ изъ кентавровъ, Нессъ, покушался обезчестить Деяниру, пока переносилъ ее, за что убитъ Геркулесомъ.

144. Рубашка, смоченная въ ядовитой крови Несса, упоминавшагося ранѣе кентавра.

150. О Мелеагрѣ упоминалось въ одномъ изъ предъидущихъ посланій и примѣчаніяхъ къ нему (II—„Бризеида“).

153. Агрій, родной братъ Энея (Oeneus), отца Деяниры, отнялъ у него престолъ, съ помощью своихъ сыновей.

155. Тидей, обвиненный Агріемъ въ убійствѣ, бѣжалъ съ родины въ Аргосъ.

156. Относится къ Мелеагру, роковыя обстоятельства смерти котораго отмѣчены въ прим. ко II посланію.

157. Послѣ смерти Мелеагра.

Посланіе X.

Аріадна—дочь Миноса, критскаго царя, по любви къ

Тезею спасшая его изъ лабиринта, по дорогѣ имъ коварно покинутая и ставшая потомъ супругой бога Вакха.

48. Огигійскій—Ѳиванскій, по старому царю беотійскихъ Ѳивъ, Огигу; ѳиванскимъ Вакхъ названъ по матери, ѳиванской царевнѣ Семелѣ.

68. На Критѣ, по преданію, вскормленъ былъ маленькій Зевсъ.

77. Брата—т. е. брата Аріадны, убитаго по дорогѣ Тезеемъ, чтобъ отвлечь отъ себя преслѣдованіе.

91. Мать Аріадны, Пазифая, собственно въ преданіяхъ называется дочерью Геліоса, бога солнца, но Геліосъ и Аполлюнъ часто сливаются въ древнихъ легендахъ въ одно лицо.

99. Андрогей—сынъ Миноса, побѣдившій всѣхъ на Панаѳинейскихъ играхъ и послѣ игръ убитый, за что Миносъ, его отецъ, пошелъ на Аѳинянъ войною и обязалъ ихъ человѣческой данью Минотавру.

100. Кекропидовъ земля—Аттика, по древнѣйшему насельщику и царю, Кекропсу.

102. Полумужъ, полубыкъ—Минотавръ, сынъ Пазифаи (жены Миноса) и быка.

131. Эѳра—мать Тезея; Питтей ея отецъ, Трезенскій царь.

Посланіе XI.

Канака—дочь царя вѣтровъ, Эола, забеременѣвшая отъ родного брата, Макарея.

9. Евръ—восточный вѣтеръ; въ данномъ случаѣ, вообще вѣтеръ.

13. Сиѳонъ—сынъ Нептуна, царь Ѳракійскаго Херсонеса.

55. Люцина—богиня родовъ, помогающая роженицамъ.

103. Еринія—адскія богини мести.

105. Съ лучшею Паркою—т. е. съ лучшей судьбой, потому что Парки были богинями судьбы.

Посланіе XII.

Царица Колхиды, Медея, пособившая предводителю аргонавтовъ, Язону, овладѣть золотымъ руномъ, жалуется на него за его обманъ.

3. Относится къ Паркамъ.

8. Пелійскимъ корабль Арго названъ потому, что сдѣланъ изъ дерева, взятаго на Ѳессалійской горѣ Пеліонѣ.

9. Магнетскій Арго—т. к. корабль построенъ былъ въ Магнезіи.

10. Фазисъ—теперешній Ріонъ.

27. Эѳира—старинное названіе Коринѳа.

29. Этъ—отецъ Медеи, царь Колхидскій.

49. Зоркаго стража—т. е. дракона, безсонно сторожившаго сокровище золотого руна.

53. Креуза, дочь Креонта, Коринѳская царевна,—та, для брака съ которой Язонъ измѣнилъ Медеѣ.

65. Миніямъ—т. е. аргонавтамъ, по Минію, богатому Орхоменскому царю, баснословному предку аргонавтовъ.

66. Эзониду—сыну Эзона, Язону.

79. Тройственнымъ ликомъ—Луна на небѣ, Діана—охотница на землѣ, Геката въ подземномъ мірѣ (къ послѣдней особенно относится „тайное служенье“).

104. Истмъ—перешеекъ между двумя морями, подъ Коринѳомъ.

107. Жаркіе взоры—у дракона.

121. Симплегады—два небольшіе скалистые островка въ устьѣ Ѳракійскаго Босфора, которые, по преданію, постоянно сталкивались между собою и разбивали все, попадавшее между ними, пока, со времени счастливаго проѣзда корабля Арго, не стали неподвижными.

123. Сцилла—опасный для плавающихъ утесъ въ Сицилійскомъ морѣ, который фантазія древнихъ представляла въ

видѣ чудовища съ женской головой и грудью, внизу кончавшагося шестью собачьими мордами и двѣнадцатью собачьими лапами. Первоначально прекрасная дочь Форка, превращенная въ чудовище волшебницей Цирцеей изъ ревности къ влюбленному въ Сциллу Главку (XIV книга „Метаморфозъ“, въ началѣ).

125. Опасный водоворотъ Харибда, противъ утеса Сциллы.

126. Тринакрія—древнѣйшее названіе острова Сициліи.

127. Гэмоніей въ старину называлась Өессалія, родина аргонавтовъ.

129. Пелій—Өессалійскій царь, сводный братъ Эзона, разрубленный на куски и сваренный своими дочерьми, по уговору Медеи, которая такимъ путемъ обѣщалась вернуть старику молодость.

203. Сизифъ—старинный царь Коринөа, знаменитый своимъ коварствомъ.

Посланіе XIII.

Лаодамія—Өессалійская царевна, жена Протезилая, перваго изъ грековъ павшаго подъ Троей.

3. Авлида—беотійскій городъ, мѣсто общаго сбора греческихъ войскъ, направлявшихся подъ Трою.

25. Акастъ—отецъ Лаодаміи.

33. Двурогій богъ—Вакхъ.

35. Филака—Өессалійскій городъ, столица Протезилая.

45. Тэнаръ—городъ въ Спартѣ. Тэнарская хозяйка—Елена.

Посланіе XIV.

Гипермнестра—младшая изъ пятидесяти Данаидъ, одна спасшая отъ смерти своего мужа, въ то время какъ остальныя ея сестры, по волѣ отца Даная, убили своихъ мужей, сыновей Эгипта, въ самую брачную ночь.

9. Котораго мы не сквернили—т. е. огня брачныхъ факеловъ, имѣвшихъ символическое значеніе теплоты и искренности супружескаго чувства.

23. Инахъ—рѣчной богъ и первый царь Аргоса, предокъ Даная.

26. Алтарь оскорбленъ, конечно, тѣмъ избіеніемъ, которое при немъ замышляется.

61. Отецъ жениховъ, Эгипетъ, и отецъ невѣстъ, Данай, были родными братьями.

73. Белъ—Эгипетскій царь, отецъ Даная и Эгипта.

86. Іо, дочь Инаха, упомянутаго въ примѣчаніи къ 23-му стиху, возлюбленная Зевса, превращенная за то мстительной Юноной (Герой) въ корову. Послѣ долгихъ мученій и скитаній, Іо получаетъ въ Эгиптѣ прежній видъ и затѣмъ сливается, въ народномъ поклоненіи, съ богиней Изидой.

89. У берега влаги родимой—какъ указано, Инахъ былъ рѣчнымъ богомъ.

Посланіе XV.

21. Сигей—мысъ и гавань Трои.

22. Ферeклъ—Троянецъ, построившій для Париса корабли.

173. Плеяда—одна изъ семи дочерей Атласа, блещущихъ въ семизвѣздномъ созвѣздіи Плеядъ. Зевсъ былъ отецъ Дардана, Дарданъ—Ила, Илъ—Лаомедонта, Лаомедонтъ—Пріама.

196. Терапна—городъ въ Лаконіи, родина Елены.

197. Сынъ троянскаго царя, Троя, Ганимедъ, за красоту свою былъ похищенъ Зевсомъ на небо и сдѣлался виночерпіемъ боговъ.

199. Мужъ богини зари, Авроры,—Троянецъ Тиѳонъ.

201. Анхизъ—отецъ Энея отъ богини любви, Венеры.

205. Въ библіотекѣ Аполлодора разсказано, что за престолъ въ Микенахъ спорили два брата,—Атрей (отецъ Менелая) и Ѳіестъ. Зевсъ повелѣваетъ Атрею согласиться съ Ѳіестомъ, что царемъ сдѣлается Атрей, если солнце взойдетъ въ обратномъ порядкѣ; Ѳіестъ согласился на это,—и солнце взошло на западѣ. Такимъ образомъ Атрей сталъ царемъ въ Микенахъ.

206. Конецъ стиха относится, вѣроятно, къ пиру, которымъ угостилъ Атрей брата, Ѳіеста, за прелюбодѣяніе съ Атреевой женой, Аеропой. Именно, онъ угостилъ Ѳіеста мясомъ его сыновей. Такъ разсказано у Аполлодора.

207. Дѣдъ Менелая, Пелопсъ, (отецъ Атрея) сватался за дочь пизскаго царя Эномая, Гипподамію. Такъ какъ условіемъ брака со стороны царя было обогнать его въ бѣгѣ на колесницахъ, то Гипподамія, влюбившись въ Пелопса, убѣдила царскаго возницу Миртила помочь имъ. Миртилъ вынулъ спицы изъ колесъ царской колесницы, и Эномай во время бѣга упалъ и разбился до смерти. Позднѣе, когда Миртилъ попытался разъ обезчестить Гипподамію, Пелопсъ бросилъ его въ море, названное по его имени Миртойскимъ (по Аполлодору).

209. Такая казнь постигла въ подземномъ мірѣ Тантала, отца Пелопса, за оскорбленіе боговъ.

263. Аталанта, дочь беотійца Схенея, обѣщалась выйти замужъ лишь за того, кто побѣдитъ ее въ бѣгѣ. Гиппоменъ, сынъ Мегарея изъ Онхеста, обогналъ ее съ помощью богини Венеры (Метаморфозы X 560 слл.).

278. Сестра—пророчица Кассандра.

290. Какъ любовникъ Леды, матери Елены.

318. Очевидное подражаніе у Гёте: „Und die erwärmete Nacht wird uns ein glänzendes Fest“ (Elegien, IX).

327. Двѣ дочери Левкиппа, Феба и Гипайра, похищенныя близнецами—братьями Елены, Касторомъ и Поллуксомъ, упо-

минаются (впрочемъ, только первая по имени) въ Овидіевомъ „Искусствѣ любви“ I 679.

343. Ориѳія—дочь Ерехтея, миѳическаго царя Аттики, похищенная богомъ сѣвернаго вѣтра, Аквилономъ (Бореемъ).

345. Фазійку—т. е. Медею, по протекавшему на ея родинѣ, Колхидѣ, Фазису (Ріонъ). Пагаза морской городъ въ Ѳессаліи, мѣсто постройки корабля Арго.

348. Миноиду—т. е. дочь Критскаго царя Миноса, Аріадну (ср. посланіе X).

357. Какъ отмѣчалось раньше, Парисъ былъ воспитанъ на горѣ Идѣ пастухами. Имя, которое онъ получилъ по первому своему подвигу, было имя Александра (отражающаго мужей).

360. Иліоней, Деифобъ—имена троянцевъ, извѣстныя и изъ Гомера.

Посланіе XVI.

20. Герой Нептуновъ—Тезей, внукъ Нептуна, бога моря.

87. Подражаніе у Гете: „Wein floss über den Tisch,
und sie, mit zierlichem Finger
Zog auf dem hölzernen Blatt Kreise der Feuchtigkeit hin.
Meinen Namen verschlang sie dem ihrigen; u. s. w. (Elegien XV).

150. Эѳра—служанка Елены.

166. Тоже выраженіе повторяется относительно одного средневѣковаго короля (Шайноха, „Ядвига и Ягайло“).

193. Ср. посланія VI и X.

196. Посланіе V.

231. Эетъ—отецъ Медеи (ср. посл. XII).

237. О вѣщемъ снѣ Гекубы передъ рожденіемъ Париса сказано раньше, въ примѣч. къ V посл.

244. т. е. Аѳины и Юноны.

248. Атракіянка—по Өессалійскому городу Атраксу. О борьбѣ съ кентаврами на свадьбѣ царя Лапиөовъ, Пириөоя, съ Гипподаміей Овидій разскажетъ послѣ въ „Метаморфозахъ“ (XII 210 слл.).

Посланіе XVII.

Преданіе, на которомъ основано стихотвореніе, о нѣжныхъ влюбленныхъ, раздѣленныхъ узкимъ морскимъ проливомъ, общеизвѣстно.

1. Абидосъ—городъ въ малой Азіи близъ Геллеспонта; напротивъ, на европейскомъ берегу пролива—Сестъ.

42. Актэ—старинное названіе Аттики. Актейка—Ориөія, дочь аөинскаго царя Ерехөея, похищенная влюбленнымъ въ нее Бореемъ.

46. Гиппотадъ—внукъ Гиппота, Эолъ, царь вѣтровъ.

49. Дедалъ—аөинскій художникъ, строитель лабиринта на Критѣ, спасшійся отъ Миноса на сдѣланныхъ искусственно крыльяхъ. При этомъ полетѣ сынъ Дедала, Икаръ, неосторожно приблизившись къ солнцу, отчего растопился воскъ на его крыльяхъ, упалъ въ море и погибъ (Метаморфозы VII).

62. На горѣ Латмосѣ въ Каріи, по преданію, влюбленная богиня луны сходила къ спящему красавцу Ендиміону.

74. Цинтъ—гора на островѣ Делосѣ, мѣсто рожденія Аполлона и Діаны.

81. Цеиксъ—сынъ Люцифера, царя Трахина, потерпѣвшій кораблекрушеніе и, вмѣстѣ съ женой Альціоной, превращенный въ морскую птицу (зимородка).

111. Тиөона жена—Аврора, богиня зари.

112. Люциферъ—звѣзда утренняго разсвѣта.

117. Дѣвичье море—Геллеспонтъ, названный по имени погибшей въ немъ дѣвушки, Геллы.

137. Аөамантово море—Аөамантъ отецъ упомянутой выше Геллы, сынъ Эола, бога вѣтровъ.

142. Фриксъ братъ Геллы, вмѣстѣ съ нею спасавшійся черезъ море отъ гнѣва мачехи на золоторунномъ баранѣ, посланномъ дѣтямъ матерью, Нефелой, богиней облаковъ.

149. Гелика, Арктосъ, ниже Андромеда и Корона—все имена созвѣздій, съ каждымъ изъ которыхъ связано въ греческой миѳологіи извѣстное преданіе.

152. Парразія—городъ въ Аркадіи.

153. *Возлюбленная Персея—Андромеда*, превращенная въ созвѣздье на сѣверномъ небѣ. Юпитеръ былъ въ связи съ аркадской царевной Каллисто, Юнона изъ ревности превратила ее въ медвѣдицу, Юпитеръ перенесъ ее въ небо, въ видѣ созвѣздія Большой Медвѣдицы; къ ней относятся предыдущія слова о „Парразійской звѣздѣ". Въ созвѣздіе Короны перенесена, по преданію, корона или вѣнецъ критской царевны Аріадны, любимой Вакхомъ (Либеръ одно изъ его прозвищъ).

158. Подъ „Ѳессалійской сосной" разумѣется корабль аргонавтовъ.

159. Палемонъ—морской богъ.

166. Элидскія ограды—на Олимпійскихъ играхъ, въ Элидѣ.

187. Здѣсь и въ слѣдующемъ стихѣ названія звѣздъ, восходившихъ въ небо въ глубокую осень, когда уже опасно морское плаванье.

Посланіе XVIII.

123. Ср. примѣч. къ предыдущему стихотворенію.

126. Мачеха Геллы, Ино, вторая жена Аѳаманта, также почитается морской богиней.

131. Преданіе о любви Амимоны, дочери Даная, и Нептуна, помимо классическихъ источниковъ, можно найти въ превосходномъ антологическомъ стихотвореніи Фета: „Амимона".—Тиро—дочь Салмонея, сына Эола, царя вѣтровъ.

177. Любовникъ Идейскій—Парисъ.

Посланіе XIX.

60. Θетида—богиня моря; „среброногая“ постоянный ея эпитеръ у Гомера.

69. О Бризеидѣ ср. посланіе второе. Теламонъ—одинъ изъ аргонавтовъ. Гезіона—дочь троянскаго царя Лаомедонта, которую Геркулесъ спасъ отъ морского чудовища и отдалъ въ жены Теламону.

101. Вепрь Калидона былъ посланъ Артемидой, оскорбленной, что ее одну обошли при жертвоприношеніи. О дальнѣйшихъ обстоятельствахъ говорилось раньше, въ примѣч. ко II посл.

103. Извѣстно преданіе объ Актэонѣ, увидавшемъ случайно Діану купавшеюся и за то затравленномъ собственными собаками.

105. Ніобея, хваставшаяся передъ богиней Латоной своимъ многочадіемъ и за это пораженная внезапною смертью всѣхъ дѣтей. Ср. на этотъ сюжетъ превосходное стихотвореніе А. Н. Апухтина (съ подзаголовкомъ: заимствовано изъ „Метаморфозъ“ Овидія):

Стоитъ Ніобея безмолвна, блѣдна,
Текутъ ея слезы ручьями..
И чудо! Глядятъ: каменѣетъ она
Съ поднятыми къ небу руками.
Затихли отчаянье, гордость и стыдъ,
Безсильно замолкли угрозы.
Въ красѣ упоительной мраморъ стоитъ
И точитъ обильныя слезы.

106. Мигдонія—мѣстность во Фригіи.

157. Совершенно софистическія и чуждыя всякой поэзіи соображенія въ стихахъ, какъ нерѣдко въ „Героиняхъ“.

192. Та-Діана, какъ покровительница родовъ.

204. Стрѣлы несущей—т. е. Діанѣ—охотницѣ.

221. Корикскія—все равно, что Парнасскія: такъ назывался гротъ у подошвы Парнасса, посвященный нимфамъ и богу Пану.

Посланіе XX.

10. Гипполитъ—любимецъ дѣвственной Діаны, извѣстный въ поэтической обработкѣ по трагедіи Еврипида.

12. Послѣдующіе стихи стихотворенія признаются не подлинными. Слѣдуемъ въ этомъ изданію Меркеля (P. Ovidius Naso ex recognitione Rudolfi M—ii. Lipsiae. 1868), по которому исполненъ и весь предлагаемый переводъ.

Посланіе (XV).

Это стихотвореніе, посвященное извѣстной греческой поэтессѣ, почитается не принадлежащимъ Овидію.

11. Тифоевой Этна названа здѣсь по имени погребеннаго подъ нею мятежнаго титана, Тифоея.

15. Меѳимна, Пирра—города на островѣ Лесбосѣ.

25. О любви Аполлона къ Дафнѣ, окончившейся превращеньемъ послѣдней въ лавровое дерево, есть разсказъ въ I кн. „Метаморфозъ". Кноссъ—въ древности столица Крита, такъ что „Кносская дѣва"—та же Аріадна, о которой здѣсь упоминалось неразъ.

27. Пегазиды — собственно, рѣчныя, водяныя нимфы, здѣсь—музы.

29. Алкей—знаменитый лирическій поэтъ, родомъ, какъ и Сапфо, съ острова Лесбоса.

35. Андромеда, упоминавшаяся выше, была дочерью Эѳіопскаго царя.

38. Ср. Овидія „На смерть попугая" въ переводѣ Фета:

Ты-жъ неутѣшнѣй другихъ, нѣжная горлица, плачь.
Жизнь вся ваша была наполнена добрымъ согласьемъ
И до конца простоялъ долгій и прочный союзъ.

54. Низійской земли—по имени Низа, царя сицилійскаго города Мегары.

57. Эрициной названа Венера по сицилійской горѣ Эриксу, славной святынею Венеры.

81. Сестры—т. е. Парки, богини судьбы.

84. Талія—одна изъ музъ.

88. Кефалъ—возлюбленный богини зари, Авроры.

135. Титанъ—солнце.

140. Эрихто—Ѳессалійская волшебница.

142. Мигдонія—мѣстность во Фригіи.

154. Давлія—городъ въ Фокидѣ, и доселѣ сохранившій тоже имя. Итисъ—сынъ ѳракійца Терея (оттого „Исмарскій“ по горѣ и городу во Ѳракіи) и аѳинской царевны Прокны. Послѣ рожденія Итиса, Терей влюбился въ сестру жены, Филомелу, и обезчестилъ ее. Въ месть за это, Прокна убила своего сына и угостила его мясомъ—Терея. Терей погнался за обѣими сестрами съ топоромъ. Настигаемыя, онѣ взмолились къ богамъ, и превратились—Прокна въ соловья, Филомела—въ ласточку (часто считается и наоборотъ, такъ что въ русскомъ стихѣ: „Звукъ унылый Филомелы“ Филомела, конечно, соловей), а Терей въ удода.

164. Амвракія—городъ на южной границѣ Епира.

166. Левкадія—островъ на іонійскомъ морѣ, съ храмомъ Аполлона.

167. Девкаліонъ, сынъ Прометея, и его жена, Пирра,—единственные люди, спасенные Зевсомъ при всемірномъ потопѣ.

211. Обѣтныя жертвы—жертвы, обѣщанныя богамъ въ случаѣ счастливаго исхода плаванія.

213. Рожденная моремъ—т. е. Венера.

